

ISSN 0042-8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

12

2016

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

12/2016 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- К.А. Юдин** — От сталинской диктатуры к хрущёвской «модернизации» 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- П.А. Искендеров** — Абдюль Фрашери 16

СООБЩЕНИЯ

- М.А. Фельдман** — Восприятие нэпа региональной элитой в конце 1923 г. 29
- М.В. Оськин** — Продовольственное снабжение русской армии накануне и после Февральской революции 1917 г. 40
- С.Ю. Краснов** — Опека по обычному праву у донских казаков во второй половине XIX в. 54
- Т.А. Васина** — Реформы 1860-х гг. на оружейном и железнодорожном заводах Ижевска 68
- В.А. Воропанов** — Системы правосудия в областях Северного Приуралья в XVI—XVII вв. 81

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- Ф.П. Ходеев** — Мир 1940 г. с Финляндией как стратегическая ошибка 98
- М. Гасымлы** — Территориально-пограничные вопросы на Русско-турецкой конференции и в Московском договоре в 1921 г. 103

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Г.С. Иванов — Жизнь и деятельность Г.М. Попова 114

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

В.В. Перхин — С.С. Прокофьев, Д.Д. Шостакович и В.М. Молотов (по поводу одного письма 1950 г.) 121

Е.В. Бородина — Социальная структура России в период Петровских преобразований (на примере Кунгурского уезда первой трети XVIII в.) 125

Н.Н. Крадин, Н.П. Крадин — Кондуйские древности ... 133

З.А. Халаев — Джаро-Белоканы во внешней политике Османской империи в XVIII — начале XIX в. 139

И. Нифталиев — Партийно-политическое образование в Азербайджанской ССР в 20-х — 30-х гг. XX в. 143

ИСТОРИОГРАФИЯ

А.А. Васильев — Концепция консервативной стабилизации в российском обществе в XIX—XX вв. 151

Г.Е. Гиголаев — В.П. Булдаков, Т.Г. Леонтьева. Война, породившая революцию 160

А.А. Исэров — Р.Ф. Фостер. Живые лица: революционное поколение в Ирландии, 1890—1923 161

В.И. Голдин — Дж.Д. Смил. «Российские» гражданские войны, 1916—1926. Десять лет, которые потрясли мир 165

Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 2016 году 170

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

От сталинской диктатуры к хрущёвской «модернизации»

К.А. Юдин

Аннотация. Настоящая публикация посвящена институционально-политическим аспектам функционирования партийно-государственного аппарата СССР в 1950—1960-е годы. В ней сфокусировано внимание на проблеме идейно-организационной трансформации модели управления, запущенной процессами «десталинизации», инициированной Н.С. Хрущёвым. Автор анализирует взаимоотношения разных уровней власти (центра и региона), обращаясь к отдельным этапам многочисленных реорганизаций, оценивает результаты «модернизации» государственного аппарата, делая вывод о том, что на его структурный облик, эффективность реализации административных полномочий повлиял ведущий системный фактор, заключавшийся в изменении типов иррациональности. Произошел переход от энтропии как метода «контролируемого хаоса», практиковавшегося в годы сталинской диктатуры к аморфной институциональной эклектике, полностью отразившей характер и обусловленный им стиль управления нового лидера страны.

Ключевые слова: сталинская диктатура, модернизация государственного управления, партийно-политический контроль, десталинизация, центральная и региональная власть, Н.С. Хрущёв, энтропия, иррациональный авторитаризм.

Abstract. This work is devoted to institutional and political aspects of the functioning of the party-state apparatus of the USSR in 1950—1960-ies. It focused attention on the problem of ideological and organizational transformation of the governance model, the running process «destalinization» initiated by N.S. Khrushchev. The author analyzes the relationship between different levels of government (central and region), referring to the individual stages of numerous reorganizations, evaluates the results of «modernization» of the state apparatus. It was concluded that its structural appearance, the effectiveness of the implementation of the administrative authority, influence factor leading system, is to change the type of irrationality. There was a transition from the entropy as a method of «controlled chaos», practiced in the years of Stalin's dictatorship to amorphous institutional eclecticism fully reflect the nature and due to them the country's new leader management style.

Key words: Stalin's dictatorship, the modernization of public administration, the party-political control, de-Stalinization, the central and regional authorities, N.S. Khrushchev, entropy, irrational authoritarianism.

Юдин Кирилл Александрович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник НИИ интеллигентоведения Ивановского государственного университета. E-mail: kirill-yudin.hist@mail.ru.

Yudin Kirill A. — PhD, associate professor, senior researcher of the Research Institute on Intelligentsia Studies Ivanovo State University. E-mail: kirill-yudin.hist@mail.ru.

Начало 1950-х гг. без преувеличения можно рассматривать как один из самых значительных рубежей не только в истории советского государства, но и всего мирового сообщества. Со смертью в марте 1953 г. И.В. Сталина, находившегося у власти почти 30 лет, ушла целая эпоха, представлявшая собой особое, уникальное социокультурное измерение, внутренняя жизнь, ритмы и направление развития которого практически всецело зависели от убеждений одного человека.

Сила Сталина как лидера, а также жизнеспособность созданной им системы управления и контроля заключались в способе взаимоотношений со всеми ее элементами лично-персонального и институционального порядка. Сталинский режим функционировал как неопатримониальная диктатура ¹, некая «матрица» связей разного уровня и дистанции между центром (вождем) и локально-периферийными структурами — областными, краевыми, республиканскими партийными и советскими организациями, органами государственной безопасности, цензуры и т.п. Исполнительная активность этого разветвленного аппарата, готового реализовать даже самые абсурдные и жестокие директивы, как это было в годы «большого террора», во время послевоенных идеологических кампаний, приводилась в действие за счет психополитической манипуляции, включавшей два основных противоположных стимула:

1) Признавалось право на определенную порцию самостоятельности и даже откровенный произвол в «своей нише», предоставляемое руководителям того или иного ведомства. Типичный пример — поощряемая «сверху» инициатива начальников региональных управлений НКВД в установлении дополнительных «лимитов» на аресты «контрреволюционных элементов», причем некоторым сталинским ставленникам по причине субъективной, исходящей только от вождя благосклонности, предоставлялись долгосрочные полномочия. Достаточно вспомнить стабильность карьерного роста некоторых крупных партийных лидеров, например, первого секретаря ЦК компартии Азербайджана М.Д. Багирова, управлявшего своей «вотчиной» 20 лет, с 1933 по 1953 гг. ², несмотря на борьбу с «местническими уклонами», «семейственностью и групповщиной», объявленных февральско-мартовском пленуме 1937 г. одними из самых опасных пороков партийной жизни, выступающих симптомом контрреволюционного поведения высшего типа — «фракционного оппортунизма» ³.

2) Генерировалась обстановка, которую можно обозначить как эффект турбулентности — перманентной военно-мобилизационной активности. Вся вертикаль власти, начиная от Политбюро и заканчивая рядовыми членами партии, существовала в напряженном «режиме ожидания» очередного непредсказуемого вмешательства вождя, которое могло моментально разрушить весь привычный личный, ведомственный «микrokлимат». Именно «контролируемый хаос», целенаправленное распыление социальной энергии в нужном направлении посредством манипуляции информационными потоками ⁴, составляло сущность сталинской диктатуры, представляющей собой комбинацию антиномий — порядка и произвола, насилия и искреннего энтузиазма, истины и лжи.

Устранение «фактора Сталина», выступавшего главным звеном этой системы, открыло путь для долгожданной и в значительной степени своевременной модернизации. С самого момента ухода дикта-

тора из жизни его «наследники» предприняли ряд решительных шагов, предопределивших очертания послесталинской модели управления, основным методом построения которой стало целенаправленное уничтожение описанного выше «иррационального консерватизма», смягчение контрольно-репрессивного давления с общим курсом на возвращение к коллегиальности, воспринимаемой как защитный механизм от вождистского произвола. В марте 1953 г. был создан единый Президиум ЦК КПСС, что покончило с изоляцией В.М. Молотова, А.И. Микояна, пострадавших от последних нападок Сталина. Комитет государственной безопасности (КГБ), учрежденный через год, 13 марта 1954 г., отныне функционировал не как центральный орган государственного управления, а лишь как ведомство при Правительстве СССР. Это можно считать своеобразным финальным аккордом, расплатой за былое чрезмерное всемогущество, свертывание которого началось уже с марта 1953 г. в виде процесса реабилитаций — восстановления в партии, амнистии по персональным и «коллективным делам», ответственность за перегибы в проведении которых возлагалась на органы государственной безопасности. Так, 10 апреля 1953 г. Президиум ЦК КПСС одобрил мероприятия, проводимые МВД СССР по обнаружению преступных действий, совершенных Министерством госбезопасности, выражавшихся в «фабрикации фальсифицированных дел на честных людей», а также шаги по восстановлению «социалистической законности»⁵.

Десталинизация — условный и наиболее распространенный в историографии термин, наряду с «оттепелью» характеризующий политические процессы в стране, включал в себя такую важную составляющую как создание системы «коллективной безопасности». Это предполагало устранение наиболее опасных элементов, «атавизмов вождизма» и носителей избыточных и не соответствующих новой обстановке властных амбиций, как в центре, так и на периферии. Главным аутсайдером стал Л.П. Берия, персональное и ведомственное влияние которого (в МВД и МГБ, а также в Совете Министров) воспринималось остальной «командой» — В.М. Молотовым, А.И. Микояном, Л.М. Кагановичем, Н.С. Хрущёвым, Н.А. Булганиным, К.Е. Ворошиловым и др. — как угроза для общей стабильности. «Вовремя мы его убрали, — заявил Ворошилов. — Надо полагать, товарищи, что этот субъект только авантюрист. Можно без особого труда себе представить, что по воле этого негодяя, если бы он дольше оставался на своем месте, в одно время могла бы исчезнуть вся верхушка правительства»⁶. Берия был нейтрализован политически, а затем и физически — по постановлению пленума от 7 июля 1953 г. «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия»⁷, ставшего отправной точкой для репрессивных действий против лиц, объявленных членами «бериевской группировки», в которую были включены В.Н. Меркулов, В.Г. Деканозов, Б.З. Кобулов, С.А. Гоглидзе, П.Я. Мешик, Л.Е. Влодзимирский⁸ — его основные ставленники-исполнители по линии госбезопасности.

Однако процесс искоренения любых проявлений вождизма начался гораздо раньше. Так, уже в начале июня 1953 г. был освобожден от занимаемой должности секретарь ЦК КП(б) УССР Л.Г. Мельников, который обвинялся в «грубом нарушении коллегиальности и коллективного руководства» за то, что «неправильно организовал работу бюро ЦК, зазнался, неправильно относился к руководящим кад-

рам, а также применял осужденные партией администрирование, грубость, окрики и *проявлял вождизм...*»⁹ Не сумел оправдаться секретарь ЦК компартии Армении Арутинов, который на объединенном пленуме ЦК КП(б) Армении и Ереванского горкома КПСС 14—15 июля 1953 г. был дискредитирован с помощью стандартного инструментария — его упрекали в «зажиме самокритики», «слабом руководстве», троцкистских ошибках и формальной реакции на арест Берии¹⁰. Были сняты со своих постов Багиров, а затем слишком «засидевшиеся» на своих постах Я.Э. Калнберзин — в Латвии, Ж. Шаяхметов — в Казахстане, Б. Гафуров — в Таджикистане¹¹.

Существенной составляющей послесталинской политики следует считать тактику «либерального заигрывания», выразившуюся на первом этапе в «акциях примирения» с национальной интеллигенцией, а затем трансформировавшейся в целое административное направление по расширению полномочий местной партийно-советской номенклатуры. Весной-летом 1953 г. были осуществлены беспрецедентные, даже на декларативно-публичном уровне, уступки Украине, а также прибалтийским республикам, в частности, Латвии. В мае 1953 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «О политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украинской ССР», в котором осуждались излишне репрессивные меры по отношению к «повстанческому подполью». Было заявлено о необходимости увеличения численности руководящих кадров из числа коренного населения, а также о прекращении дискриминации украинского языка¹². 12 июня 1953 г. вышло аналогичное постановление Президиума ЦК КПСС «О национальной политике в Латвийской ССР», которое предписывало «покончить с извращениями советской национальной политики», активизировать «выращивание и широкое выдвижение латышских кадров на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу»¹³, а также отменить делопроизводство во всех партийных, государственных и общественных организациях не на латышском языке. Несмотря на то, что данное постановление принадлежало к ряду так называемых «бериевских инициатив», сам факт его появления вызвал «националистическую эйфорию», приобретшую долговременные симптомы. Как вспоминал М. Ракоши, «министр внутренних дел, который сам говорил по-латышски через пень колоду, самостоятельно разбил пишущую машинку с русской клавиатурой»¹⁴.

В 1959 г. в докладной записке комиссии ЦК КПСС и КПК при ЦК КПСС в Секретариат ЦК КПСС «О недостатках работы с кадрами в Латвийской ССР» от 8 июня говорилось: «Проверка показала, что ЦК КП Латвии допускает серьезные нарушения ленинских принципов в подборе кадров. Нередко при выдвижении и перестановке кадров, прежде всего, принимаются во внимание не деловые и политические качества, а национальная принадлежность. Под предлогом выдвижения работников, знающих латышский и русский языки, проводится определенная линия на замену кадров нелатышской национальности латышами. При этом не учитывается, что в республике, кроме латышей, насчитывается 38 % русских, украинцев, белорусов и других национальностей»¹⁵. Далее приводились неллицеприятные факты, когда латышское «лобби» отказывалось вопреки установленным номенклатурно-политическим правилам утверждать в должности сек-

ретарей, не владевших латышским языком, что приводило к катастрофической текучке кадров и искусственной заморозке пополнения состава парторганизаций. Так, секретарь Рижского горкома партии Страуямс заявлял, что «если подобранный работник не сумеет с ним объясниться на латышском языке, то такого человека не следует присылать к нему на беседу, горком не будет его утверждать»¹⁶.

Причиной усиления «местнического своеволия» стала десакрализация власти. Хрущёв уже не мог действовать как Сталин, на смену иррациональным атакам пришло неустойчивое колебание между популистскими акциями «поощрения» региональной номенклатуры, приводящими к ее раскрепощению, росту уверенности в достаточной прочности своего статуса, и «реорганизаторским синдромом», связанным с ломкой привычных административных схем и структурного облика хозяйственных и партийно-советских учреждений. Причем реорганизации, сопровождавшиеся кадровыми рокировками, переставали восприниматься как проявление воли непогрешимого вождя, а вызывали неприятие и отторжение, стимулировали существовавшие и при Сталине механизмы самозащиты в виде выработки неформальных контрмер на региональном уровне, направленных на нейтрализацию авторитарного вмешательства.

Значительные уступки, сделанные в 1954—1957 гг. региональным органам управления, дали основание английскому исследователю Т. Ригби считать это важным фактором, повлиявшим на победу Хрущёва в борьбе за власть¹⁷ и отстранение оппозиции — «антипартийной группы» Молотова, Маленкова, Кагановича, Шепилова. К числу первых «широких жестов» можно отнести восстановление полноправного статуса РСФСР. 27 февраля 1956 г. было создано бюро ЦК КПСС по РСФСР, тем самым, у России появился свой аппарат ЦК, как и у других союзных республик¹⁸.

Еще ранее начался процесс материального и политического укрепления позиций региональной номенклатуры. В целях «оказания конкретной помощи и оперативного контроля за деятельностью обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий» в мае 1954 г. отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) был разделен на два специализированных сектора внутривнутрипартийного контроля: отдел партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам и отдел партийных органов ЦК КПСС по РСФСР¹⁹. Именно эти структуры стали выполнять важную функцию посредника между центром и периферией, осуществлявшим мониторинг состояния номенклатурного корпуса: проблем кадровой динамики, финансового обеспечения, регистрацию проявления местной инициативы и степени обоснованности и допустимости поступивших предложений. Фактически, отдел партийных органов ЦК КПСС по РСФСР превратился в аналитический центр, занимавшийся подготовкой проектов постановлений ЦК, и обладавший солидными информационными ресурсами: «кроме республиканских секторов в отдел входили секторы профсоюзных и комсомольских организаций, подготовки и переподготовки кадров, организационно-уставных вопросов, единого партбилета, учета руководящих кадров»²⁰.

19 января 1954 г. Хрущёв подготовил записку в Президиум ЦК КПСС, в которой предлагал дать указания руководству обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, чтобы «они в определенный срок изучили этот вопрос (о рационализации и повышении эффективности управ-

ления. — *К.Ю.*), вскрыли и раскритиковали недостатки, имевшиеся в их работе, разработали и внесли в ЦК КПСС и Совет Министров СССР предложения об упорядочении работы аппарата с тем, чтобы сделать его более оперативным, работоспособным, выполняющим свои непосредственные функции...»²¹ На основании этой записки 25 января было принято постановление Президиума ЦК КПСС «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата»²².

Опираясь на эти директивные установки, в 1954—1959 гг. сотрудники отдела партийных органов ЦК КПСС Е.И. Громов, Д.В. Крупин, В.М. Чураев и другие разработали конкретные меры, заключавшиеся в отмене устаревших и не соответствовавших времени диспропорций в окладах между партийными и советскими работниками, упразднении централизованных административных процедур принятия решений и т.п. Многие из этих инициатив были одобрены. Так, постановлением Секретариата ЦК КПСС от 9 августа 1955 г. были расширены права региональных секретарей, которым передавалось право контролировать заказ, (высылку) бланков партийных документов без предварительного решения Секретариата, под ответственность первого секретаря. Были подтверждены полномочия местных парторганов самостоятельно решать вопросы о дислокации номенклатурных должностей партийных работников первичного звена в рамках общего штата и сметы. Райкомам и горкомам разрешалось выдавать партийные документы взамен утерянных²³. Эти изменения по расширению прав региональных комитетов были закреплены на XX съезде КПСС в виде соответствующих «поправок», внесенных в Устав партии²⁴. 21 марта 1956 г. было принято постановление ЦК об упразднении политорганов на железнодорожном транспорте, 12 апреля — в системе Министерства морского флота СССР, 5 июня — в милиции. 17 августа 1956 г. был ликвидирован институт парторгов ЦК КПСС на всех промышленных предприятиях, в научно-исследовательских учреждениях и т. д.²⁵.

В это же время, почувствовав «ветер перемен», некоторые партийные организации — Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Белоруссии, Грузии, Литвы — выступили с инициативами о продолжении модернизации государственного управления, которые были поддержаны постановлением Секретариата ЦК КПСС «О предоставлении ЦК компартий союзных республик права решения некоторых организационно-партийных и бюджетно-финансовых вопросов» от 2 августа 1957 года. В нем признавалось право республиканской власти утверждать штаты горкомов, райкомов и других подведомственных партийных учреждений; осуществлять внутрирегиональное районирование; контролировать выпуск местной периодической печати и систему партийного просвещения; устанавливать надбавки для работников сельских райкомов за счет командировочных расходов. Все эти привилегии, вместе с гарантией возможности переводить партийную документацию на национальные языки, а также поощрение «выращивания» молодых кадров с помощью «вербовки» внештатных инструкторов, были окончательно оформлены постановлением Секретариата ЦК КПСС, принятом 30 сентября 1958 г., «О дальнейшем расширении прав ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов, райкомов партии и первичных парторганизаций в решении организационно-партийных и финансово-бюджетных вопросов»²⁶.

При этом, высшее партийное руководство вовсе не собиралось утрачивать реальный политический контроль над региональной номенклатурой, который по-прежнему оставался жестким. Во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. в синусоидальном ритме, с циклами интенсификации и «затишья», проводилась кампания по борьбе с «канцелярско-бюрократическим методом руководства», в ходе которой предполагалось решить две фундаментальные задачи: устранить реальные недостатки партийно-советского и хозяйственного аппарата, продуктивную деятельность которого парализовали ведомства с фиктивной административной нагрузкой и чрезмерный делопроизводственный оборот, а также — дисциплинировать местных управленцев, напомнить им о границах дозволенного.

Однако власть не смогла последовательно провести ни одной кампании, поскольку все предпринятые меры носили формально-аппаратный характер, не были серьезно подготовлены и обнажали нерешительность, отсутствие прежнего идеологического заряда вождистско-харизматического плана, недостаток которого компенсировался стихийным реорганизационным ажиотажем. В 1954—1955 гг. были смещены секретари Брянского, Ярославского, Вологодского обкомов, а также Карело-Финской ССР, что мотивировалось однако не «политическими ошибками», а низкой степенью работоспособности и реактивности в претворении решений сентябрьского 1954, а также январского и июльского 1955 гг. пленумов ЦК КПСС соответственно, посвященных сельскохозяйственным проблемам. При этом, абсурдность претензий к региональным лидерам была очевидной. Например, в январе 1954 г. в докладной записке утверждалось, что работники Ярославского областного управления сельского хозяйства просто физически не могли продемонстрировать нужную степень реактивности, ибо они за 1953 г. получили от Министерства сельского хозяйства СССР и РСФСР 6474 приказов, распоряжений, телеграмм и писем или по 21 директиве ежедневно. К тому же признавалось, что за 11 месяцев 1953 г. из Совета Министров СССР в центральные и местные организации было отправлено 134 594 бумаги и получено более 150 тыс., или ежедневно по 470 исходящих и 530 входящих единиц документации ²⁷.

Тем самым, неэффективность реформ начала проследиваться уже на первых этапах их реализации. В докладной записке отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР, направленной в Секретариат ЦК КПСС по поводу проверки постановления ЦК КПСС от 25 января 1954 г. «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата», датированной 29 декабря 1956 г., констатировалось, что, несмотря на проведенное сокращение, партийный и государственный аппараты продолжают оставаться громоздкими и многоступенчатыми: «В настоящее время в аппарате министерств и ведомств РСФСР, их органах на местах и аппарате местных советов насчитывается 555 073 работника, или на 15 650 человек больше, чем было на 1 января 1954 г.» ²⁸.

Такая ситуация возникала в силу того, что региональные руководители не желали расставаться с дополнительными институциональными площадками, дававшими им возможность распределять по своему усмотрению материально-финансовые ресурсы. Кроме того, предложения по реформированию госаппарата, поступающие с мест, носили лишь

декларативный характер, являя собой привычную приспособленческую реакцию на «сигнал», исходивший из центра, в виде презентации «программы действий» по сокращению штата, либо содержали «контртребования» по рационализации хозяйственных структур с учетом специфики региона. Например, на собраниях партийных активов городов Кинешмы, Иванова, Фурманова, прошедших по итогам XX съезда КПСС, вносились предложения о том, чтобы Министерство текстильной промышленности выделило специальные заводы для производства запасных частей к оборудованию, а также поднимались вопросы о необходимости модернизации старых отделочных фабрик в сторону их более узкой специализации, высказывались претензии по проблемам планирования, снабжения фабрик хлопком, штапельным волокном, и др. материалами ²⁹. Кроме того, в декабре 1955 г. Ивановский обком КПСС представил вариант рационализации управления, по которому предполагалось допустимым освободить по всей партийной организации, включая сельские РК, 261 ответственного работника с общим фондом месячной заработной платы на сумму 253 тыс. рублей ³⁰.

В результате, к 1957 г. численность служащих госаппарата, в частности, по Литовской ССР, возросла в 3 раза, а в Латвийской ССР из общего числа в 1300 работников, освобожденных из административно-управленческого аппарата, 575 чел. вновь были устроены на работу в различные подразделения воссозданных после реорганизаций министерств и ведомств ³¹. Поэтому данные ЦСУ о том, что с сентября 1945 по сентябрь 1956 г. государственный аппарат сократился на 52 132 чел. или на 7,6% ³² оказались иллюзорными, ибо процесс «сокращения» аннулировался практически параллельным и синхронным восстановлением прежней, выгодной местной номенклатуре, расстановки сил. В очередном «спецсообщении» отдела партийных органов ЦК КПСС от 23 сентября 1957 г. был вновь зафиксирован негативный баланс: несмотря на все приложенные усилия, в 574 горкомах и 420 городских райкомах партии насчитывалось 22 463 ответственных и 8053 технических работника или по сравнению с 1940 г. больше на 5450 и 1860 чел. соответственно ³³.

В связи с этим Президиум ЦК КПСС утвердил предложения институтов внутрипартийного контроля о срочном сокращении аппаратов горкомов на 10—15%, тем самым, планировалось сэкономить 20 млн руб. в год на выплатах заработной платы «лишним» работникам. Однако это не привело к ощутимым изменениям, о чем свидетельствуют данные докладной записки сотрудников отдела партийных органов, составленной в июне 1961 года. За последние два года численность центрального аппарата министерств и ведомств СССР увеличилась на 1260 единиц, по союзным республикам цифры были еще более внушительными. На 4554 чел. вырос аппарат в РСФСР, на Украине — на 939, в Казахской ССР — на 1205. На 4—5 тыс. чел. увеличилась численность административно-управленческого персонала, занятого в снабженческо-сбытовых операциях, а штаты охраны предприятий достигли 1 млн 085 тыс. чел., что было на 170 тыс. больше ³⁴. Это сопровождалось общей консолидацией региональной номенклатуры, проявившейся в нарастающем организованном противодействии выдвигению новых кадров.

По состоянию на 1959 г. из 730 секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик в возрасте до 40 лет имелось толь-

ко 100 чел., а старше 50 — 144 чел. или 19,7%, в то время как в 1940 г. большинство партийных руководителей (56,9%) не достигали и 35-летнего возраста ³⁵.

Не оправдала себя и реформа совнархозов. В докладной записке, датированной 20 июля 1957 г., председатель Совета Министров РСФСР М.А. Яснов сообщал о трудностях с их кадровым обеспечением, что обуславливалось банальными причинами — отсутствием материального стимула: должности начальников управлений СНХ оплачивались ниже, чем соответствующие по уровню ставки чисто хозяйственного профиля на предприятиях, что привело к тому, что совнархозы комплектовались малоквалифицированными специалистами ³⁶. Кроме того, из регионов поступали «сигналы» о сохранении громоздких управленческих схем. Так, секретарь Ивановского обкома КПСС Ф.Е. Титов констатировал, что работники совнархозов и его управлений очень слабо связаны с предприятиями, а реальная деятельность подменяется бюрократическим потоком: в первом полугодии 1957 г. кинешемская прядильная фабрика, принадлежавшая системе «Росглавтрикотажа», получила от него 580 различных приказов и распоряжений, а от совнархоза — 830 бумаг ³⁷. А чуть позже вскрылось, что назначенный председателем ивановского совнархоза Е.Т. Алексеев по своему усмотрению расходовал средства, предназначенные текстильным предприятиям для жилищного строительства. 600 тыс. руб. были потрачены на строительство 10 дач для руководящих работников совнархоза. Однако Алексеев и его заместитель А.И. Гайдай отделались достаточно мягкими наказаниями — полуформальными партийными взысканиями ³⁸.

Это были одни из первых симптомов дальнейшего усиления местнического произвола, спровоцированного внутренней политикой Хрущёва, получившего возможность после обретения всей полноты формальной и реальной власти, устранения «антипартийной оппозиции» удовлетворить свою склонность к гигантомании, что нашло отражение в идейно-политических установках XXI съезда КПСС. На этом чрезвычайном «партийном форуме» и был принят семилетний план развития народного хозяйства, сложившийся на почве очередного обострения идеологических фантазий, связанных с публичным заявлением о построении социализма и необходимости ускоренного продвижения к следующей высшей фазе — «коммунистическому обществу». Борьба за «коммунизм» превратилась в новую экстремальную гонку за материальными показателями, одержимость экономикой, выполнение плана любой ценой. Партийные, советские и хозяйственные работники пошли на невероятные ухищрения для прикрытия так называемых «приписок» — фальсификаций масштабов якобы выполненных государственных обязательств по сдаче мяса, молока, другой сельскохозяйственной продукции.

Не ставя перед собой задачи детализировать обстоятельства преступных акций, сосредоточим внимание на поведенческой модели региональной номенклатуры. Она не просто не боялась наказания и разоблачения, но и оказывала откровенное противодействие центру. Так, когда в Рязанскую область прибыли сотрудники ЦСУ СССР для выяснения истинного положения дел, то наткнулись на серьезные препятствия. Начальник областного статуправления Строгов сообщил, что «он вызывается на совещание в обком партии, на котором

тов. Ларионов (секретарь обкома. — *К.Ю.*) заявил, что он не доволен приездом работников ЦСУ и поставит вопрос об отзыве их сегодня же обратно в Москву, поэтому товарищ Строгов рекомендовал им не приступать к проверке...». Кроме того, о том факте, что обком всячески препятствовал внутрипартийному, социально-экономическому мониторингу, сообщал председатель облисполкома Бобков, откровенно признававший, что «проверявших под разными предлогами выгоняли из области, выгнали работников Министерства финансов, ЦСУ»³⁹. В Тюменской области в июне 1957 г. проверка, произведенная Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС, выявила многочисленные «факты приписок и очковтирательства»: сотни тонн зерна оформлялись под сохранные расписки, хотя в действительности его в наличии не имелось. Несмотря на это, региональные лидеры демонстрировали полную невозмутимость и самоуверенность. В январе 1960 г. в Тюмени без разрешения правительственных органов началось строительство дворца спорта. На него были мобилизованы все материальные, финансовые и трудовые ресурсы, отвлеченные от других жилищно-хозяйственных объектов, строительство которых было полностью заморожено, а бюро обкома, даже после вмешательства партийных контролеров КПК, фактически, заняло выжидательную позицию, проигнорировав директиву о наказании виновных. Сам же секретарь Тюменского обкома Косов заявил на региональной партийной конференции: «Нам строительства дворца не разрешили, но, несмотря на запрет, мы будем его строить»⁴⁰.

Подобные демарши, неприкрытые «контратаки» против центра, фактически, нарушали сложившуюся институционально-политическую иерархию, повреждали механизм государственного управления, приведший к концу правления Хрущёва к состоянию крайней дестабилизации. Местнический произвол достиг таких пределов, что были санкционированы практически чрезвычайные меры, связанные с ограничением полномочий местных партийных комитетов по контролю за деятельностью судебно-следственных органов, которые наталкивались на препятствия при возбуждении уголовных дел в отношении коммунистов, получавших своего рода «индальгенцию» в виде формального дисциплинарного взыскания по партийной линии, объявлявшимся «достаточным» наказанием со стороны парткомитетов. Таким образом, региональная номенклатура освобождала виновных лиц от реальной ответственности. Постановлением Президиума ЦК КПСС от 20 декабря 1962 г. отменялась процедура, действовавшая с декабря 1938 г. (Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке согласования арестов»⁴¹) взаимодействия следственных органов с местными партийными организациями по поводу целесообразности ареста членов или кандидатов в члены КПСС, совершивших преступное деяние. Отныне предписывалось установить новый порядок, при котором арест, возбуждение уголовного дела и передача материалов в суд должны были производиться «в соответствии с законом на общих основаниях»⁴².

Однако эпизодическое вмешательство центра не привело ни к каким существенным результатам, а напротив, было, фактически, аннулировано дальнейшими безрассудными действиями хрущёвской администрации, пошедшей на демонтаж той системы управления, которая выстраивалась в течение всего послевоенного времени. Очередной раскол, уничтожение цельности власти в ходе разделения в

ноябре 1962 г. партийных и советских органов по экономическому, производственно-отраслевому принципу (на промышленные и сельскохозяйственные), что мотивировалось усложнением инфраструктуры народного хозяйства и необходимостью выработки новых административных схем ⁴³, привело к обострению политической напряженности на местах из-за искусственно навязанной необходимости перестраивать внутрикорпоративную иерархию, от конфигурации которой зависел доступ к материальным ресурсам как для личного обеспечения номенклатуры, так и для решения региональных хозяйственных вопросов. Наблюдалась общая, признаваемая в историографии ⁴⁴, дезорганизация управления, еще более внушительная, по сравнению с предыдущим периодом, связанная с новой волной бюрократизма, медлительностью исполнения решения партийно-советских органов, парализованных новыми схемами соподчинения, возникшими между промышленными парткомами, совнархозами и сельскохозяйственными «эквивалентами» этих структур.

В докладных записках, резюмировавших «сигналы» с мест, а также в тексте персональных сообщений руководителей регионов, встречается информация о проблемах в госуправлении, становившихся типичным и распространенным после произведенной реформы. К их числу можно отнести: рост численности корпуса депутатов советских органов и увеличение расходов на их содержание, параллельность в работе хозяйственных структур, искусственное создание зональных парткомов, находившихся в отрыве от подчиненных им по идейно-политическому руководству промышленных предприятий, и т.п. Так, только по РСФСР в связи с реорганизацией советских органов и изменением правил формирования избирательных округов количество депутатов в местные советы выросло по сравнению с 1961 г. на 64 948 чел. ⁴⁵, в результате исполкомам территориальных советов пришлось заново создавать актив, образовывать нештатные отделы. Укрупнение сельских районов, изменение подчиненности многих рабочих поселков привели к значительному отрыву населенных пунктов от райцентров. В ряде областей расстояние между ними достигало 200—250 км ⁴⁶. Первый секретарь Ставропольского промышленного крайкома КПСС Н.В. Босенко 23 ноября 1963 г. обратился в ЦК с просьбой о передаче всех промышленных предприятий в сферу его партийной структуры, мотивируя это возникшими сложностями с продовольственным снабжением, особенно — городов-курортов, а также планированием как объема той или иной продукции, так и ее ассортимента и контролем за качеством. Причина затруднений заключалась в возникшей диспропорции: большинство промышленных предприятий — мясо-, молокозаводов, а также предприятий угольной, химической и др. отраслей промышленности — оказались в ведении сельского крайкома, который, если использовать выражение самого Босенко, рассматривал доверенную ему инфраструктуру как «вотчину», управление которой подчинялось не государственным интересам и общественным потребностям, а осуществлялось иррационально и субъективно, на основе устанавливаемых местными хозяйственниками приоритетов ⁴⁷. Но после «убедительной» беседы, проведенной с Босенко сотрудником отдела партийных органов ЦК КПСС по промышленности и сельскому хозяйству РСФСР, тот свое пред-

ложение снял. Еще более радикально предлагал решить вопрос первый секретарь сельского обкома Читинской области А.И. Смирнов, который откровенно заявлял о необходимости восстановления единства и цельности управления из одной партийной организации, признавая вторую попросту излишней в силу местной специфики — преимущественного развития сельскохозяйственного производства по сравнению с промышленным ⁴⁸.

Все это стало квинтэссенцией иррационального авторитаризма Хрущёва, показавшего всю бесперспективность «модернизации» государственного управления, лишённой какого-либо органического содержания и импульсов развития, и приведшей после обезвреживания «атавизмов сталинизма», его личных и институциональных носителей, лишь к бесперспективному механистическому конструированию. Делегирование полномочий и инициативы в регионы конвертировалось в произвол, центр терял реальный контроль, превращавшийся лишь в поверхностный мониторинг, не скреплённый, как в годы сталинской диктатуры, авторитетом сакрального порядка, позволявшим держать в повиновении партийную номенклатуру, находившуюся в состоянии «метафизического напряжения», исходившего от фигуры вождя.

В годы правления Хрущёва произошел переход от метода «контролируемого хаоса» — к аморфной институциональной эклектике. Это и предопределило закономерный и бесславный финал — отстранение Хрущёва от власти в октябре 1964 г., фактически, легализованное «снизу», что проявилось в ряде крупных антихрущёвских «восстаний» в Красноярске, Бийске, Новочеркасске, уроки которых были учтены в период «брежневского» умиротворения ⁴⁹, начавшегося с ревизии всех сумбурных инициатив Хрущёва. Собственно, можно говорить о том, что именно в хрущёвский период была проведена своеобразная «микро перестройка», заключающаяся в нарушении давно утвердившихся, предельно ритуализированных механизмов и информационно-политических традиций взаимоотношений между партийной номенклатурой, привыкшей, несмотря на известную долю самостоятельности на региональном уровне, в принятии ключевых решений повиноваться императивам, исходящим из центра. В силу этого, любой, даже минимальный отход от политики «силовой доминанты» и обращение к коллегиальности с элементами «гласности», поощрения «двоевластия», напоминаящего самый ранний период становления советского государства, воспринимался на местах как симптом слабости верховной власти, ее политической неуверенности, что давало импульс саморазрушению системы «снизу».

Примечания

Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI в.: виртуальность и реальность».

1. ХЛЕВНЮК О.В., ГОРЛИЦКИЙ Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М. 2011, с. 8.
2. БАБЕРОВСКИ Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М. 2010, с. 757—795.
3. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937. — Вопросы истории. 1995, № 11—12, с. 13.

4. МЕДУШЕВСКИЙ А.Н. Сталинизм как модель. Обзорение издательского проекта «РОССПЭН» «История сталинизма». — Вестник Европы. 2011, т. XXX, с. 147—167.
5. Реабилитация: Как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 1. М. 2000, с. 23.
6. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 1999, с. 337.
7. Там же, с. 365.
8. Там же, с. 382.
9. Региональная политика Н.С. Хрущёва. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953—1964 гг. М. 2009, с. 30.
10. Там же, с. 38—40.
11. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945—1953. М. 2004, с. 9.
12. Лаврентий Берия..., с. 46—49.
13. Региональная политика Н.С. Хрущёва..., с. 32.
14. «Людам свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши. — Исторический архив. 1998, № 3, с. 6.
15. Региональная политика Н.С. Хрущёва..., с. 224.
16. Там же, с. 225.
17. RIGBY T.H. Khrushchev and the Resuscitation of the Central Committee. In: RIGBY T.H. Political Elites in the USSR. Central leaders and Local Cadres from Lenin to Gorbachev. Aldershot. 1990, p. 156—161.
18. Региональная политика Н.С. Хрущёва..., с. 8.
19. Там же, с. 130—131.
20. СЕМИЧАСТНЫЙ В.Е. Беспокойное сердце. М. 2002, с. 98.
21. Региональная политика Н.С. Хрущёва..., с. 102.
22. Там же, с. 103—104.
23. Там же, с. 126—127.
24. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. М. 1986, с. 27.
25. Справочник партийного работника. Вып. 1. М. 1957, с. 405, 408—409, 429, 436—439.
26. Региональная политика Н.С. Хрущёва..., с. 127—130.
27. Там же, с. 93, 96.
28. Там же, с. 108—109.
29. Государственный архив Ивановской области (ГА ИО), ф. П-327, оп. 10, д. 80, л. 178.
30. Там же, д. 1201, л. 71.
31. Региональная политика Н.С. Хрущёва..., с. 115.
32. Там же, с. 112.
33. Там же, с. 120.
34. Там же, с. 422.
35. Там же, с. 160.
36. Там же, с. 174.
37. ГА ИО, ф. П-327, оп. 10, д. 697, л. 196.
38. Там же, л. 197.
39. Региональная политика Н.С. Хрущёва..., с. 269—270.
40. Там же, с. 335—337.
41. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственности власти. 1937—1938. М. 2004, с. 624.
42. Там же, с. 209—210.
43. ХРУЩЁВ Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 7. М. 1963, с. 163—177.
44. ВЕДЕРНИКОВ А.В. Формирование региональных управленческих структур в СССР в 1953—1964 гг. — Вестник Московского государственного областного университета (МГОУ), серия «История и политические науки». 2014, № 4, с. 95—102.
45. Региональная политика Н.С. Хрущёва..., с. 504.
46. Там же, с. 507.
47. Там же, с. 512—513.
48. Там же, с. 521.
49. Выражение В.А. Козлова. См.: КОЗЛОВ В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежневе (1953 — начало 1980-х гг.). М. 2009, гл. 3.

Абдюль Фрашери

П.А. Искендеров

Аннотация. Публикация посвящена одному из самых ярких представителей албанского национально-освободительного движения Абдюлю Фрашери (1839—1892). Автор анализирует основные этапы его жизни и политической деятельности. Основное внимание уделено активной роли А. Фрашери в деятельности Призренской лиги (1878—1881) и его видению путей формирования национальной албанской государственности.

Ключевые слова: Абдюль Фрашери, Албания, Призренская лига, Османская империя, Европа, Россия, великие державы, Балканы, международные отношения.

Abstract. The work is devoted to the person of Abdyl Frasheri — one of the most prominent leaders of the Albanian national movement in XIX century. The author analyzes his life as well as political activities. The role of A. Frasheri in the context of the League of Prizren is under particular examination.

Key words: Abdyl Frasheri, Albania, League of Prizren, Ottoman Empire, Europe, Russia, Great Powers, Balkans, international relations.

Трудно переоценить роль, которую сыграл в развитии албанского национально-освободительного движения и становлении государственности Албании Абдюль Фрашери. Старший из трех знаменитых братьев Фрашери (Абдюль, Наим и Сами), навечно вписавших свои имена в албанскую историю, стоял у истоков Призренской лиги (1878—1881 гг.), поднявшей знамя борьбы за освобождение Албании от гнета Османской империи и объединение всех албанонаселенных земель в единое государственное образование. Эти идеи были развиты следующим поколением албанских патриотов. Они нашли свое воплощение в провозглашении независимости Албании 28 ноября 1912 г. и в дальнейшем развитии Албанского государства уже после первой мировой войны. «Одни из самых уважаемых руководителей албанского национального движения» — так характеризует братьев Фрашери авторитетный албанский историк Кристо Фрашери¹.

Искендеров Пётр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. E-mail: turantz@land.ru.

Iskenderov Petr A. — MA, senior researcher of the Institute for Slavic Studies RAS. E-mail: turantz@land.ru.

Абдюль Фрашери — выходец из большой и знаменитой семьи. Помимо уже названных трех братьев в албанскую историю вписаны имена и других ее представителей. Сыном самого Абдюля был Мидхат Фрашери — основатель национального движения «Балли Комбетар», сыгравшего неоднозначную роль в истории национально-освободительной борьбы албанцев в годы второй мировой войны. Согласно официальной историографии периода правления Энвера Ходжи, «Балли комбетар» являлось националистическим антикоммунистическим движением, сотрудничавшим с оккупантами. Оппоненты коммунистов отстаивали прямо противоположную точку зрения.

Абдюль Фрашери родился 1 июня (по другим данным — 17 августа) 1839 г. в городке Фрашер в обедневшей албанской аристократической семье («Фрашери» в албанском языке означает — «из Фрашера», «фрашерец»). Его отец Хали-бей Фрашери возглавлял нерегулярные албанские отряды, действовавшие в составе армии Османской империи. После смерти отца Абдюль Фрашери вместе со своими двумя младшими братьями отправился в Янину (город со смешанным албано-греческим населением на территории современной Северной Греции). Там он получил блестящее для своего времени образование у известного албанского ученого и педагога Хасана Тахсини, который преподавал Абдюлю философию, математику, а также арабский, персидский, греческий и французский языки. При этом пребывание и учебу Фрашери в Янине курировал лично местный губернатор.

Начало общественно-политической деятельности Абдюля приходится на конец 1860-х гг., когда в албанонаселенных районах Османской империи стало активно развиваться национально-освободительное движение, особенно усилившееся в условиях Великого восточного кризиса 1875—1878 гг. и русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В мае 1877 г. Фрашери создал в Янине тайный комитет, в который вошли представители большинства районов Южной Албании. Его главной целью было объявлено достижение военно-политического соглашения с Грецией и совместное вооруженное выступление против Османской империи, занятой в то время войной с Россией. В качестве предварительной меры по реализации данной программы Янинский комитет установил связи с албанскими офицерами, находившимися в составе турецкой армии, а также предпринял дипломатические усилия на греческом направлении.

В июле 1877 г. Абдюль Фрашери провел секретные переговоры с высокопоставленным представителем Министерства иностранных дел Греции Э. Мавроматисом. Но если вопросы совместных военных действий греческой армии и албанских вооруженных отрядов не вызвали серьезных разногласий, то проблема будущего устройства Албании и особенно ее границ фактически сорвала достижение соглашения. Греческая сторона требовала документально зафиксировать передачу Греции значительной части Южной Албании вплоть до реки Шкумбин, отказываясь в противном случае признавать Албанское княжество². Не способствовала достижению албано-греческого соглашения и ситуация на балканских фронтах, в частности, приостановка наступления русской армии в районе Плевны.

Ситуация вокруг Янинского комитета и его планов изменилась к концу 1877 г., когда в состав парламента Османской империи на

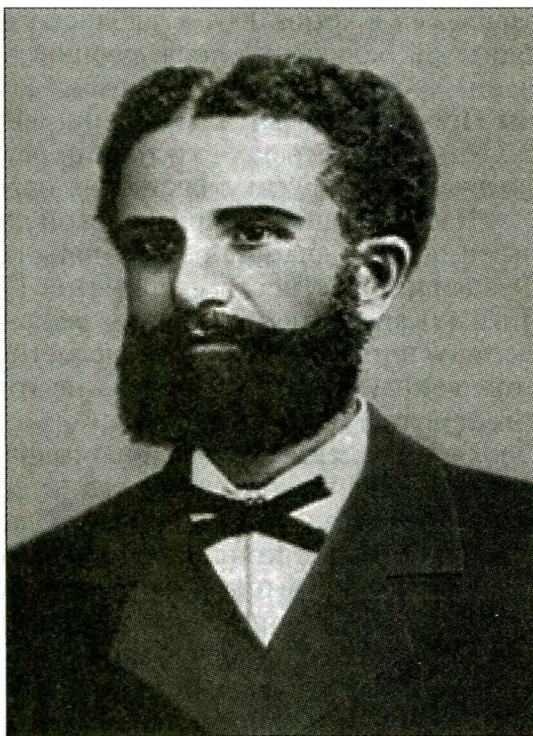
основе введенной султаном Абдул-Хамидом в 1876 г. конституции были избраны сам Абдюль Фрашери и несколько его единомышленников-албанцев, а русская армия прорвала оборону Плевны и стала развивать стремительное наступление на столицу Османской империи. В сложившейся ситуации Афины сочли необходимым вернуться к обсуждению военного взаимодействия с албанцами и командировали во второй половине декабря 1877 г. на переговоры с Фрашери депутата греческого парламента Стефаноса Скулудиса. Однако греческие политические требования вновь сорвали достижение соглашения. Фрашери категорически отверг идею Афин о создании на территории Албании вассального княжества, на трон которого Греция собиралась посадить сына собственного короля Георга Николая. Он настаивал на признании Грецией независимости Албании и заключении между двумя государствами равноправного военного-политического союза против Османской империи. Остались неурегулированными и территориальные споры ³.

В результате Абдюль Фрашери принял решение прекратить переговоры и поставить вопрос о национальной государственности Албании в более широком контексте — в виде образования Албанской лиги, включавшей в себя представителей всех населенных албанцами районов Балкан и являвшейся ядром и моделью будущего Албанского государства. Соответствующие идеи обсуждались в рамках созданного в декабре 1877 г. в Стамбуле Центрального комитета по защите прав албанской национальности («Стамбульский комитет»). Его председателем был избран Абдюль Фрашери. В ходе дискуссий в рамках заседаний Стамбульского комитета было принято решение — ввиду в очередной раз изменившихся международных условий (подписание 3 марта Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора, который не признал независимость Албании, а также все более отчетливое намерение балканских стран присоединить территории, которые албанцы считали неотъемлемой частью собственного государства) отказаться от идеи немедленного провозглашения независимости страны, а сделать упор на лозунг создания в рамках Османской империи отдельного албанского вилайета с тем, чтобы воспрепятствовать планам балканских столиц по расчленению Турции и оккупации соответствующих областей. В конце мая 1878 г. Стамбульский комитет выступил с обращением, в котором говорилось: «Мы горячо стремимся жить в мире со всеми соседями — Черногорией, Грецией, Сербией и Болгарией. Мы не требуем и не хотим ничего от них, но полны решимости твердо удерживать все то, что является нашим» ⁴.

Албанская лига («Кувенд») была созвана в городе Призрен 10 июня 1878 года. В центре дискуссий в первые же дни ее работы оказались программные принципы и требования, в первую очередь, характер самой лиги. Представители албанских чиновников и духовенства, стоявшие на позициях поддержки Османской империи, заявили о необходимости выдвинуть лозунг не албанской, а мусульманской лиги, объединяющей всех мусульман Европейской Турции. Однако подобная идея была отвергнута Абдюлем Фрашери, отстаивавшим радикальные требования. В своем выступлении перед делегатами Призренской лиги он, в частности, заявил: «Цель кувенда состоит в том, чтобы встретить натиск безжалостных врагов, заключив албанскую

бесу и дав клятву защищать, не жалея крови, землю, оставленную нам нашими дедами и прадедами»⁵. О том, какое значение имели данные земли и, в частности, сам город Призрен для балканских стран, свидетельствует в частности показательное заявление, озвученное в начале января 1878 г. сербским князем Миланом Обреновичем. Выступая перед членами Студенческого легиона Сербии в Белграде, он подчеркнул, что не допускает даже мысли о проведении мирных переговоров до тех пор, пока не возьмет Призрен⁶.

Во многом под влиянием Абдюля Фрашери Призренская лига изначально была создана в виде военно-политической структуры с центральными

органами и отделениями на местах. Сам он от имени Стамбульского комитета вошел в Центральный комитет Лиги, в котором возглавил комиссию по иностранным делам.

Албанская историография и национально-государственная традиция отводят этому политическому объединению албанцев из различных районов Балканского полуострова роль организатора борьбы за освобождение и объединение албанских земель, за отстаивание национального суверенитета албанцев и противостояние попыткам великих держав и соседних балканских стран оккупировать исконные албанские земли. Возлагая вину за будущее обострение сербо-албанских отношений вокруг Косово на Белград, проводивший жесткую политику в отношении албанцев, они подчеркивают, что «отношение сербского правительства особенно поспособствовало ухудшению отношений между высланными албанцами из Южной Сербии и сербами из Косово (во время сербо-турецкой войны 1877—1878 гг. — П.И.). Тогда албанское национально-освободительное движение поднялось до уровня движения за автономию, общее освобождение и независимость. Оно основало и собственный руководящий орган, иными словами, создало Албанскую призренскую лигу, которая вела борьбу против всех возможных врагов и завоевателей»⁷. Схожей концепции придерживаются и некоторые российские исследователи. В частности, Н.Д. Смирнова видела в деятельности Призренской лиги важнейший этап «албанского национального Возрождения»⁸.

Однако в исторических трудах представителей других государств балканского региона существует и прямо противоположная точка зрения на роль Призренской лиги. Ее сторонники называют данное объединение и принятые им программные документы первым свидетельством великодержавных устремлений стремительно конституиро-

вавшегося в конце XIX в. албанского этноса и считают все происходящее на Балканах в последующие годы (вплоть до настоящего времени) — насильственной борьбой албанцев за реализацию программы Призренской лиги и создание «Великой Албании» на основе насильственной перекройки границ региона и подавления (в том числе физического) других балканских народов.

Первые решения Призренской лиги оказались не столь радикальными, как предлагал председательствовавший на заседаниях Абдюль Фрашери. В частности, в принятой 17 июня 1878 г. первой программе Лиги («Карарнаме» — «Книга решений») провозглашалась верность султану и территориальной целостности Османской империи. При этом данный документ ничего не говорил «об объединении албанских земель в один вилайет»⁹.

Одновременно делегаты направили специальный меморандум участникам Берлинского конгресса (открывавшегося 13 июня 1878 г.), а также турецкому правительству и дипломатическим представителям великих держав в Константинополе, в котором акцентировали внимание Европы на вышеуказанных положениях. В частности, в меморандуме, адресованном представлявшему на Берлинском конгрессе Великобританию премьер-министру Б. Дизраэли, говорилось: «Мы не являемся и не хотим быть турками, но точно так же мы всей своей силой выступим против любого, кто захочет обратить нас в славян, или австрийцев, или греков; мы хотим быть албанцами»¹⁰. В Берлин отправилась полномочная делегация Албанской лиги во главе с Абдюлем Фрашери. Кроме того, в Лондоне, Париже и Берлине были распространены петиции с изложением требований Призренской лиги.

Однако деятелям албанского национального движения не удалось принять участие в работе европейского форума наравне с представителями их балканских соседей и даже добиться включения в повестку дня обсуждения в отдельном формате албанского вопроса. Великие державы отрицали сам факт существования албанской нации (фраза «албанская нация не существует» принадлежала председательствовавшему на Конгрессе германскому канцлеру О. Бисмарку¹¹) и рассматривали местности с албанским населением лишь в качестве географического понятия.

Следует также отметить, что «границы албанской территории в то время было нелегко определить»¹². Наиболее авторитетными считались свидетельства консула Австро-Венгрии в Шкодере Ф. Липпиха, представившего в 1877 г. специальный меморандум по данному вопросу правительству монархии Габсбургов. В нем он впервые предложил опираться на лингвистический, а не религиозный критерий при определении этнической картины региона и на этой основе ввел понятие «языковой границы» албанских земель. Соответствующая северная граница, по его данным, начиналась чуть к югу от города Бар (Антивари) и затем шла через Колашин на Рожай (юго-западная часть Новопазарского санджака), далее — до границы с Сербией по течению реки Морава. На своем дальнейшем протяжении нарисованная Липпихом граница пересекала долину Вардара и шла далее мимо Дебара вдоль северного берега Охридского озера¹³.

Однако в первую очередь в вопросах территориального разграничения албанских и в целом балканских земель собравшиеся в Берли-

не представители великих держав руководствовались интересами глобальной политики. Действуя в соответствии с принципами, заложенными канцлером Бисмарком, «Конгресс занялся своим делом, не особо считаясь с национальными и местными условиями, а именно — пытаясь подправить расшатанный баланс сил на Балканах. Согласно новому устройству балканских дел, Албания претерпела урезание своей территории в пользу своих соседей»¹⁴.

2 июля 1878 г. состоялось второе общее собрание Албанской лиги, на котором в числе основных обсуждались вопросы организации защиты албанских земель от их передачи под чужеземное господство. На основании принятых на нем решений, в северных областях Албании создавались вооруженные албанские отряды, призванные оказать сопротивление передаче присужденных Черногории и другим балканским странам земель — в том числе в Плаве, Гусинье, Шкодере, Призрене, Превезе и Янине. Был принят Статут Лиги, которая приобрела официальное название «Албанская», и был избран состав Генерального совета. Во главе этого органа остался богатый феодал из Дибры (Дебара) Ильяз-паша Дибра, однако в его составе усилилось влияние патриотических сил. Одно из положений Статута подтверждало положение Албанской лиги о формировании вооруженных подразделений «для защиты албанских территорий». Причем в этих целях предусматривалось провести в случае необходимости «мобилизацию всех мужчин, которые способны носить оружие»¹⁵. Именно принятие Статута считается обретением Албанской лигой юридической базы «для постепенного оформления в рамках османского государства албанской автономии», поскольку «у албанцев впервые появился орган защиты военным и дипломатическим путем их национальных прав»¹⁶.

Следует отметить, что турецкие власти и на этом этапе деятельности Лиги видели в албанцах своих естественных союзников в борьбе против диктата великих держав и нарушения территориальной целостности Империи. Часть делегатов Призренской лиги во главе с представителем Тетово шейхом Мустафой Рухи Эфенди призывала своих коллег открыто заявить о том, что они «во-первых и прежде всего оттоманы, а уже затем албанцы». Константинополь также снабжал албанцев оружием и боеприпасами. В этой связи справедливыми представляются слова британской исследовательницы М. Виккерс, указывающей, что «одним из главнейших препятствий на пути культурного, национального и политического прогресса албанцев являлся продолжавшийся отказ оттоманской администрации признать, что албанцы — не турки, а особый народ с собственной отчетливой идентичностью. Обращение большого количества албанцев в ислам, а также предоставляемая им Портой безопасность против славян и греков окончательно способствовали тому, что они скорее отождествляли себя в целом с оттоманскими турками, нежели осознавали специфические албанские идеалы и цели. Таким образом, сама природа оттоманского правления отсрочила появление албанского национального самосознания и последующего национального движения, и привела к тому, что албанцы стали последней балканской нацией, обретшей свою независимость от Оттоманской империи»¹⁷.

Вышеуказанные идеи Призренской лиги получили дальнейшее развитие в сентябре 1878 г., когда радикальное крыло Албанской лиги

во главе с Абдюлем Фрашери («Стамбульский комитет») обнародовало новую программу объединения, имевшую более радикальный характер по сравнению с предыдущей¹⁸. Ее основные положения были опубликованы 27 сентября на страницах редактируемой одним из активистов албанского национального движения Сами Фрашери стамбульской газеты «Терджюман-и Шарк» («Рупор Востока») и включали в себя следующие пункты:

«1. Его Величество Султан должен защищать все права албанцев и не допустить, чтобы хоть одна частичка территории албанских областей была передана их соседям или другим народам, с которыми они граничат;

2. Все албанские области, в частности, Шкодринский и Янинский вилайеты, должны соединиться в единый вилайет, так называемый «Албанский вилайет»; в его собственной среде должен быть выбран и назначен честный, способный и ученый вали, знающий страны, положение, обычаи и менталитет данного народа;

3. Официальные лица административной и судебной сфер, которые находились бы на службе в данном вилайете, должны знать язык страны, понимать проблемы и требования, которые выдвигает народ; на официальную службу необходимо назначать тех, кто может говорить с местными жителями без переводчика.

4. Не принимая во внимание религиозные и имущественные различия, демократическим и равноправным образом необходимо провести выборы пленарных советов таким образом, чтобы население нахий выбирало бы пленарные советы нахий, пленарные советы нахий выбрали бы пленарные советы казы, пленарные советы казы выбрали бы пленарные советы Санджака, одновременно из состава этих советов избиралась бы Национальная ассамблея;

5. Каждый год Ассамблея проводила бы свои рабочие двухмесячные сессии в столице Вилайета. Из числа избранных членов создавался бы Совет, выполняющий национальные требования, рассматривал вопросы улучшения существующего положения и выносил несправедливости и упущения, допущенные чиновниками, на рассмотрение Национальной ассамблеи и представителя правосудия, если речь идет о подсудном деле. В этом случае судебный процесс над подобными чиновниками осуществлялся бы в рамках Национальной ассамблеи, а принятое решение приводилось бы в исполнение Центральным правительством.

6. Вилайет поддерживал бы с Высокой Портой почтовую и телеграфную связь, а также вел переговоры на официальном османском языке, в то время как албанский язык использовался бы и применялся бы в суде, на встречах, заседаниях, в школах и гимназиях низшего уровня, которые уже существуют в областях Албании, и в тех, которые будут основаны позднее. Турецкий язык использовался бы лишь в некоторых областях знаний и наук, — там, где без этого нельзя обойтись. Почтовая службы, письменность и обучение будут осуществляться на албанском языке, а из доходов Вилайета, образующих прибыль, будет выделяться достаточно средств для развития науки и образования.

7. Вне зависимости от религиозных различий, все албанцы должны принять участие в организации и создании национальной армии,

которая, несомненно, насчитывала бы свыше двухсот тысяч военнослужащих. Для этой элитной армии, которая будет создана, существовали бы особые военные правила, а к ее подготовке и обучению были бы привлечены офицеры из иностранного государства»¹⁹.

Многие албанские историки (в частности, К. Фрашери) предпочитают в этой связи трактовать одно из ключевых требований Призренской лиги — о создании общего вилайета для албанцев — как исходившее из сохранения Европейской Турции и потому носившее «протурецкий» характер²⁰. Однако многие турецкие исследователи — среди них С. Кюльдже — подчеркивают, что цели и деятельность Призренской лиги изначально «находились в противоречии с интересами и самим существованием Османской империи»²¹. Представляется, что более обоснованной и взвешенной является точка зрения российского исследователя Г.Л. Арша, характеризующего рассматриваемый документ следующим образом: «Это первая в истории албанского национально-освободительного движения развернутая программа политической автономии Албании»²². Аналогичную оценку дала принятой программе российская газета «Голос», подчеркнувшая, что Албанская лига «приняла в последнее время характер национальный, имеющий целью домогаться образования автономного Албанского княжества, которое бы находилось только под верховной властью султана»²³. Впрочем, принципиальные разногласия по вопросам истории Албании и Косово традиционно присутствуют в научной, не говоря уже о публицистической, литературе. Кроме того, как справедливо отмечает американская исследовательница Джули Мертус, «многие сторонние наблюдатели попросту не знают, что подумать о Косово»²⁴.

Примечательно, что столицей объединенного албанского вилайета сторонники радикального крыла Призренской лиги предполагали сделать город Охрид (современная Македония) как занимающий центральное положение на Балканском полуострове. К этому времени в самой Лиге произошли существенные организационные перемены. В соответствии со своим статутом она получила официальное название «Албанская лига», а в результате переизбрания 2 июля 1878 г. прежнего Генерального совета как высшего органа данного объединения в его состав вошли приверженцы более радикальных взглядов. Новым исполнительным органом Лиги стал Национальный комитет, в состав которого вновь был избран Абдюль Фрашери в качестве руководителя комиссии по иностранным делам.

К началу ноября 1878 г. предложенная Стамбульским комитетом новая программа Призренской лиги в целом получила поддержку со стороны ее местных отделений, правда, за исключением пункта о демократических выборах органов местного самоуправления. Абдюль Фрашери лично возглавил кампанию по сбору подписей под программными требованиями Призренской лиги в южных районах страны. В частности, он посетил города Эльбасан, Берат, Фиер, Влера, Дельвина, Гирокастра. К началу декабря необходимые подписи были собраны. Предполагалось, что затем программа будет представлена в Стамбуле албанской делегацией лично турецкому султану, однако обострение ситуации в южных районах Албании в связи со спорами о греко-турецком территориальном разграничении не позволило сделать это.

Сам Абдюль Фрашери также пришел к выводу о необходимости выйти за рамки переговоров с Грецией и попытаться привлечь внимание великих держав. В марте 1879 г. он вместе с другим авторитетным албанским лидером Мехметом Али Вриони отправился в трехмесячное дипломатическое турне по европейским столицам. Они последовательно посетили Рим, Париж, Лондон, Берлин, Вену и, на завершающем этапе, Стамбул. Санкт-Петербург в программу турне не вошел, поскольку албанские лидеры априори были уверены в том, что Россия поддержит в территориальных спорах свою союзницу Черногорию (которой Берлинский конгресс определил приращения за счет Албании), да и Грецию тоже. Албанские делегаты представили во внешнеполитические ведомства тех стран, которые они посетили, записки идентичного содержания.

Данный документ носил противоречивый характер, что объективно отражало неоднозначность позиции Призренской лиги по территориальным вопросам. С одной стороны, Абдюль Фрашери настаивал на невозможности передачи Греции южноалбанских земель, на которые претендовали Афины. В качестве аргумента фигурировали в том числе ссылки на чувства исторической справедливости: «Албанцы сохранили свою родину, свой язык и свои нравы, отразив в варварские времена нападения римлян, византийцев и венецианцев. Как можно допустить, чтобы в век просвещения и цивилизации нация, столь храбрая и столь привязанная к своей земле, была принесена в жертву, отдана без каких-либо законных оснований алчному соседу?»²⁵

С другой стороны, выступая против притязаний Греции на Южную Албанию (Северный Эпир по греческой терминологии), Абдюль Фрашери и его единомышленники со своей стороны распространили географию собственных территориальных притязаний до крупного греческого города Янина, а также городов Арта и Превеза. Авторы записки подчеркивали, что отказ великих держав от передачи этих районов проектируемой независимой Албании лишит последнюю естественных стратегических укреплений, а также плодородных зимних пастбищ для албанских пастухов. Однако главным выступал исторический аргумент — насколько емкий, настолько же и трудно доказуемый: «Албанский народ более древний, чем греческий народ; известно, что в старину Эпир был одной из составных частей Албании, и никогда греки в какой-либо мере не владели этой страной»²⁶.

К этому времени албанские отряды Призренской лиги уже фактически контролировали значительные территории — в том числе собственно Албанию с городом Шкодер и территорию Косово. Как признавала в те дни даже столь далекая от театра боевых действий газета, как американская «Sacramento Daily Record-Union», «турецкие офицеры и рядовые повсеместно братаются» с албанцами²⁷. По сути, Призренская лига стала «первой албанской организацией, руководившей национально-освободительной борьбой. Заслугой ее явилось объединение, хотя и кратковременное, сил албанского народа в этой борьбе»²⁸.

Однако отказ Порты принять предложение Призренской лиги о создании единого албанского вилайета и нежелание великих держав обратить внимание на стремление албанцев иметь собственную государственность побудили Абдюля Фрашери перейти к более решительным действиям в русле албанского национального движения. На со-

бравшемся в Гирокастре 23 июля 1880 г. очередном заседании Албанской лиги он обнародовал программу, имевшую радикальный характер. Она означала, что Лига берет на себя функции временного правительства автономной Албании, построенной на принципах равенства и гражданских свобод и располагающей собственной регулярной армией. За султаном, который должен был взять на себя обязательство защищать Албанию от внешней агрессии, оставлялось право назначать правителя албанского государственного образования, собирать ежегодную дань, а также получать в военное время в свое распоряжение ограниченный албанский воинский контингент. Данная программа была в целом одобрена делегатами общеалбанского собрания, однако под давлением более умеренной их части ее реализация была поставлена в зависимость от возникновения ситуации, когда Османская империя подвергнется внешней агрессии и не сможет ей эффективно противостоять.

Однако большинство делегатов Лиги, опасавшиеся идти на разрыв с османскими властями в условиях неблагоприятной позиции великих держав, все более склонялись в сторону соглашения с Портой. В октябре 1880 г. на состоявшемся в городе Дебар очередном общем собрании делегатов Албанской лиги произошел принципиальный раскол. Группа радикалов во главе с Абдюлем Фрашери в количестве порядка 130 чел. призвала добиваться реализации положений программы широкой автономии Албании, принятой в Гирокастре. Немного превосходившая ее по численности группа умеренных делегатов (около 150 чел.) поддержала резолюцию об обращении к турецкому правительству с просьбой о предоставлении албанским землям ограниченной автономии. Обе группы потребовали создания отдельного албанского вилайета. Наконец, небольшая группа участников форума — примерно 20 делегатов — выступила против какой-либо автономии в принципе, за сохранение в неприкосновенности существующего административно-территориального устройства Османской империи.

Однако в Константинополе отказались даже обсуждать направленные туда резолюции, а султан Абдул-Хамид II заявил о полной неприемлемости образования отдельного албанского вилайета, назвав сторонников указанной идеи «опаснейшими врагами» Оттоманской империи и пригрозив им репрессивными мерами ²⁹.

К этому времени отношение турецких властей к проблеме реализации решений Берлинского конгресса относительно территориального разграничения с соседними государствами претерпевало изменения. Испытывая все возрастающее давление со стороны европейских держав и понимая нежизнеспособность Османской империи в условиях внешнеполитической изоляции и возможных военно-силовых акций, султанское правительство решило форсировать выполнение на него обязательств. Это вынуждало Константинополь идти на конфликт с Албанской лигой. В начале декабря 1879 г. в Призрен прибыла очередная турецкая военная миссия во главе с губернатором Битольского вилайета Ахмедом Мухтар-пашой с тем, чтобы обеспечить, наконец, передачу Черногории округа с городами Плав и Гусинье.

Однако решительные действия албанцев, заблокировавших продвижение турецких отрядов, в очередной раз сорвали планы «цивили-

зованной» Европы и Османской империи. Более того, подчинявшиеся Призренской лиге албанские вооруженные отряды нанесли 8—10 января 1880 г. в районе сел Велика и Пепич тяжелое поражение черногорским войскам, попытавшимся явочным порядком оккупировать присужденные ей Берлинским конгрессом области.

В этих условиях правительства и дипломаты великих держав признали необходимым внести коррективы в уже подписанные ими договоренности. 18 апреля 1880 г. посланники европейских государств в Константинополе по инициативе итальянской стороны договорились о передаче Черногории вместо Плава и Гусинье североалбанских горных округов Хот и Груда к северо-востоку от Шкодера, жители которых исповедовали католицизм. И вновь попытки перекроить политическую карту Балкан без учета исторических и национальных реалий натолкнулись на решительное противодействие «несуществующей» (по мнению Европы) нации, в очередной раз получившей тайное содействие со стороны турецких властей, передавших албанским отрядам оружие и боеприпасы и позволивших им занять оборонительные позиции турецкой армии. Так произошло, в частности, в городе Тузи, расположенном в районе, подлежавшем передаче. Турецкие власти 22 апреля 1880 г. дали возможность албанским отрядам занять этот стратегически важный пункт до подхода черногорских войск, оставив им также оружие и боеприпасы, включая пушки. Организацию обороны Тузи взяли на себя Шкодринский комитет Призренской лиги, а также руководство племенного военно-политического союза Горной Малесии, в состав которого входили Хот и Груда. К маю общая численность оборонявших район Тузи албанских отрядов достигла 12 тыс. чел., включая отряды албанского племени мирдитов во главе с Пренком Биб Додой — будущим министром в правительстве князя Албании Вильгельма Вида «образца» 1914 года.

В сложившейся ситуации в июне 1880 г. Великобритания и Австро-Венгрия убедили своих коллег по «клубу великих держав» «окончательно» пересмотреть свое же предыдущее «окончательное» решение. Теперь разменной картой в большой европейской политике стал населенный преимущественно албанскими мусульманами важный портовый город Улцинь (Дульциньо) вместе с прилегающей к нему территорией, а исполнителями — турецкие войска под командованием Дервиш-паши. А чтобы турецкое руководство на сей раз не помышляло о «двойной игре», великие державы пригрозили ему оккупацией важнейшего порта Смирна (Измир).

В результате штурма Улциня, осуществленного значительно превосходящими по численности турецкими силами 22 ноября 1880 г., героическое сопротивление защищавшего город по распоряжению Шкодринского комитета Призренской лиги вооруженного албанского отряда под командованием Юсуф-аги Соколы было подавлено, 23 ноября в город вошли турецкие войска, а 26 ноября в него были беспрепятственно пропущены черногорские силы. Несмотря на такой исход, албанская историография традиционно трактует все события во взаимоотношениях Черногории и албанцев в 1878—1881 гг. как «войну между Черногорией и Албанской лигой Призрена», вызванной «территориальными претензиями Черногории в отношении Албании»³⁰. Действительно, за период 1878—1880 гг. — то есть уже после завер-

шения работы Берлинского конгресса — черногорская территория увеличилась вдвое, страна получила стратегически важные выходы к Адриатическому морю через портовые города Бар и Улцинь, и в целом использовала шанс, возникший «вследствие ослабления объятий Оттоманской империи на Балканах»³¹.

В январе 1881 г. радикальное крыло Лиги во главе с Абдюлем Фрашери собралось в Призрене на собственное чрезвычайное заседание. В своей речи Фрашери, в частности, заявил: «Порта ничего не сделает для албанцев. Она относится к нам и нашим меморандумам с величайшим презрением. Порта не предприняла ничего для того, чтобы уничтожить в албанских районах старый порядок вещей и огромную нищету, и, возможно, под давлением Европы откажется от части Албании. Давайте думать о себе и работать для себя. Пусть не будет разногласий между тосками и гегами (этнические группы албанцев, населяющие соответственно южные и северные районы страны. — П.И.), пусть все мы будем албанцами и создадим Албанию»³².

Во многом под влиянием агитации Абдюля Фрашери съезд Албанской лиги в Призрене в январе 1881 г. вошел в историю этого объединения в качестве наиболее значимого события с точки зрения радикальности принятых на нем решений. Утвержденный делегатами Национальный комитет Лиги был провозглашен «временным правительством» Албании. В его состав в качестве одного из 12-ти министров вошел и Абдюль Фрашери. На него были возложены полномочия ответственного за внешние сношения Албании.

С этого времени вооруженные отряды, подчинявшиеся сформированной верховной албанской власти, перешли к активным боевым действиям непосредственно против турецких войск, в том числе в Косовском вилайете, Дебарском санджаке и в Македонии, где им удалось занять основные центры, включая города Дебар и Скопье (Ускюб). Однако попытки Лиги распространить вооруженную освободительную борьбу на другие албанские земли окончились неудачей. Шкодринский комитет Албанской лиги был разгромлен сразу после падения Улциня, а Янинский комитет занимался исключительно вопросами обеспечения выгодного для албанцев греко-турецкого разграничения в условиях продолжавшегося отсутствия между Афинами и Константинополем формального соглашения.

В конце марта 1881 г. турецкие войска развернули массированное наступление против албанцев, во главе которого встал печально известный своими карательными экспедициями против албанских повстанцев Дервиш-паша. Упорное сопротивление слабо организованных и плохо вооруженных албанских отрядов было сломлено в генеральном сражении у села Штимле; в том же месяце под контроль турецких властей перешел Скопье. В конце апреля десяти тысячная турецкая армия под командованием Дервиш-паши взяла штурмом Призрен, а вскоре восстановила контроль над остальными районами Косово. На всей территории, населенной албанцами, осуществлялись массовые репрессии против участников национального движения и депутатов Призренской лиги. Абдюль Фрашери был схвачен в районе албанского города Эльбасан и переправлен в Призрен, где был приговорен к смертной казни, впоследствии замененной пожизненным заключением. Абдюль Фрашери провел в призренской тюрьме около

трех лет и был выпущен на свободу в 1885 г. по состоянию здоровья с условием не заниматься политической и общественной деятельностью. В 1886 г. он покинул Албанию и переехал в Стамбул, где скончался 23 октября 1892 года.

В 1978 г. останки Абдюля Фрашери были перевезены в Тирану и торжественно захоронены на территории Большого парка в столице Албании.

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ («Историческая типология межнациональных конфликтов на примере Балкан»), проект № 14-01-00264.

1. ФРАШЕРИ К. История Албании. Тирана. 1964, с.135.
2. Краткая история Албании. М. 1992, с. 169.
3. Там же, с. 170.
4. Там же, с. 172.
5. Там же, с. 173.
6. The New York Herald. 18.I.1878.
7. BRESTOVCI S. Marredhëniet shqiptare-serbo-malazeze (1830—1878). Prishtinë. 1983, с. 268.
8. СМИРНОВА Н.Д. История Албании в XX веке. М. 2003, с. 25.
9. GAWRYCH G.W. The Crescent and the Eagle: Ottoman rule. Islam and the Albanians, 1874—1913. N.Y. 2006, p. 46—47.
10. SKENDI S. The Albanian national awakening, 1878-1912. Princeton University Press. 1967, p. 45.
11. CASTELLAN G. L'Albanie. Paris. 1980, p. 10.
12. VICKERS M. The Albanians. A Modern History. L.-N.Y. 1995, p. 30.
13. LIPPICH F. Denkschrift über Albanien. Vienna. 1877, S. 8—9.
14. СНЕКРЕЗИ К. Albania. Past and Present. New York. 1919, p. 50-51.
15. Краткая история Албании, с. 176.
16. Там же.
17. VICKERS M. The Albanians, p. 31.
18. POLLO S., PUTO A. The History of Albania. London. 1981, p. 125.
19. HASANI S. Kosovo. Istine i zablude. Zagreb. 1986, s. 284—285.
20. FRÄSHERI K. Lidhja Shqiptare e Prizrenit. Tiranë. 1997, f. 115.
21. KÛLCE S. Osmanli Tarihinde Arnavutluk. Izmir. 1944, f. 250.
22. Краткая история Албании, с. 179.
23. Голос. 29.IX.1878.
24. MERTUS J. Kosovo: how myths and truths started a war. Berkeley-Los Angeles. 1999, p. 5.
25. Цит. по: Краткая история Албании. М. 1992, с. 181—182.
26. Там же, с. 182.
27. Sacramento daily record-union. 12.V.1880.
28. СЕНКЕВИЧ И.Г. Освободительное движение албанского народа в 1905—1912 гг. М. 1959, с. 60.
29. Краткая история Албании. М. 1992, с. 194.
30. Там же, с. 274.
31. MORRISON K. Montenegro. A Modern History. L.-N.Y. 2009, p. 28.
32. Цит. по: Краткая история Албании, с. 194.

Восприятие нэпа региональной элитой в конце 1923 г.

М.А. Фельдман

Аннотация. Публикация посвящена эволюции взглядов советской региональной элиты относительно принципов, направлений и перспектив новой экономической политики в 1923 году. На основе материалов Уральской области сделан вывод о различиях подходов представителей партийных и хозяйственных структур к вариантам развития нэпа.

Ключевые слова: новая экономическая политика, партийная конференция, рабочие, власть, Уральский регион, дискуссия, элита.

Abstract. the Article is devoted to the evolution of the views of the Soviet regional elite on the principles, directions and prospects of the new economic policy in 1923 On the basis of materials of the Ural region the conclusion about the differences in the approaches of representatives of the party and economic structures of the variants of development of the NEP.

Key words: new economic policy, the party conference, workers power, the Urals, discussion, elite.

Выдающийся российский историк В.П. Данилов назвал 1923 г. «самым неизвестным годом советской истории»¹, отмечая не только альтернативность путей дальнейшего развития, но и глубину различий в представлениях властных органов Советской России о сущности переходного периода². Заметим, однако, что в целом за постсоветский период вектор оценок историков самой возможности развития многоукладной экономики сместился в сторону признания нэпа, как «неэффективной модели для решения модернизационных задач»³.

Отсутствие внешних источников инвестирования рассматривается как обоснование неизбежности «однозначной линии» на изъятие средств производства сельского хозяйства и мобилизационного варианта развития событий⁴. Только теоретически, утверждает А.С.

Фельдман Михаил Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор Уральского института управления — филиала Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Екатеринбург. E-mail: Feldman-mih@yandex.ru.

Feldman Mikhail A. — PhD, professor of the Ural Institute — branch of the Academy of the national economy and state service under the President of the Russian Federation. Ekaterinburg. E-mail: feldman-mih@yandex.ru.

Сенявский, с точки зрения изолированности и исключительно внутреннего развития страны, абстрагируясь от международного контекста, существовал вариант нэпа, но он был бы вариантом стагнации ⁵.

Выводы историков, детально изучавших экономику 1920-х гг., далеко не столь категоричны. По мнению В.П. Дмитриенко «практические результаты нэпа были внушительны: исчезновение волны вооруженных выступлений крестьянства, восстановление довоенного уровня хозяйства, подъем уровня жизни» ⁶. Действительно, новая экономическая политика оставалась открытой для внешнего влияния, например, германской революции 1923 года. Однако констатация неизбежного раздвоения курса нэпа по социальным, политическим и экономическим вопросам, связанная с глубиной и масштабом противоречий, возникающих на базе нэпа, привела Дмитриенко к заключению о наличии порогов развития нэпа, но не неизбежности его свертывания ⁷.

Первые годы нэпа продемонстрировали плодотворность этой политики, указывал Ю.М. Голланд. После октябрьского пленума ЦК РКП(б) 1924 г. в течение нескольких месяцев был принят целый комплекс мер, призванных углубить нэп. В экономической сфере были облегчены условия развития частной торговли, улучшено снабжение сырьем кустарей и ремесленников, им предоставлялись налоговые льготы. Был взят курс на становление фондового рынка, который характеризовался как нэп в госкредите ⁸.

Это же мнение разделяет и Л.Н. Суворова, подчеркивающая, что ситуация середины 1920-х гг. была благоприятной для развития промышленности. Рыночные отношения государственной промышленности с другими укладами в середине 1920-х гг. постепенно развивались; расширялась их сфера, вовлекая в свой оборот все новые районы и слои населения. Однако выступление трестов на товарных рынках постепенно ограничивалось административными органами ⁹.

Нэп представлял собой первый широкомасштабный опыт государственного регулирования рыночных отношений и формирования смешанной экономики. То, что большевики не использовали этот исторический шанс, не сделали рынок и экономические методы регулирования легальными инструментами своей политики, лишь свидетельство их политической близорукости, их стратегический просчет, — отмечает Суворова, — хотя часто их действия и оправдываются реальными потребностями исторической эпохи ¹⁰.

Суворова — автор наиболее полного и обстоятельного современного очерка историографии нэпа ¹¹ — пришла к примечательному выводу, что «нэп как символ более демократического мирного варианта развития общества, открывавший путь к эволюционному становлению государственно-рыночной экономики, не вписывался в жесткую имперскую модель» ¹², утверждавшуюся в СССР с середины 1920-х годов.

Разделяя это суждение и отталкиваясь от него, выскажу мнение о том, что главной причиной свертывания нэпа стал не комплекс внутренних противоречий советской действительности, а внешний фактор — реанимация империи в форме советского государства. Именно этот фактор — имперский характер внешней политики — наряду с

низким качеством управления стал определяющим в крушении всего «Советского проекта» в 1991 году.

В этой связи вызывает особый интерес эволюция взглядов советской региональной элиты относительно принципов, направлений и перспектив новой экономической политики.

1923 г. завершал короткий начальный период нэпа — особой модели социально-экономического и политического развития, отличной от предшествовавшей военно-мобилизационной системы военного коммунизма. Даже с учетом того, что уже в начале нэпа шел процесс формирования системы более высокой заработной платы, льгот и привилегий для управленцев верхнего и среднего звена ¹³, в начале 1920-х гг. большевистский режим еще (и на весьма недолгий срок) строился на специфическом сочетании авторитарных и демократических форм ¹⁴.

Сужение каналов для общепартийных дискуссий, тем не менее, в принципе, оставляло нишу для обсуждения на региональном уровне вариантов реализации партийных и хозяйственных директив. В условиях, когда губкомы — губернские комитеты РКП(б) — стояли «во главе всей хозяйственной и политической жизни» ¹⁵ и, опираясь на сформировавшийся номенклатурный слой, решали все вопросы местного значения, от действий губернских лидеров в определенной степени зависела конкретика нэпа в региональном масштабе.

Объединение на основе Постановления ВЦИК СССР от 3 ноября 1923 г. четырех губерний РСФСР (Пермской, Екатеринбургской, Челябинской и Тюменской) в единую Уральскую область превращало ее в своеобразный полигон для реализации новой экономической политики в индустриально-аграрном крае с площадью 1659 тыс. кв. км и населением 6380 тыс. человек ¹⁶.

Судя по тексту предисловия к «Обзору по итогам районирования Уральской области», изданного в Свердловске в 1924 г., ее руководство ориентировалось на слова А.Н. Рыкова, сказанные им на XII съезде правящей партии в мае 1923 г. (на тот момент в условиях длительной болезни Ленина Рыков был фактическим руководителем правительства СССР — Совета Народных Комиссаров): «Управлять огромной страной на основе бюрократического централизма невозможно. Нам нужны мощные областные центры с правами, далеко превышающими права и полномочия бывших губисполкомов» ¹⁷.

Позицию коммунистов Урала по проблематике нэпа должна была прояснить первая областная конференция (Уральской области), состоявшаяся в середине декабря 1923 года. Наличие 227 делегатов, представлявших 23 тыс. членов партии, присутствие секретаря ЦК В.М. Молотова, подчеркнутая торжественность открытия — все это придавало форуму уральцев особое значение.

Открывая конференцию по поручению Уральского бюро ЦК РКП(б), М.М. Харитонов заявил, что «первые мысли коммунистов обращены к Ленину» ¹⁸. Это заявление было вызвано не только общепринятой ритуальной традицией партийных конференций, но и личным знакомством Харитонова с Лениным еще в эмиграции и их совместным пребыванием в «пломбированном вагоне» по пути в Россию весной 1917 года ¹⁹. Все делегаты поднялись с мест и запели «Интернационал» ²⁰.

Дальнейшая работа конференции проходила по жесткой схеме: доклад ответственного работника — короткие выступления делегатов, чаще всего, судя по краткости и минимальной критической направленности (как правило, один конкретный вопрос), согласованные с работниками орготдела Уралобкома, — заключительный доклад, дающий разъяснения участникам партийного форума.

С точки зрения марксистских канонов, партийные организации Уральской области представляли собой «идеальную» структуру — высокий процент рабочих (более 46%) в общей массе коммунистов, а также работников губернских комитетов РКП(б) — 62%. Среди 1111 ответственных работников во всех звеньях аппарата четырех губерний русские составляли 92% ²¹, что соответствовало и национальному составу населения области (89,2%) ²².

Правда, только десятая часть ответственных работников имела дореволюционный партийный стаж, но это должно было компенсироваться «революционным духом» подавляющего большинства управленцев, вступивших в партию в годы Гражданской войны ²³, совместной работой по восстановлению индустрии Урала в труднейших условиях 1920—1923 гг., наконец, молодостью управленцев: характерно, что из 135 ответственных работников областных учреждений Уральской области (на 15 ноября 1923 г.) 118 или 87% были моложе 35 лет ²⁴, а также значительными тиражами пропагандистских брошюр, выходящими в Екатеринбурге ²⁵.

Среди руководителей губернских комитетов РКП многие были хорошо известны на Урале. Личность Харитоновой была менее «на слуху»: даже отработав два года (1921—1923) секретарем Пермского губкома среди сплоченного годами революционного подполья и событиями 1917—1920 гг. коллектива уральской партийно-хозяйственной элиты, он не только считался «назначенцем» из центра, но и сам себя идентифицировал таким образом ²⁶.

Однако и у партийного руководства в Москве, широко использовавшего практику «назначенства», как инструмента, препятствовавшего консолидации и самостоятельности местных элит, доверие к Харитоновой из-за его поддержки «левой оппозиции» было сдержанным ²⁷. Возможно и этим объяснялось присутствие на конференции секретаря ЦК РКП.

В самом начале отчета Уралбюро ЦК РКП(б) первой областной конференции коммунистов Урала было сформулировано понимание руководителями Уральской области необходимости сочетания авторитарных и демократических форм управления: «в вопросах внутренней политики мы имеем ясные решения съездов и точные директивы ЦК, но, тем не менее, на основе этих решений, нам оставалось здесь, в пределах области, сравнительно широкое поле деятельности для того, чтобы применительно к местным условиям, осуществлять эти директивы» ²⁸.

От основного докладчика делегаты конференции ожидали оценки трех последних прожитых партией и обществом трудных лет, характеристики результатов новой экономической политики в уральских губерниях и, разумеется, развернутого комментария к положению рабочих — «правлящего класса» страны.

Следует отметить, что информационные сводки ОГПУ содержали обширный материал по анализу настроений промышленных рабочих

и крестьянства Урала начала 1920-х гг., а экономические журналы Уральского региона — сведения и аналитические обзоры о динамике восстановления промышленного и сельскохозяйственного производства. Показательна в качестве примера информационная сводка ОГПУ с Чусовского завода, зафиксировавшая высказывания рабочих о неспособности правящей партии защитить их от «спецов, стремящихся удешевить продукцию за счет рабочей спины»²⁹.

Тем не менее, эта информация (как и аналогичная и подобная ей) осталась за пределами доклада: тексты нужно было не только прочитать, но и суметь систематизировать и оценить в контексте развития нового исторического периода. Такой уровень аналитики явно оказался не под силу Харитонову: содержание его обширного доклада уводило в весьма иное русло. Начнем с того, что слово «нэп» Харитонов упомянул только один раз и в весьма примечательном контексте: «а теперь несколько слов о вредных последствиях Нэпа»³⁰.

Характеризуя этот период, докладчик выделил только одну его сторону — смычку города и деревни. Но оценка эффективности такой смычки была выражена только в цифровых показателях роста посевов и сбора сельхозналога³¹. Столь же односторонним был раздел доклада, посвященный жизни рабочих. Сведя дело только к уровню заработной платы, Харитонов отметил, что она не достигла и $\frac{2}{3}$ от довоенной, уступая даже среднему общесоюзному показателю. Упомянув об отдельных проявлениях недовольства рабочих (хотя и на крупнейших предприятиях Урала), докладчик с гордостью указал, что «коммунисты на стороне рабочих»³². Волнения рабочих («вольты») в связи с задержками зарплаты были названы положительным явлением, поскольку говорили «о подъеме активности рабочих, о том, что рабочие не остаются безучастными к вопросам, которые их больно затрагивают»³³. Однако после такого, по сути, тред-юнионистского заявления, дополненного критикой администрации заводов за «неряшливость» в ситуации с выплатой заработной платы, Харитонов не уточнил, в чем же заключалась конкретная поддержка рабочих со стороны правящей партии.

Своеобразным было и освещение проблемы отношения со специалистами. Самокритично упомянув о проявлениях на Урале «красного бандитизма» в «недавнем прошлом» (без конкретных примеров), Харитонов сообщил: «ныне мы ухаживаем за спецами»³⁴. Впрочем, «ухаживание» носило специфический характер: поскольку управление со стороны рабочих-выдвиженцев, признал Харитонов, носит формальный характер («мы только формально управляем, а на деле управляем не мы»), партия и органы власти должны «заставить буржуазных специалистов работать на себя»³⁵. Как видно, «ухаживание за спецами» не исключало и прямого насилия.

Следует отметить, что «красный бандитизм», по мнению профсоюзного работника Боровского — делегата из Перми — не осталось в «недавнем прошлом». «У нас многие партийные работники, товарищи, руководители организаций и учреждений третируют специалистов»³⁶, — пояснил он.

В весьма осторожных выражениях Харитонов охарактеризовал события бурной внутривнутрипартийной жизни 1923 г., отметив поддержку линии «большинства» ЦК со стороны уральцев. Вместе с тем, док-

ладчик подчеркнул, что общепартийная дискуссия осени 1923 г., оставшаяся непонятной многим рядовым коммунистам Урала, не привела к «оживлению партийной жизни»³⁷. Близкая к этому мысль (об отдаленности ожесточенной борьбы сторонников и противников Троцкого от нужд и чаяний коммунистов провинции) прозвучала в содокладе Уралбюро, с которым выступил заведующий орготделом Уралбюро ЦК РКП(б) Васильев, сообщивший, что «у нас в уральской партийной организации нет никаких идейных уклонов»³⁸.

Краткость изложения результатов дискусии осени 1923 г. в партии, отсутствие сколько-нибудь широкого обсуждения этой темы делегатами опровергают характеристику, данную конференции в официальной советской истории, как, главным образом, «выработавшей позицию уральских коммунистов в борьбе с троцкизмом»³⁹.

В косвенной форме в отчете Уралбюро ЦК РКП(б) прозвучала и критика в адрес ЦК РКП(б): обвинение в «излишествах» в жизни ответственных работников на местах Харитонов переадресовал Центру⁴⁰. Зная, что аппарат ЦК РКП(б) широко использовал «назначенство», докладчик, тем не менее, назвал систему выборности партийных руководителей более демократичной и желательной, чем принцип назначений⁴¹.

Практика авторитарного партийного руководства обусловила и бесправность низовых партийных организаций: «партячейка невольна сказать свое слово»; в работе низовых партийных организаций процветал формализм: например, бесконечное и ни к чему не обязывающее заслушивание докладов о международном положении. Последний тезис Харитонова (о правах рядовых коммунистов) нашел поддержку у делегатов конференции⁴². Не осталось незамеченным и высокомерное отношение ряда партийных руководителей к рядовым коммунистам и простым рабочим⁴³.

Примечательны были не только немногочисленные оценки фактов экономической жизни 1923 г., но и форма их изложения. Так, указав на взаимозависимость заработной платы и конкурентоспособности продукции, Харитонов заявил о необходимости продолжения практики директив сверху, направленных на изменение уровня оплаты труда. Таким образом, упоминание о «конъюнктуре рынка» как объективном явлении хозяйственной жизни Советского государства — совсем недавно неслыханное выражение в устах марксиста — причудливо сочеталось у партийного лидера с верой в силу директив в экономике⁴⁴.

В целом же, в докладе Харитонова не прозвучало развернутой оценки экономики Урала. Более того, сколько-нибудь связной характеристики итогов первых нэповских лет делегаты также не услышали: контроль со стороны партийного органа за всеми сторонами жизни общества, не подкрепленный аналитическими структурами и устоявшимися формами их обработки, не позволял выйти на нужный уровень обобщения.

Закономерно, что выступавшие в прениях по докладу участники конференции ограничивались только частными замечаниями, а профсоюзный лидер — руководитель Уралбюро ВЦСПС П.Н. Авдеев — после констатации ряда печальных фактов высказал только одно пожелание — о своевременной выплате заработной платы⁴⁵. Как видно,

к шестой годовщине пролетарской революции профсоюзы в провинции научились быть скромными. Не помогал уже и личностный фактор: почти половина жизни 28-летнего Авдеева, бывшего питерского рабочего, была связана с профсоюзной работой.

Насыщенным обширной статистикой о сборе налогов, динамике посевов, производственными данными о работе металлургических заводов, но практически без анализа происходящего стало выступление Д.Е. Сулимова. Указав (единственный раз) на конкретное негативное явление — «спекулятивные» действия трестов — глава уральского СНХ не предложил никаких путей решения указанной проблемы⁴⁶. Вместе с тем, один из самых опытных большевистских лидеров Урала (несмотря на возраст — 33 года), более двух лет, с мая 1921 г., возглавлявший Уралпромбюро — орган, руководивший восстановлением промышленности Урала, — указал на большое место в экономике раннего нэпа: «многие расходы вызываются отсутствием бухгалтерских данных, вследствие чего наши хозяйственные органы работают вслепую. Нет того зеркала, через которое они могли бы увидеть, проверить и сравнить свою работу, и выяснить деловую эффективность»⁴⁷.

Фактически, это был один из немногих моментов реалистического обсуждения проблемы: Сулимов смог на языке простейших основ экономической науки выразить то, что у Харитонова было абстрактно обозначено как «неряшливость». Председатель уральского СНХ предупредил также о предстоявшей жесточайшей конкуренции металлургии Урала и Юга в силу того, что древесное топливо на Урале существенно дороже минерального топлива Донбасса⁴⁸.

Сравнивая выступления Сулимов и Харитонова, можно отметить истоки масштабного явления — расхождения у большевиков в подходах к партийной и хозяйственной работе. Это различие было осознано наиболее проницательными делегатами. Так, представитель Нижнего Тагила Неманов обратил внимание на то, что Уральское бюро ЦК РКП(б) не рассматривало проблемы себестоимости промышленной продукции, получения прибыли, снижения накладных расходов — то есть наиболее насущные экономические вопросы⁴⁹.

Показательным было и выступление Молотова. Значительную часть доклада он посвятил революционным событиям в Германии, которые, по его мнению, застали партию недостаточно подготовленной для того, «чтобы стать во главе рабочего движения (Германии.— *М.Ф.*), во главе вооруженной борьбы рабочих против буржуазного правительства»⁵⁰. С учетом официального (и весьма практичного в различных областях) курса СССР на упрочение отношений с Германией⁵¹, эти слова явно предназначались для «внутреннего пользования», приучая коммунистов к политике двойных стандартов.

В словах Молотова отчетливо проявилось нараставшее ощущение идейной чуждости и антагонистичности Советской России Западу, придававшее традиционному противостоянию принципиально новый, классовый характер. В ходе этого противостояния в сознании большевиков Россия из «отсталой» причудливым образом превращалась в «передовую». Создавая образы врагов и союзников молодого пролетарского государства, советские лидеры увязывали их с «ближайшей мировой пролетарской революцией» и классовой солидарностью рабочих всего мира⁵².

Именно поэтому нэп и в выступлении Молотова, и в отчетном докладе Уралбюро ЦК РКП(б) рассматривался столь двойственно и противоречиво — и как самостоятельный период экономической политики, и как «только передышка между новыми революционными боями с международным капиталом и военщиной в Германии»⁵³.

После указания на «всемирно-историческую» роль РКП(б) Молотов покритиковал «высшие торговые органы» за «неправильную политику ценообразования». Судя по тексту, «неправильность» заключалась во внедряемых советскими хозяйственниками (с трудом, и зачастую неумело) хозрасчетных принципах, в том числе, в использовании синдикатами рыночной конъюнктуры. Прозвучали и слова, разоблачавшие «ту опасность, которая вытекает из Нэпа: рост мелкой и частной промышленности и торговли»⁵⁴. То, что указанный рост был и инструментом восстановления народного хозяйства, и показателем оживления в экономике, Молотов предпочел не комментировать. Противоречие поистине вечного сюжета российской истории — невозможности восстановления экономики без частной инициативы и отрицания права на гарантированное существование частной собственности — в 1923 г. фактически предлагалось осмысливать и разрешать местным управленцам.

Выход из сложной ситуации начала 1920-х гг. секретарь ЦК видел в следующем весьма простом решении — увеличении приема рабочих в партию. «Нам следует удвоить и утроить прием» — объявил он⁵⁵. Каким образом увеличение приема в партию малограмотных рабочих может решить социально-экономические проблемы 1923 г., Молотов не сообщил.

Характерно, что в резолюциях конференции это высказывание секретаря ЦК не нашло отражения. На первый план в резолюциях вышло требование превратить тресты из «органов управления с удушающим централизмом, в органы, делающими ставку на инициативу и самодеятельность заводов»⁵⁶.

Реалистичность такого требования заметно уменьшалась категоричностью тезиса о введении на всех предприятиях промышленности хозрасчетных принципов (полной себестоимости выпускаемой продукции и системы балансов) уже в 1923 г., до конца которого оставалось две недели⁵⁷.

Отклик на общепартийную дискуссию осени 1923 г. в резолюциях выглядел следующим образом: «есть крупные успехи в борьбе с внутривнутрипартийными болезнями, вызванными нэпом»⁵⁸. Столь нейтральная формулировка не могла вызвать одобрения ни у группировки в ЦК во главе со Сталиным, ни у сторонников Троцкого. Указание на связь «внутрипартийных болезней» с нэпом, как представляется, показывало степень некоторой удаленности уральских партийных работников от фракционной борьбы 1923 года.

Между тем, жизнь, реалии эволюции правящей партии в авторитарном государстве диктовали свои принципы. В составе Уралобкома РКП(б), избранного на партконференции в декабре 1923 г., из 44 человек не было ни одного — по терминологии того времени — рабочего «от станка». Наличие в составе Уралобкома 25 партийных работников, 13 советских, хозяйственных, профсоюзных ответственных работников наглядно говорило о процессе формирования самостоятельной социальной группы — управленческой элиты⁵⁹.

Преобладание в составе областного комитета РКП(б) партийных функционеров (более половины) — без сомнения, факт показательный. На уровне региона секретари партийных комитетов получали гарантированное большинство по любым вопросам. Столь же примечательным было и соотношение советских и партийных управленцев среди членов Уралобкома — соответственно, семь к двадцати пяти. Как видно, Советам, фактически, позволялось иметь «совещательный голос» и не более того.

Вопрос теперь заключался в том, насколько быстро и насколько полно 32 члена обкома — рабочие по «социальному происхождению» — превратившись в управленцев и подчиняясь партийной дисциплине, забудут свое пролетарское прошлое. Этому способствовало то, что 23 члена обкома имели стаж пребывания в партии большевиков до февраля 1917 г., еще в юношеские годы став профессиональными революционерами, и поэтому весьма короткий срок успели побывать в рабочей среде на производстве. При всей условности воздействия неоднородного и разнонаправленного рабочего социума, его сакрализации в пропаганде и марксистской теории, весьма прагматического использования как инструмента достижения политических целей, отдаленность вчерашних подпольщиков от реалий рабочего быта превращалась в социальный фактор. Однако следует отметить и препятствовавшие такому разрыву с прошлым обстоятельства: родственные и товарищеские связи, постановка на партийный учет, по традиции того времени, в заводских партийных ячейках, вера в социалистические идеалы.

Из 44 членов областного комитета РКП(б) 43 были мужчинами. Факт, отражавший не только срез социокультурных основ участия в политической жизни граждан Советской России, но и военнизированный характер самой партии.

Еще одной важной деталью было то, что, если среди всех коммунистов Уральской области большевики со стажем пребывания в партии до февраля 1917 г. составляли менее 5% ⁶⁰; среди всех ответственных работников (во всех звеньях аппарата четырех губерний на момент образования Уральской области) — 10,5%, то в руководящем органе Уралобкоме картина была принципиально иной. По сути, подобное явление указывало на наличие разных социотипов и психотипов внутри партийных организаций. Подобное различие создавало предпосылки для будущих конфликтов поколений управленцев и столкновения сторонников различных подходов к осуществлению индустриализации.

Качество партийной элиты иллюстрировал образовательный показатель: 32 члена обкома имели только начальное образование (судя по анкетам, нередко двухклассное), шестеро имели среднее (чаще — горное училище) и только трое — высшее.

подавляющее большинство состава Уралобкома РКП(б) (31 из 45), составляли люди до 35 лет. 35 членов Уралобкома (или 80%) являлись русскими; четверо — евреями; еще шестеро представляли народы Прибалтики, Кавказа, Поволжья.

Сопоставляя эти данные с характеристиками всех ответственных работников Уральской области, нетрудно заметить, что по социальному происхождению, возрасту, образованию, национальному составу члены Уралобкома не отличались от «первой» тысячи большевиков Урала (1111 ответственных работников Уральской области). Качествен-

ным отличием и пропуском в верхний слой региональной элиты стал партийный стаж — индикатор, говоривший о своеобразной проверке на преданность большевизму и указывавший на близость к партийным верхам. В начале 1920-х (и до середины 1930-х гг.) близость к «ленинской гвардии» была своеобразным знаком принадлежности к «кругу избранных», как на уровне ЦК РКП(б) и СНК СССР, так и на региональном уровне.

Что же касается главных результатов конференции, то она показала неготовность и неспособность уральской партийной элиты в 1923 г. к реалистическому (не говоря уже о научном) восприятию нэпа. Сама специфика партийной работы подталкивала к безусловному выполнению директив сверху, идеологических нормативов, идеализации опыта прошлого. Все это способствовало консервации взглядов партийных работников, затрудняло реалистический анализ как прошедших, так и современных событий.

Однако нэп продолжался, с ним у региональных хозяйственных элит росло накопление управленческого опыта и иное, чем в годы Гражданской войны, эмпирическое осознание подходов к управлению. Даже с учетом того, что эти подходы носили явно выраженный технократический характер и в декабре 1923 г. замыкались отраслевыми рамками, именно у хозяйственных работников — руководителей совнархозов, трестов и крупнейших заводов — вызревало понимание реальных закономерностей развития экономики, необходимости сохранения многоукладности на длительную перспективу.

Первая областная конференция коммунистов Уральской области наглядно продемонстрировала, что в различиях подходов представителей партийных и хозяйственных структур заключалась та возможность альтернативного развития, которая в рассматриваемый период балансировала между задачами индустриального развития (модернизации в целом) и утопическим проектом построения социалистического общества. К концу 1923 г. задачи восстановительного периода представлялись более значимыми, а процесс формирования номенклатуры, как замкнутой и оторванной от народа касты, еще не завершился. Окончательный вектор развития не был ясен ни руководству Уральской области, ни такому проницательному исследователю нэпа как Данилов. Но вывод о безальтернативности свертывания нэпа, которого придерживается ряд современных историков, следует признать только подтверждением правила: «тупик — это плохо просчитанная ситуация».

Примечания

1. ДАНИЛОВ В.П. К вопросу о понимании Нэпа. В кн.: Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты. М. 2006, с. 28.
2. Там же, с. 26—32.
3. СЕНЯВСКИЙ С.С. НЭП: современные подходы и перспективы изучения. Там же, с. 18.
4. Там же, с. 9, 13.
5. Там же, с. 20.
6. ДМИТРИЕНКО В.П. Четыре измерения Нэпа. В кн.: Нэп: приобретения и потери. М. 1994, с. 30.
7. Там же, с. 39.
8. ГОЛЛАНД Ю.М. Разрушение нэпа: экономические, идеологические и политические предпосылки. В кн.: История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Ма-

- териалы международной научной конференции. М. 5—7 декабря 2008 г. М. 2011, с. 112, 115.
9. СУВОРОВА Л.Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М. 2013, с. 126—127.
 10. Там же, с. 8—9.
 11. Там же, с. 26, 48
 12. Там же, с. 31.
 13. ЛЮТОВ Л.Н. Региональная руководящая элита в начале Нэпа (1921—1923 гг.): социокультурный аспект. В кн.: Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты, с. 321.
 14. БЕРЁЗКИНА О.С. Политическая элита и политический режим в 1920-е годы. Там же, с. 318.
 15. Там же, с. 304.
 16. Обзор по итогам районирования Уральской области, изданный в 1924 г., оценивал население Уральской области в 1923 г. в 6208 тыс. человек. ЦДООСО, ф. 4, оп. 2, д. 90, л. 12.
 17. Там же, л. 3.
 18. Там же, д. 1, л. 1.
 19. Там же, оп. 22, д. 3511, л. 6.
 20. Там же, д. 1, л. 1.
 21. Подсчитано по: там же, д. 2а, л. 8об., 10.
 22. Там же, д. 90, л. 13.
 23. Там же, оп. 2, д. 1, л. 1.
 24. Там же, д. 5, л. 3.
 25. Там же, л. 39—40. Наибольшим тиражом была издана брошюра «Какое дело русским крестьянам до германской революции?»
 26. Там же, д. 1, л. 8об.
 27. В июле 1925 г. М.М. Харитонов будет освобожден от должности секретаря Уралобкома ВКП(б).
 28. ЦДООСО, ф. 4, оп. 2, д. 1, л. 3.
 29. Там же, д. 69, л. 162.
 30. Там же, д. 1, л. 10об.
 31. Там же, л. 3.
 32. Там же, л. 8, 9, 12.
 33. Там же, л. 5.
 34. Там же, л. 7.
 35. Там же, л. 7об.
 36. Там же, л. 16.
 37. Там же, л. 9—9об.
 38. Там же, л. 68.
 39. Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск. 1974, с. 22.
 40. ЦДООСО, ф. 4, оп. 2, д. 1, л. 10об.
 41. Там же, л. 8об.
 42. Там же, л. 10, 17—17об.
 43. Там же, л. 9—9об.
 44. Там же, л. 5об.
 45. Там же, л. 43.
 46. Там же, л. 56—69.
 47. Там же, л. 38.
 48. Там же, л. 39об.
 49. Там же, л. 17.
 50. Там же, л. 59.
 51. См.: КАНТОР Ю.З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии. 1920—1930-е гг. М. 2014, с. 38—40
 52. ХЛЫНИНА. Т.П. Запад в восприятии советского человека 20-х годов — Российская история. 2010, № 5, с. 39—41.
 53. ЦДООСО, ф. 4, оп. 2, д. 1, л. 15.
 54. Там же, л. 61.
 55. Там же, л. 64.
 56. Там же, л. 94.
 57. Там же.
 58. Там же, л. 93.
 59. Там же, д. 9, л. 5.
 60. Подсчитано по: ЦДООСО, ф. 4, оп. 2, д. 3, л. 96.

Продовольственное снабжение русской армии накануне и после Февральской революции 1917 г.

М.В. Оськин

Аннотация. Публикация посвящена проблеме продовольственного снабжения русской армии в 1917 году. Сложное положение с подвозом продуктов на фронт стало отчетливо проявляться уже осенью 1916 года. Нарастание кризиса послужило одной из основных причин отказа фронта в поддержке императора Николая II. После Февральской революции снабжение армии только ухудшалось. Ситуация с довольствием фронта явилась проявлением общенационального кризиса в стране в 1917 году. Причины падения царского, а затем Временного правительства, немало. Одной из наиболее важных среди них стал продовольственный вопрос в России.

Ключевые слова: снабжение фронта, продовольственный кризис, революционный процесс, армия.

Abstract. The publication is devoted to the problem of food supply of the Russian army in 1917. The difficult situation with the transportation of products to the front became appear already in the autumn of 1916. The growing crisis has become one of the main causes of failure front in support of Emperor Nicholas II. After the February revolution, the supply of the army decline. The situation with the supply of front was a manifestation of a national crisis of the country in 1917. Causes of fall of the Tsar and then Provisional government, a lot. One of the most important among them was the food question in Russia.

Key words: supply of front, food crisis, revolutionary process, army.

Проблема продовольственного снабжения фронта зимой 1916—1917 гг. стала одной из ключевых для судьбы российской монархии. Не сумев выполнить своих обязательств по снабжению, монархический режим окончательно оттолкнул от себя действующую армию, тем самым сыграв на победу Февральской революции и распространение революционного процесса на фронт. Весь 1917 г. прошел в борьбе за хлеб, ставшей одной из основных причин падения двух политических режимов.

Историография темы продовольственного снабжения армии началась уже в период самой войны ¹. После Февральской революции

Оськин Максим Викторович — кандидат исторических наук, доцент Института законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации. Тула. E-mail: maxozv@yandex.ru.

Os'kin Maxim V. — candidate of historical sciences, associate professor of the Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian police association. Tula. E-mail: maxozv@yandex.ru.

1917 г., усугубившей проблему снабжения фронта, общественные и политические деятели революционного времени стали публиковать свои работы, предлагая те или иные методы решения кризиса ². Пользуясь имеющимися документами и личным опытом работы в продовольственных организациях военного времени, их бывшие сотрудники также дополнили историографию проблемы ³. В последующий период изучение продснабжения военного периода проводилось, прежде всего, военными авторами, в том числе участниками войны ⁴. Теоретическое осмысление продовольственной политики России было заложено в трудах Н.Д. Кондратьева ⁵, которые и сейчас не потеряли своей научной значимости. В советской историографии политика снабжения 1917 г. исследуется в комплексе проблем войны и революции с выявлением причинно-следственных связей между этими социальными явлениями ⁶. В современный период внимание исследователей сосредоточивается преимущественно на проблеме продовольственного вопроса в России в целом, нежели на проблеме снабжения фронта, хотя военные авторы и отдают предпочтение последней ⁷.

Учитывая опыт прошлых лет, когда зимние перебои со снабжением стали знаковым явлением, в преддверии зимы 1917 г. главное командование фронтов озаботилось накоплением запасов продовольствия и фуража. На Северном и Западном фронтах, бездействовавших с августа, были поставлены на учет местные средства, а также запрещено их перемещение в глубь страны. Западные регионы (Прибалтика и Западная Белоруссия) являлись районом широкого распространения помещичьего хозяйства, где продовольственные и фуражные продукты имели четко выраженный товарный характер. В отличие от черноземного центра и юга России, большая часть хлеба в этом регионе производилась крупными частновладельческими хозяйствами ⁸. Здесь было распространено батрачество как следствие наличия значительного слоя безземельных и малоземельных крестьян, вынужденных трудиться в крупных частных хозяйствах. Следовательно, реквизиционная практика войскового командования облегчалась сосредоточением хлебных запасов в немногочисленных узловых точках — владениях помещиков.

Армии Юго-Западного фронта, а с декабря — и Румынского фронта — помимо подвоза продфуража из тыла опирались на богатые южные регионы империи. Еще перед Брусиловским прорывом, на совещании в Ставке 15—16 мая 1916 г. было отмечено, что «запасы Юго-Западного фронта систематически по месяцам растут, достигнув на 1 мая сего года в одних лишь базисных и промежуточных магазинах 18,5 млн пудов, превышая запасы Северного фронта в 4,5, а Западного фронта — в два раза» ⁹. К октябрю в тылах этих фронтов располагались 72 базисных и промежуточных продовольственных магазина (склада) ¹⁰. В октябре 1916 г. в занятых во время Брусиловского прорыва областях Австро-Венгрии (Галиции) была введена практика реквизиции продовольствия по твердым ценам Российской империи. При этом его запрещалось вывозить в Россию и Румынию, а только перемещать в пределах Галиции. За отказ подчиниться военным распоряжениям полагалась принудительная реквизиция с понижением цены на 15%. В случае злостного сопротивления, как и во всей России, владельца продфуража ждало заключение в крепость (на

3 месяца) или денежный штраф (3 тыс. руб.), наряду с безвозмездной конфискацией продукта ¹¹. Здесь хозяйство было в основном крестьянским. Именно к нему широко применялась реквизиционная практика военных властей, контролировавших хлебородные прифронтовые губернии (например, Подольскую, Бессарабскую и Киевскую). Кроме того, Юго-Западный фронт питался хлебом богатой урожаем Таврической губернии (современный Крым и южная часть Херсонской области Украины). Так, видимые (торговые) запасы хлеба в Таврической губернии к 1 октября 1916 г. составляли 40 675 171 пуд., а месяц спустя — 8 037 568 пудов. За этот период общий объем товарного хлеба в стране упал на 33 092 218 пуд. — как раз уровень Таврической губернии ¹². Этот хлеб в основном пошел на склады южных фронтов, хотя часть его поступала и внутрь страны. Так, в ноябре — начале декабря для Тульского региона уполномоченным Особого Соединения по продовольствию в Таврической губернии Я.Т. Харченко было отгружено 25,9 тыс. пуд. хлеба. Помимо этого, агенты из потребляющих губерний самостоятельно закупили в Крыму пшеницу и пшеничную муку ¹³.

Практика реквизиций, вкупе с падением подвоза из тыла, поставила командиров в двусмысленное положение. В стремлении компенсировать нехватку продуктов штабы прибегали к разнообразным мерам. Первой из них стала замена одних продуктов, временно недоступных для фронта, другими, имевшимися в наличии. Приказ Начальника штаба Верховного Главнокомандующего (Наштаверх) от 14 декабря 1916 г. сообщал: «На время настоящей войны... устанавливаю: при заменах мяса... колбасой, сосисками, салом или соленой рыбой, в том числе и сельдями, сушеной и вяленой рыбой, все эти продукты выдавать в равном с мясом весе фунт за фунт... а копченую колбасу и копченое мясо по 72 золотника за фунт мяса». Начало действия приказа — с 20-го числа ¹⁴. Вторая мера — приготовление горячей пищи на много человек, в которой было несколько меньше продуктов, нежели при положенной раскладке на одного солдата. В приказе по Особой армии от 8 декабря 1916 г. за № 317/70 указывалось, что «в некоторых полках в окопах горячая пища дается один раз в сутки по той причине, что трудно подвезти кухни, а вместо второй варки дается или селедка, или копченая баранина, или сало. Горячую пищу выдавать один раз можно только в исключительных случаях... в окопах разрешить разводить огонь для разогревания пищи. Во всяком же случае необходимо, чтобы вблизи окопов была горячая вода для чая». Иными словами, объективную нехватку калорий в зимней обстановке пытались подменить горячей пищей или хотя бы чаем. Третий вариант — выдача части пайка денежным эквивалентом. Еще 30 ноября и.д. Наштаверха генерал В.И. Гурко предписывал выдать для улучшения пищи солдат на Рождество «сверхтабельный денежный отпуск в размере 30 коп. на каждого нижнего чина» ¹⁵.

С одной стороны, необходимая для поддержания организма пища солдатами получалась в пайке. С другой стороны, соблюдалась громадная экономия, так как на полученные деньги все равно нельзя было ничего купить. К тому же, деньги выдавались из расчета твердых цен на продукты, а покупка была возможна исключительно по рыночным ценам. Из приказа по 131-й пехотной дивизии от 8 декаб-

ря: «Хлеб натурою отпускать по 2,5 фунта в день на человека, за полфунта же выдавать нижним чинам деньги»¹⁶. Также, наряду со всеми тремя вариантами попыток фронта компенсировать недовоз продовольствия, практиковалось еще и введение мясопустных (постных) дней. Еще один приказ Ставки от 14 декабря: «За недоед хлеба, крупы и жиров... в размере 36,5 золотников муки, 12 золотников крупы и 3 золотников жиров в день, выдавать только нижним чинам деньги по средне-заготовительной цене этих продуктов на приобретение каких-либо иных местных припасов собственным их попечением. Расчет производить каждого 1-го и 16-го числа месяца за истекшее время. Соблюдать обязательно постные дни в войсковом районе не менее одного и в тыловом — не менее трех [дней] в неделю. Применение сего приказа начать с 7 января 1917 г.»¹⁷. Мясопустные дни позволяли сэкономить самое главное на данный момент — мясо. Именно его не хватало больше всего (хлебный паек оставался неизменным в течение всей войны, а крупяное довольствие даже увеличилось за счет риса, но вот мясная выдача стала вдвое меньшей, нежели до войны). Сотрудник Министерства земледелия констатировал, что «небольшое изменение индивидуальной нормы потребления в армии изменяло на миллионы цифры снабжения». Мясопустные дни давали годовую экономию на одном солдате в 65,6 кг. Вся армия таким образом сэкономила 984 тыс. тонн в год — «75% прежнего общего потребления мяса страной»¹⁸.

Вопросы продфуражного обеспечения фронта обсуждались 15—16 декабря в Ставке, где под председательством Гурко прошло Совещание по вопросам снабжения армии продовольствием и фуражом. Здесь же должен был решаться вопрос и по урегулированию перевозок, ибо «и буржуазная пресса, и сами министры (кроме министра путей сообщения) единодушно признавали, что именно проблема транспорта является главной причиной продовольственного кризиса»¹⁹. В результате, «открывая Совещание, председатель предложил собранию руководствоваться в решении предстоящих дел не узкими ведомственными взглядами, а общими государственными интересами и посмотреть на дело под углом зрения истинной потребности войск и тех продовольственных средств, которыми располагает страна, приняв во внимание также потребность гражданского населения». Именно на этом Совещании было принято решение о том, что государство берет на себя тяжелейшее в условиях транспортного кризиса обязательство по снабжению продовольствием не только Вооруженных Сил, но и оборонных заводов и городов. Реально же это выразилось в том, что Хлебармия (органы, подотчетные Особому Совещанию по продовольственному делу) занялась и проблемами снабжения потребляющих губерний²⁰.

Приоритет интересов фронта понуждал Ставку поставить деятельность Министерства земледелия под контроль военного интендантства. В отношении припасов, заготавливаемых распоряжением министра земледелия, Совещание постановило: «а). Наряды местным уполномоченным даются Министерством земледелия на основании плана, вырабатываемого на Совещаниях в Ставке и никакому изменению без указаний Главного Полевого интенданта не подлежат; б). Со всеми требованиями на дополнительную высылку продуктов, или об ускорении высылки, или об изменении нарядов, Главные Начальники Снаб-

жений и Интенданты фронтов обращаются только к Главному Полевому интенданту»²¹. Тогда же было решено, что «для удовлетворения суточной потребности и накопления некоторых запасов, необходимо [с точки зрения Гурко] ежедневно подавать на фронт нижеследующее число вагонов: муки — 720, крупы — 146, сахару — 40, овса или ячменя — 1090, соли — 38 вагонов». В свою очередь, Н.А. Гаврилов — Управляющий делами Особого Совещания по продовольственному делу — заявил, что на январь 1917 г. Особое Совещание по обеспечению армии продовольствием и фуражом может ежедневно давать фронту только 703 вагона муки, 132 вагона крупы, а соли, сахару и овса — согласно заявке²². Цифры расхождения небольшие. Но для более чем 7-миллионной армии закон больших чисел делает их существенными. Поэтому император Николай II передал управление всеми железными дорогами и транспортом на театр войны МПС²³.

Распространение театра военных действий на Румынию увеличило нагрузку, испытываемую русскими железными дорогами. Теперь требовалось снабжать и румын, которые перед вступлением в войну продали все имевшиеся излишки продовольствия австро-германцам, рассчитывая немедленно отобрать их назад после быстрой, как им казалось, победы. Кроме того, осенью фронт забивался рабочими, которые вели окопные работы, как правило, это были инородцы Туркестана и наемные китайцы. Штабы фронтов не пожелали отказаться от пополнения, чтобы увеличить объемы снабжения уже стоявших в траншеях войск продфуражом. В итоге, 26 декабря Главный полевой интендант сообщал в Ставку, что с 1 сентября по 1 декабря число ртов на фронте увеличилось на миллион человек. Это — более 200 тыс. румын, рабочие на оборонных предприятиях и члены их семей, семьи офицеров и чиновников в пределах театра военных действий, семьи различных рабочих на фронте и железнодорожников, инородцы²⁴. В конце года власти в экстренном порядке отправили на фронт 85 млн пудов хлебных продуктов. Тем не менее, по оценке санитарных органов, зимой 1917 г. солдаты наименее четко снабжаемого Румынского фронта недополучали по сравнению с пищевой раскладкой мирного времени фунт ржаного хлеба, полфунта ситного хлеба, полфунта мяса и два золотника сала. Существовавший паек насчитывал 2 554,8 ккал. вместо 4000 ккал. мирного времени²⁵.

Тыловые гарнизоны, расположенные во внутренних округах, зимой 1917 г. получили право фактически самостоятельной закупки продовольствия, что указывало на слабость заготовительного аппарата Особого Совещания по продовольствию. В конце ноября по соглашению министра земледелия А.А. Риттиха, военного министра генерала Д.С. Шуваева и министра внутренних дел Н.Д. Протопопова было решено дать возможность командованиям военных округов европейской России через их войсковых агентов ускорить погрузку хлеба по нарядам для войск. Для этого выделялись губернии, имевшие излишки продуктов, согласно данным сельскохозяйственной переписи 1916 года. Однако военные добились и расширения своих прав. Так, телеграмма министра земледелия в адрес своих уполномоченных по закупке хлеба для армии на местах уточняла, что, если мера ускорения погрузки «немедленно не даст положительных результатов», то штабы военных округов могут послать в указанные губернии воен-

ных фуражиров. Конечно, Риттих называл условия применения такого института: «фуражиры посылаются исключительно в губернии, имеющие избытки продуктов», чтобы не создавать продовольственного коллапса; они должны «в случае надобности обращаться за содействием по реквизиции к уполномоченным, а за нарядом на подводы — к губернаторам»; «через фуражиров допускается заготовка не более месячной потребности»; «необходимо для успеха дела предложить фуражирам действовать по согласованию с уполномоченными»²⁶. Однако интендантские органы военных округов и фронтовых соединений, воспользовавшись этой возможностью, как правило, игнорировали сотрудничество с уполномоченными на местах. Недаром, зимой 1917 г. даже наряды для заготовки и перевозки продфуражных грузов уполномоченным давались на основании плана, вырабатываемого на совещаниях по вопросам снабжения армии продовольствием и фуражом и по урегулированию перевозок, проводившихся в Ставке и не подлежавших изменению без указаний Главного полевого интенданта.

Сосредоточивая властные полномочия в центральных ведомствах и подчиняя их контролю со стороны Ставки, Николай II желал скоординировать действия всех снабженческих структур во имя выполнения общей задачи. Так, 28 января Главный полевой интендант генерал К.Н. Егорьев сообщил Главноуполномоченному Особого Сопровождения по продовольствию Н.А. Мельникову, что «Главное интендантское управление просит распоряжения об усилении высылки на фронт скота и зернового фуража». Того же требовала и Ставка в телеграмме от 21 января: «Наличие скота в запасах Западного и Юго-Западного фронтов стремительно падает... в особенности тяжело на Юго-Западном фронте, где к недостатку мяса в настоящее время прибавили еще и недостаток зернофуража. Подходило Юго-Западному фронту за 14 дней января по 151 вагону в сутки вместо 296 по плану»²⁷. В феврале телеграмма из Ставки в штабы фронтов указывала: «Необходимо имеющийся в ближайших войсковых районах скот реквизируют». Одновременно констатировалось, что «подвоз продовольствия и зернофуража Северным и Юго-Западным фронтам также совершенно сократился. Запасы зернофуража, муки, скота, жиров на Юго-Западном съедены, а на Западном доедаются»²⁸.

Железнодорожники пытались воздействовать на ситуацию организационными мерами. В феврале Н.М. Тихменев признавал необходимым образовать систему нескольких параллельных фронту линий продовольственных магазинов, чтобы подвозить грузы не дальними поездами, что вызывало задержки и «пробки» на железных дорогах, а «перевалкой» между станциями этих линий. Только в таком случае поезд будет загружаться полностью и именно тем грузом, который необходим в траншеях в данную минуту. В таком случае не столь уж необходимые на передовой грузы могли временно оседать в ближайших войсковых тылах, уступая место поездам с продфуражом. Тихменев был вынужден указать, что прекращение пассажирского движения и отмена отпусков с фронта — меры малодействительные²⁹. Однако в сложившейся ситуации задержки в продвижении продовольствия от производителя к потребителю были неизбежны. Роль силы, изымавшей хлеб ради его перераспределения, играло государство. Его положение как в центре, так и на местах, усугубляемое саботажем земс-

ких органов (именно это вынудило сосредоточить закупки продовольствия в руках уполномоченных Особого Совещания по обороне государства, а отнюдь не военная централизация), держалось на хрупком волоске железнодорожных коммуникаций. Рухнувший транспорт стал причиной кризиса снабжения и последней каплей в процессе падения российской монархии.

С отречением Николая II положение дел со снабжением кардинально не улучшилось, ибо к тому не было объективных условий. Так, 9 марта 1917 г. Наштаверх генерал М.В. Алексеев писал премьер-министру Временного правительства князю Г.Е. Львову: «Война принимает все более и более характер борьбы на истощение... Ныне требование армий, видимо, превышает средства страны; имевшиеся на фронте запасы продовольствия иссякли... При таких условиях возможность активного наступления становится сомнительной, а пассивная оборона затрудняется. Создавшееся положение выдвигает на очередь вопрос о точном уяснении при каких условиях длительная борьба на истощение возможна при наличных средствах страны». Алексеев выдвинул предложение обсудить на совещании в Ставке с участием высших чинов армии и флота, а также ключевых министерств, потребности армии и выяснить «те условия и меры, при которых удовлетворение армии станет возможным»³⁰. Спустя три дня, в письме к военному министру А.И. Гучкову, оценивая состояние армии, Алексеев указывал: «Особо острая нужда в обеспечении армии продовольствием. В дни нравственных потрясений вопрос питания приобретает особое значение. Хорошо накормленный солдат в этом видит заботу о нем свыше и более склонен слушать голос благоразумия, призывающий его к порядку, повиновению, к сохранению нравственной силы своей роты и полка. В настоящее время мы не выходим по части продовольствия из кризиса и живем изо дня в день»³¹. То есть, глава Ставки Верховного Главнокомандования называл снабжение фронта задачей, гарантировавшей лояльность армии Временному правительству. Вполне логичной попыткой решения задач снабжения стало введение 25 марта государственной хлебной монополии.

Сразу после революции улучшить снабжение действующей армии новым властям не удавалось. Требовались кардинальные меры — те, что еще не были испытаны царским режимом. Одной из таких мер стало временное сокращение личного состава войск. Так, 30 марта 1917 г. министр земледелия А.И. Шингарёв заявил, что критическое положение с продовольствием достигло той степени, что нельзя ручаться за питание армии, если с нее не будет немедленно сброшен миллион ртов. Последовало сокращение на фронте рабочих команд, увольнение всех солдат старше 40 лет, передача команд из солдат в сельское хозяйство. По данным интендантства, к 1 января 1917 г. на фронтах и в ближайших войсковых тылах приходилось кормить более 12 млн чел., из которых 2,7 млн не относились к военным служащим³².

20 апреля 1917 г. новый Верховный Главнокомандующий генерал Алексеев провел однодневную перепись на всех фронтах, в Кавказской армии, Черноморской флотилии и гарнизоне Могилёва, которая показала, что на довольствии состоят 9 млн чел., в том числе: на Северном фронте — 1 487 744, на Западном — 1 557 844, на Юго-

Западном — 3 201 768, на Румынском — 1 740 185 человек. По данным войсковых штабов — на 2,2 млн меньше. Если к 1 марта 1917 г. в действующей армии насчитывалось 7 185 446 чел., то к 25 октября — 5 412 833. Тем не менее, в октябре интендантство кормило еще свыше 6 млн чел., которые состояли в различных тыловых службах, частнопредпринимательских и общественных организациях, обслуживавших 5-миллионную армию³³. Таким образом, после Февраля революционные процессы, захлестнувшие армию и флот, с неизбежностью повели к тому, что численность армии, которую не могли снабжать продуктами питания, неуклонно сокращалась.

Нехватка транспорта не позволила Временному правительству сохранить армейский паек на прежнем уровне. Верховная власть революционной России пыталась найти новые методы улучшения продовольственного снабжения фронта: в середине марта Гучков, уведомляя Главного полевого интенданта о трудностях снабжения армии ввиду малой пропускной способности железных дорог, предложил «изыскать другие кроме некоторого сокращения суточных дач способы для обеспечения продовольственного вопроса». На Совещании высших военных чинов в Ставке 18 марта было признано, что «запасов в стране для полного продовольствия армии недостаточно. Мы не только не можем образовать на фронтах запасов, но не будем получать ежесуточную потребность. Надо: или уменьшить в районе армии число ртов и число лошадей, или уменьшить дачу. Последнее опасно, а потому надо уменьшить число едоков». В результате, было принято решение, впоследствии подтвержденное правительством, об эвакуации с фронта всех инородцев (жителей Средней Азии и наемных китайцев) и военнопленных, выполнявших строительные работы в войсковых тылах, что даст «рабочую силу для сельских работ и выведет государство из кризиса и позволит действующей армии пережить страдательный период в продовольственном отношении до середины мая»³⁴. Помимо этого, Алексеев предлагал развивать огородничество, и в очередной раз напоминал Гучкову, что «богатства страны иссякают. Мы даже уже не можем давать всего, что требует армия. Приходится комбинировать и распределять в зависимости от потребности»³⁵. Накопить запасы продфуража для намеченного наступления не удавалось. В итоге, Ставка уже во второй половине марта признала невозможность проведения военных операций до лета, поскольку разрешение кризиса снабжения откладывалось до середины мая.

Временное правительство было вынуждено продолжать экономию ресурсов. После февральского переворота с новой силой встала проблема оказания помощи сельскому хозяйству со стороны армии. Это соответствовало и намерениям Ставки, где сразу же осознали, что падение боеспособности войск затянется, а продовольствие необходимо уже теперь. В справке по мобилизационному отделу Главного управления Генерального штаба от 24 марта отмечалось, что общий план помощи уже намечен: «Желательно привлечь к полевым работам возможно большее число солдат. Ввиду проводимой Министерством земледелия хлебной монополии, признано необходимым, установить только командировки на полевые работы, не давая солдатам отпусков для личных хозяйств»³⁶. В марте вышестоящие органы армии и военных округов оказались завалены просьбами солдат о пре-

доставлении им кратковременных отпусков на время весенней посевной кампании. В то же время губернские, уездные и городские власти на местах обращались к военному ведомству с теми же просьбами. По словам рядовых армии, только «включение солдат может повлиять на население, чтобы оно давало хлеб»³⁷. Посылка агитаторов с фронта и солдатских депутатов из тыловых советов признавалась необходимой мерой для немедленного подвоза продовольствия в действующую армию, но сделать они могли немного. Делегат Калишского пехотного полка подпоручик Шабашев, командированный в Воронежскую губернию для агитации по продовольственному вопросу, в своей докладной записке отмечал, что в принципе крестьяне поддерживают хлебную монополию, провозглашенную Временным правительством. Однако «норма, должествующая остаться у крестьян для собственного потребления, вызывает протесты... заявления “мне лучше известно, сколько для моего дома потребуется хлеба, это именно количество я и оставляю у себя, остальное все передам в казну”, являются обычным делом»³⁸. Следовательно, причины неудач Временного правительства в деле хлебозаготовок «крылись в ином. Прежде всего, в неспособности справедливо уравновесить хлебные цены для производителя и потребителя. Хлебная монополия на деле свелась к неудачной государственной монополии хлебной торговли, к хлебной повинности»³⁹.

В начале апреля 1917 г. военный министр приказал оказать помощь деревне следующими мерами: отпуск по своим хозяйствам всех солдат старше 40 лет из всех частей, дружин и команд военных округов; формирование отрядов воинских чинов из выздоравливающих и нестроевых, не подлежащих отправке на фронт с маршевыми ротами, и посылка их в село по просьбе губернских продовольственных комитетов; отправка в село команд из тех маршевых рот, что не прошли к апрелю 4-недельного срока обучения. Отдача распоряжений об отпуске нижних чинов для помощи сельскому хозяйству возлагалась на представителей командующих войсками военных округов, входивших в состав губернских продовольственных комитетов. Также Гучков распорядился до 15 мая отпустить по домам солдат старше 40 лет из действующей армии и тыловых частей фронтов при условии (телеграмма от 6 апреля), что это не нанесет ущерба обслуживанию армий. А уже 7-го числа в новой телеграмме указывалось, что «отпуск на работы... предоставляется усмотрению Главнокомандующих сообразно с местными условиями и боевыми задачами». Несмотря на то, что военный министр уступил генералитету в определении приоритета запросов фронта перед положением в сельском хозяйстве страны, Алексеев в ответ на предложенные меры запросил предпринять самую энергичную высылку пополнений на все фронты⁴⁰, но 10 апреля под давлением Петроградского Совета правительство все-таки приняло решение о демобилизации солдат старше 40 лет.

И все-таки продовольствия не хватало, так как транспорт никак не мог выйти из кризиса. Весной 1917 г. губернские и уездные продовольственные комитеты жаловались на самостоятельную покупку представителями войсковых частей продовольствия и, особенно, фуража по ценам, превышающим установленные Министерством земледелия. Такие закупки дезорганизовывали ход заготовительных мероприятий. Ставка пыталась повлиять на ситуацию организационны-

ми мерами: 7 апреля Главный полевой интендант предложил Алексею свой проект, в котором предусматривалось сокращение на фронте как общественных организаций вообще, так и количества людей в остающихся; кормить команды, проходящие через штатные пункты, за деньги; предоставить армейским заготовителям простор, не стесняя их твердыми и предельными ценами, заменив контроль местных властей наблюдением со стороны комитетов; всем невоенным, находящимся на фронте, предоставить солдатский паек; запретить образование в частях запасов скоропортящихся продуктов (мясо, рыба); отправлять в тыл раненых по прошествии не более трех дней; вывести в тыл кавалерийские части; не держать в корпусах более 15% безоружного укомплектования; сократить верховых лошадей; выдавать беженцам и вольнонаемным паек не натурой, а деньгами ⁴¹. Все эти меры были верны, но в условиях революции малореализуемы на практике.

За пять дней до смены Алексея на посту Верховного главнокомандующего более покладистым генералом А.А. Брусиловым, 16—17 мая, состоялось очередное Совецание в Ставке, посвященное проблеме снабжения армии продовольствием и фуражом. Здесь признавалось, что «в апреле положение с подвозом стало катастрофическим, так как фактический подвоз с востока муки и зернового фуража в отдельные дни составил лишь 10—15% от назначенной нормы». Как и ожидалось, улучшение погоды несколько увеличило снабжение: «поступление продовольственных и фуражных грузов с первых чисел мая несколько улучшилось», но в любом случае железнодорожный транспорт не справлялся с поставленными перед ним задачами. Впереди же ожидалось намеченное и еще при Николае II согласованное с союзниками наступление, вследствие чего генералитет не мог отказаться от подвоза подкреплений, которым опять-таки требовался продфураж. Совецанием констатировалось, что «общий недовоз по всем фронтам составил за последние два месяца 40% от заданной нормы, за первые же десять дней мая недовоз составил 25%». Следовательно, прогресс наличествовал, хотя было отмечено, что недовоз продовольственных и фуражных грузов на фронт был весьма существенным, начиная со второй половины 1916 года. Общий недовоз продфуража в армию за 9 месяцев, с августа 1916 по апрель 1917 г., составил от 20 до 60% в зависимости от продукта, причем минимум поставок пришелся на декабрь 1916, а затем на март 1917 года ⁴².

На июнь-июль 1917 г. Министерство земледелия, соглашаясь удовлетворить требования фронтов в фураже и зерновых, отказывало в требуемом количестве мясопродуктов, что и было зафиксировано Совецанием. Характерно, что на одни продукты, требуемые интендантством, министерство давало больше эшелонов (мука, крупы), а на другие (мясо, живой скот) — меньше. Интендантство в своих расчетах исходило из пайка, помноженного на количество «ртов», а министерство — из имевшихся запасов продовольствия и фуража (прогрессирующая нехватка мяса в стране) и возможностей транспорта ⁴³.

Между тем, запасы отечественного народного хозяйства не были исчерпаны. Нужно было только уметь взять продфураж, согласно постулатам объявленной 25 марта Временным правительством хлебной монополии, по которой излишки хлеба передавались государству по твердым ценам. То обстоятельство, что представители войсковых час-

тей, скупавших продфураж в стране, могли найти его, говорит о неэффективности деятельности продовольственных комитетов на местах и Министерства продовольствия.

Чтобы ввести процесс снабжения в контролируемое русло, Временное правительство установило следующий порядок закупок продовольствия войсковыми частями: продовольственные комитеты определяют количество продуктов на продажу у населения и устанавливают на них твердые цены (если эти цены не были ранее установлены Министерством земледелия). Затем эта информация передается корпусным интендантам, которые выдают удостоверения частям на получение хлеба от уездных продовольственных комитетов, указывающих места возможных закупок. В случае отказа от продажи по твердым ценам предусматривались принудительные закупки. На бумаге все выглядело гладко, но на деле те продовольственные комитеты, которые не контролировались крестьянами, фактически не имели никаких властных полномочий в деревне. А те, которые находились под контролем сельской общины, вообще не давали никакой информации о продовольственных запасах. Иначе говоря, никто и не дал бы сведений о продуктах, а заставить сделать это было невозможно. Поэтому заготовки в августе-октябре составили 33,5% от установленного задания: «государство не располагало запасами хлеба, и страна жила за счет текущих заготовок не только хлеба, но и мяса, масла, молока, овощей и других продуктов. Кроме того, не весь хлеб урожая 1917 г. мог быть вывезен к местам потребления из-за расстройств транспорта»⁴⁴. Таким образом, властями было осознано, что переход земли к общине уничтожил основных поставщиков товарного хлеба для государства — помещиков и хуторян. Это означало, что теперь товарные излишки были распределены по десяткам тысяч мелких крестьянских хозяйств, отказывавшихся сдавать зерно по установленным твердым ценам, считая их несправедливыми⁴⁵. В итоге, хлеб потреблялся самими крестьянами, а государство не получало требовавшихся объемов продовольственной продукции. Лишь поддержка кооперативов, позволившая за 8 месяцев заготовить 360 млн пуд. зерна, помогла режиму А.Ф. Керенского удержаться на плаву до осени.

Конечно, правительство и Ставка пытались исправить эту ненормальную ситуацию. Распоряжением министра продовольствия А.В. Пешехонова и нового Верховного главнокомандующего Брусилова от 24 июня (вступало в силу с 1 июля) создавались фронтные совещательные продовольственные бюро. Эти бюро имели следующие цели: планомерное снабжение в пределах фронта продовольствием общественных организаций и местного населения; правильное расходование и распределение продуктов питания. Совещательное бюро обязывалось вести точный учет людей, лошадей и скота, устанавливать ближайший порядок снабжения организаций продуктами и фуражом, содействуя в этом вопросу армии. Отпуск продуктов войсковым частям должен был производиться «исключительно из интендантских магазинов». То есть, правительство пыталось образованием промежуточных органов остановить лавину самостоятельных заготовок, ставших в это время чуть ли не единственным средством борьбы с голодом. Пешехонов указал, что «с образованием совещательных бюро отдельным войсковым частям и обслуживающим армию организациям запрещается произво-

дить какие бы то ни было заготовки как во внутренних, так и в тыловых губерниях, за исключением свежих овощей и противогинготных средств»⁴⁶. Выполняя требование правительства от 20 марта о развитии овощных огородов войсками, командующие фронтами в апреле призывали войска «оказать делу продовольствования могучую поддержку устройством собственных огородов... ни одна пядь пригодной земли в подходящей обстановке не должна оставаться неиспользованной». Главнокомандующий армиями Западного фронта В.И. Гурко в приказе под номером 1569 даже приводил вычисления огородной площади на дивизию: картофель — 72 десятины; капуста — 8; морковь — 4; редька и репа — по 4; бобовые — 5 десятин⁴⁷.

Для того, чтобы составить план снабжения действующей армии, было решено провести очередную перепись «ртов» на фронте. 30 июля председательствующий в Особом Совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства П.И. Пальчинский доносил Керенскому: «Особое Совещание, заслушав в заседании 26 июля проект о переписи армии, при обсуждении его отметило крайнюю неотложность проведения в жизнь означенного мероприятия, необходимого не только как материал для стратегических соображений и составления общей схемы будущей демобилизации, но и для выработки полного и правильного плана снабжения армии продовольствием и всякого рода другими припасами». В заключение Пальчинский добавил: «прошу не отказать Вас внести упомянутый вопрос на рассмотрение Временного правительства»⁴⁸. Однако провал июньского наступления означал, что в текущем году достичь победы уже не удастся. Если режим Керенского намеревался удержать страну в состоянии войны, то ему надо было подумать и о том, как сохранить Восточный фронт предстоявшей зимой. Между тем, фронту требовалось до 40 млн пуд. хлебопродуктов в месяц, и это количество считалось недостаточным. В августе четырем фронтам (без Кавказского) было необходимо 192 вагона овса, 240 ячменя, 415 ржаной муки, 101 пшеничной муки, 70 ржи в зерне, 78 крупы, а всего — 1226 вагонов с продфуражом⁴⁹.

16 августа Верховный главнокомандующий генерал Корнилов сообщал Керенскому: «Снабжение армии продовольствием и фуражом с каждым днем ухудшается... Запасы [на Юго-Западном фронте] упали в среднем до двух дней, доходя местами до нуля... Чтобы вывести армию из критического положения, мною и Начальником Моего Штаба предложено Главным Начальникам Юго-Западного и Румынского фронтов немедленно осуществить меры, за применение которых высказались Особоуполномоченный министерства продовольствия Н.А. Гаврилов и фронтовые продовольственные бюро, а именно широкое осуществление реквизиции хлеба при содействии, если понадобится, воинских команд»⁵⁰, ибо закон о хлебной монополии фактически так и не заработал. В своей попытке спасти положение, Корнилов был спровоцирован на открытое выступление против Керенского и потерпел поражение. После этого заготовки продовольствия и фуража Временным правительством проходили вхолостую. Запасы складировались, но потребители их не получали, так как отсутствовала политическая воля в вопросе отгрузки и доставки хлеба.

Однако снабжение фронта продолжалось, так как остановить инерцию громадной военной машины в одночасье было нереально. Сам факт наличия Восточного фронта, пусть и бездействующего, пред-

полагал, что находящиеся в окопах миллионы солдат по-прежнему требуется кормить, одевать и обувать. Естественно, что тупиковая ситуация, которая складывалась в государстве, негативно влияла на армию во всех отношениях. Не стало исключением и продснабжение: «осенью 1917 г. положение в окопах резко ухудшилось. Продовольственный паек сократился. В неделю было введено по 2—3 постных дня. Вместо гречневой каши нас стали ежедневно кормить чечевицей»⁵¹. Повторялась ситуация зимы 1917 г., но теперь — на пару месяцев раньше и без видимых перспектив.

Немудрено, что достаточно верно оценивавшие назревавшую катастрофу войска стали заниматься самозаготовками, так как провал хлебной монополии Временного правительства предполагал самоснабжение, получившее характер «мешочничества»⁵². В августе для армии было заготовлено лишь 28% того хлеба, что был запланирован; для населения — 40—43%. Расхождение с планированием властей, предполагавших заготовить более миллиарда пудов зерна (потребность страны — 1,12 млрд пудов), из которых 650 млн должно было пойти армии, разительное. Накануне октябрьского переворота суточное потребление армии составляло 600 тыс. пуд. муки, крупы — 125 тыс., мяса — 125 тыс., жиров — 50 тыс., овса — 500 тыс., сена — 1,5 млн пудов⁵³.

Продовольственный вопрос в Российской империи в годы первой мировой войны, как и многие другие вопросы, стал одним из камней преткновения, надломивших монархию, не вынесшую тяжести тотальной войны, а затем и тем грузом, что утянул на дно буржуазное Временное правительство. Казалось бы, громадные природные ресурсы России, предвоенное положение мирового экспортёра хлеба гарантировали страну от продовольственных затруднений. Тем не менее, несмотря на объективный факт наличия в достаточном количестве продуктов питания, организация снабжения Вооружённых Сил как основного непродовольственного потребителя оказалась одним из самых слабых звеньев в общей цепи неготовности России к большой европейской войне.

Примечания

1. ГРОМАН В.Г. Дороговизна хлебных продуктов. М. 1915; МАСЛОВ С. Наше сельское хозяйство и война. М. 1916.
2. Материалы по организации продовольственного дела. М. 1917; ПОЛОНСКИЙ Г. Регулирующие мероприятия правительственной и общественной власти в хозяйственной жизни за время войны. Пг. 1917; ПРОКОПОВИЧ С.Н. Война и народное хозяйство. М. 1918; ОРЛОВ Н.А. Продовольственное дело в России во время войны и революции. М. 1919.
3. БРЕСЛАВЕЦ В.Н. Снабжение армии и населения мясом. 1914—1918 год. М. 1918; ПРОТОПОПОВ Б.В. Сеноснабжение и война. М.-Л. 1929; БУКШПАН Я.М. Военно-хозяйственная политика. М.-Л. 1929.
4. СУЛЕЙМАН Н.А. Тыл и снабжение действующей армии. М.-Л. 1927; ДЕЙЧ Н. Устройство тыла и организация снабжения. М.-Л. 1929; ЖИТКОВ Н. Продфуражное снабжение русских армий в мировую войну. — Военно-исторический журнал. 1940, № 12; ПОПОВ В.И. Довольствие мясом русской армии в Первую мировую войну 1914—1918 гг. (по архивным материалам). М. 1942; История тыла и снабжения русской армии. Калинин. 1955.
5. КОНДРАТЬЕВ Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М. 1991.
6. ВОЛОБУЕВ П.В. Экономическая политика Временного правительства. М. 1962; СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой вой-

- ны. М. 1973; КИТАНИНА Т.М. Война, хлеб и революция. Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г. Л. 1985; ЛЕЙБЕРОВ И.П., РУДАЧЕНКО С.Д. Революция и хлеб. М. 1990.
7. ВЕЩИКОВ П.И., ОГУРЕЧНИКОВ А.А., ШАНИН А.В. Продовольственная служба Вооруженных Сил России: Краткая история. М. 1999; ВЕЩИКОВ П.И. Военное хозяйство — Тыл Вооруженных Сил России (XVIII—XX вв.). М. 2003.
 8. КОВАЛЬЧЕНКО И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России. В кн.: Проблемы социально-экономической истории России. М. 1971, с. 190—191.
 9. Журнал Совещания 15—16 мая 1916. Б.М. 1916, с. 6.
 10. Государственный архив Тульской области (ГА ТО), ф. 1755, оп. 2, д. 1, л. 101—103.
 11. Сборник руководящих приказов и приказаний VII-й армии. Б.М. 1917, с. 489—490.
 12. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 499, оп. 3, д. 1393в, л. 1об., 31об.
 13. ГА ТО, ф. 1742, оп. 2, д. 5, л. 81, 113.
 14. РГВИА, ф. 391, оп. 2, д. 72, л. 18.
 15. Там же, ф. 499, оп. 3, д. 1582, л. 32.
 16. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 826, оп. 1, д. 371, л. 20.
 17. Приказы Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего за 1916 год. СПб. 1916, № 1804.
 18. БУКШПАН Я.М. Ук. соч., с. 162.
 19. ДЯКИН В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). Л. 1967. с. 209.
 20. ГА РФ, ф. 1797, оп. 1, д. 386, л. 12об.
 21. Журнал Совещания в Ставке 15—16 декабря 1916 г. Б.М. 1917, с. 15.
 22. ГА РФ, ф. 1797, оп. 1, д. 386, л. 13.
 23. РОНЖИН С.А. Военные сообщения и управления ими. В кн.: Сборник записок, относящихся к русскому снабжению в Великую войну. США. 1925, с. 129.
 24. РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 277, л. 249.
 25. СУХАРЕВ В.И. Краткий санитарный очерк по Румфронту за минувшую кампанию (1914—1918 гг.). Одесса. 1920, с. 17.
 26. ГА ТО, ф. 1742, оп. 1, д. 11а, л. 652—653.
 27. ГА РФ, ф. 1797, оп. 1, д. 386, л. 123—124.
 28. Там же, л. 166, 180.
 29. РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 64, л. 299—304.
 30. ГА РФ, ф. 1779, оп. 2, д. 135, л. 6—7.
 31. Разложение армии в 1917 году. М.—Л. 1925, с. 30.
 32. РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 1030, л. 123.
 33. Там же, д. 1037, л. 172об.; ФРЕНКИН М. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии 1917—1918 г. Иерусалим. 1982, с. 5; Первая мировая война 1914—1918. Сб. статей. М. 1968, с. 157.
 34. 1917. Разложение армии. М. 2010, с. 59—63.
 35. РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 65, л. 19—23; оп. 2, д. 283, л. 138.
 36. Там же, ф. 2000, оп. 3, д. 1565, л. 122, 149.
 37. ГА РФ, ф. 3087, оп. 1, д. 21, л. 6—7.
 38. Там же, ф. 1778, оп. 1, д. 320, л. 31.
 39. Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М. 2006, с. 612.
 40. РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 219, л. 25—27, 29, 53, 115.
 41. Там же, д. 1037, л. 68, 85—97.
 42. ГА РФ, ф. 1778, оп. 1, д. 312, л. 178об.—180.
 43. РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 1037, л. 289.
 44. ЛЕЙБЕРОВ И.П., РУДАЧЕНКО С.Д. Ук. соч., с. 113.
 45. ГА РФ, ф. 6831, оп. 1, д. 92, л. 188.
 46. Там же, д. 4, л. 8—10.
 47. Там же, ф. 826, оп. 1, д. 377, л. 144об.—145об.
 48. Там же, ф. 1779, оп. 2, д. 256, л. 2.
 49. Там же, ф. 6831, оп. 1, д. 165, л. 1—1об., 7—7об.
 50. Там же, ф. 1807, оп. 1, д. 470, л. 1—3.
 51. АБРАМОВ В.Л. На ратных дорогах. М. 1962, с. 40.
 52. ДАВЫДОВ А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917—1921 гг.: Мешочники. СПб. 2002, с. 31.
 53. Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). М. 1925.

Опека по обычному праву у донских казаков во второй половине XIX в.

С.Ю. Краснов

Аннотация. В данной публикации автор рассматривает роль донских казачьих общин в установлении прав и обязанностей опекунов над малолетними и несовершеннолетними детьми, а также в осуществлении прямого и косвенного контроля над опекунами и иными лицами, применении к ним мер ответственности, в соответствии с действовавшими во второй половине XIX в. нормами обычного права.

Ключевые слова: обычное право, опекуны, права, обязанности и ответственность опекунов, донские казаки, история России.

Abstract. In this work the author considers a role of the Don Cossack communities in establishment of the rights and duties of trustees over juvenile and minor children, and also in implementation of direct and indirect control over trustees and other persons, application of measures of responsibility to them according to the XIX century operating in the second half norms of a customary law.

Key words: customary law, trustees, rights, duties and responsibility of trustees, Don Cossacks, history of Russia.

Во второй половине XIX в. регулирование опеки над малолетними и несовершеннолетними детьми в станицах и хуторах Области войска Донского осуществлялось на основе норм обычного права донских казаков, а не норм официального законодательства. Для подтверждения сказанного мы рассмотрим различные варианты определения донскими казачьими общинами их содержания в большинстве случаев, абстрагируясь от того, какие из них были санкционированы к применению в указанный период времени, именно в той или иной конкретной общине.

Обычной обязанностью опекуна, наряду с воспитанием, являлось сохранение в целостности и сохранности сиротского имущества, которое он должен был возратить по достижении сиротами совершеннолетия.

Краснов Сергей Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент Института права Волгоградского государственного университета. E-mail: Krasnov@volsu.ru.

Krasnov Sergey Y. — PhD (law), associate professor at the Institute of Law, Volgograd State University. Krasnov@volsu.ru.

Например, в 1860 г. в предписании, посланном Мигулинским станичным правлением приказному хутора Секильновский говорилось о следующем:

«Дошло до сведения станичного правления, что хутора Секильновского казачка Ксения Голубова ведет весьма развратную жизнь и без всякой надобности сбывает имение, которое в короткое время значительно уничтожалось, а между тем у ней есть сын 16-ти летний Тимофей и прямой наследник всему имению.

Дабы Тимофей в последствии через поступки матери не лишился напрасно имения (станичное правление. — С.К.) строго представляет тебе при хуторском обществе назначить попечителем означенного имения родного дядю Тимофея казака Титова, которому предоставить распоряжаться в нужных случаях по имению, непосредственным же распорядителем по имению должен быть Тимофей а мать его Ксению не допускать до того, которою обязать, чтобы она ни под каким видом не смела без веления попечителя и сына своего Тимофея нисколько не сбывать имение, в противном случае вовсе устранить ее по неблагонадежности от малолетних распоряжений по оному. Февраля 5 дня 1860 г.»¹. Это не единственный пример того, каким образом донская казачья община осуществляла постоянный и неусыпный контроль над практически каждой казачьей семьей.

«1872 для Области войска Донского Вешенской станицы наличные граждане на сходе выслушав объявление сей станицы вдовы казачьей жены Лукерьи Игнатовой Фроловой, о том, что от роду ей около 70 лет бывает нередко одержима болезнью имеет при себе круглую сироту родную внучку Прасковью лет, по старости лет не в силах пропитывать себя и внуку, а также управлять имуществом состоящим из домика с плетневым чуланом, огорожею, домашнею рухлядью и одной коровы, почему ходатайствует об определении ей опекуна; граждане рассуждая полагаем: для присмотра за вдовою казачьей Фроловою и внучкою ее Прасковьею и имуществом, следовало бы назначить в роде опекуна за внутреннюю годовую службу, благонадежного и хорошего поведения казака а о рассмотрении войтить представлением где следует»².

Конкретизация исполнения опекуном данной обязанности показывает, что донские казаки понимали под требованием «сохранить имущество»:

«Все движимое из имущества сирот (например, скот, хлеб и прочие) продается и обращается в деньги или же принимается опекуном по описи, засвидетельствованной в станичном правлении, вместе с детьми.

Недвижимое имущество и земля сиротская часто сдается в аренду; сиротские деньги отдаются частным лицам в рост, или кладутся в банк (например, в Ростове-на-Дону). Иногда, для большей верности, сиротские деньги отдаются в рост самим станичным правлением.

Вещи, могущие от времени испортиться (например, одежда), описывают и, отдавая опекуну на хранение, нередко на случай порчи, заранее определяют ту сумму, которую он будет обязан выдать сиротам в вознаграждение»³.

О сложном, противоречивом характере казачьего нормотворчества и определяющей роли донских казачьих общин в обычно-правовом регулировании опеки и попечительства над малолетними и несовершеннолетними детьми может свидетельствовать следующий мате-

риал. «С введением Положения 1835 г. («Положение об управлении Донского Войска» от 26 мая 1835 г. — С.К.), положение сирот, как казалось уже удовлетворительно обеспечивалось положением об опеке, по которому предоставлялось назначать к малолетним казачьим сиротам опекунов из урядников и казаков за внутреннюю службу, которую после выслуги срока полевой службы обязаны были тогда нести в течении пяти лет все нижние чины войска. Вследствие чего тогда во многих станицах учреждались опекунства над имением казачьих сирот, более или менее оправдывавшие свое назначение. Но в некоторых станицах и тогда мало учреждалось опекунств, за недостатком желающих принимать на себя обязанность опекунов.

Ныне же (в начале 70-х гг. XIX в. — С.К.), за упразднением казачьей внутренней службы, весьма немногих станицах есть опекунства и то в самом малом числе. Впрочем, благодаря тому обстоятельству, что в казачьем быту женщины вообще привычны к перенесению всяких трудов, большая часть вдов и сирот вообще не нуждается в опеке, а принимает ее на себя, воспитывая детей и соблюдая хозяйство до их возраста.

Таким благонадежным вдовам выдаются сполна и в полное их распоряжение и деньги, вырученные от продажи имущества умершего в полку казака, по получении их оттуда. Имущества же круглых сирот, или хотя и имеющих матерей, но слабых или почему-либо не надежных, по распоряжению станичных правителей с согласия родственников, обыкновенно продаются при станичном сходе с публичного торга. При этом обыкновенно составляется станичным правлением опись проданному имению, с обозначением — что именно, кому и за какую цену продано. Опись эта передается кому-нибудь из благонадежных родственников сирот, с обязанностью собрать деньги с покупателей, так как продажа производится, по заведенному обычаю, редко за наличные деньги; большею же частью в долг.

Но это отсрочка и бывает нередко причиною несвоевременного получения с покупателей денег, несмотря на назначение процентов в случае неуплаты их в назначенный срок и задолжения эти тянутся много лет и даже до совершеннолетия сирот, так что взыскание этих денег должно по необходимости производится уже посредством суда. Выручаемые с покупателей деньги причисляются к сумме, полученной из полка за имущество умершего отца сирот, и находятся вместе с последними, за неимением опекунов, в непосредственном распоряжении станичных правителей, которыми раздаются, для приращения жителям станицы в ссуду за проценты»⁴.

Таким образом, под исполнением опекунами своей основной обязанности по сохранению имущества сирот следует понимать как наиболее эффективное владение и пользование имуществом сирот, так и совершение в отношении него целого ряда распорядительных сделок, в частности, сдача травяных, лесных, земельных и др. паев, принадлежащих сиротам, в аренду всем желающим.

«В некоторых станичных обществах до сих пор (начало 70-х гг. XIX в. — С.К.) еще из обычая старинные привычки, явно нарушающие установленный законами (официальным законодательством. — С.К.) порядок в распределении паев из общего юртового довольствия, причем и станичные правители как видно, увлекаемые силою общественной воли также делаются нарушителями закона.

Это более бывает заметно при ежегодном разделе юртовых сенокосных трав. Здесь немало бедных беспомощных сирот, особенно же из женского пола, остается совершенно без паев, иногда же и мальчики из круглых сирот тоже бывают лишены своих законных паев. И надо удивляться — каким образом, удержался до сего времени этот обычай, противный как порядку гражданскому, так и вообще закону христианской благотворительности. Обыкновенно в этих случаях станичники упорно стоят на том: почему же дев прошлым и позапрошлым годам не давали таким детям паев? Такие противозаконные поступки строго преследуются законами и ложатся всею тяжестью ответа на станичных правителей.

Таким образом, этот обычай доведен до того, что станичный атаман, вместо того, чтобы вписать сироту без всяких остановок прямо на список паевых — предварительно докладывает обществу: дать или не дать такому то сироте пай? — и если общество разрешит дать, то он приказывает писарю внести его в список.

На этом основании у нас даже и при разделе леса, бывшем в первый раз в 1859 году, сироты женского пола и вообще незамужние девушки вовсе не получали лесных паев, тогда как по закону они должны пользоваться половиною лесного пая против мужчин; только некоторые из престарелых как бы по уважению со стороны общества получили по полпая.

При втором же разделе в 1865 году все таковые сироты и девушки наравне со вдовами бездетными получили по надлежащей половине пая.

Ныне же, т.е. на сих годах, при разделе трав, по произволу общества, когда получают, когда нет. Отказ сироте обществом, потому что отец ее умер еще бог знает когда, тому же будет не менее 20 годов и мать тоже давно, то есть иск просительницы якобы покрылся давностью. В станичные наши общества до сего времени не могло еще вкорениться точное исполнение законы в распределении паев из общего юртового довольствия...»⁵

Можно сделать достаточно обоснованный вывод о том, что имущественные права всех опекаемых малолетних и несовершеннолетних сирот обоего пола, а также некоторых других членов общины на владение, пользование и распоряжение травяными, лесными, земельными и другими паями носили не произвольный, а производный, вторичный характер и полностью зависели от того, какие именно нормы были санкционированы к применению в донских казачьих общинах.

При этом основу регулирования тех или иных общественных отношений у донских казаков составляли как традиционные нормы, так и вырабатываемые на их основе новые нормы обычного права, а не официального законодательства.

«В 70-х годах, казак нашей станицы (Пятиизбянской Второго Донского округа. — С.К.), старообрядец Татаринов, выдал свою дочь за казака Верхне-Чирской станицы (Второго Донского округа. — С.К.), тоже старообрядца Пастухова. Брак этот по существующему и поныне у старообрядцев обыкновению, не был записан в метрические книги. По прошествии девяти лет совместной жизни, Пастуховы, неизвестно по каким причинам, разошлись, причем появившиеся за это время на свет двое их сыновей остались на попечении матери.

В настоящем году (в 1900. — С.К.), когда старшему сыну Виссариону исполнилось 19 лет, мать обратилась к верхне-чирскому обще-

ству с просьбой дать ему, сыну, обычный казачий пай, но общество отказало, на том основании, что муж ее, Пастухов, не желает признавать ее детей своими. Потерпев неудачу в верхне-чирском станичном обществе Пастухова обратилась к своему — пятиизбянскому обществу с той же просьбой, но и тут получила тот же ответ: общество не удовлетворило ее просьбы, считая детей ее принадлежащими к обществу приписки отца их, т.е. верхне-чирскому.

Окружное управление отменило приговор пятиизбянского станичного общества и, признав детей принадлежащими матери, предписало дать пай в обществе станицы Пятиизбянской»⁶.

О значении записи заключения брака и вписания детей в метрические книги можно судить по следующим материалам. «Другое событие у нас (в Распопинской станице Усть-Медведецкого округа. — С.К.) это раздел общественного леса. Сколько нам помнится, редкий у нас атаман не попадал через него под суд, либо под следствие, иногда по собственной погрешности, а иногда безвинно. Будь атаман даже самый честный и бескорыстный человек и тогда он не в силах присечь хищной порубки леса...

Ныне (в начале 70-х гг. XIX в. — С.К.) с переходом общественного леса в полное распоряжение общества атаман наш более уже не может отвечать за несоблюдение его. Общественным приговором допущены у нас к участию в пользовании лесным пайком не только взрослые, но и все малолетние мужского пола, родившиеся по 1 января настоящего года (1874. — С.К.) (вдовы также получили пай), даже один мещанский мальчик, записанный в метрическую книгу как сын казака, тоже получил пай...»⁷

«Потому и брак у нас (в станице Луганской Донецкого округа. — С.К.) составляет не более как имущественную сделку, сопровождаемую всеми теми обрядовыми действиями, без которых у нас невозможно заключение ни одного обязательства.

С местной точки зрения, и сам церковный обряд бракосочетания, является только заключительным актом, венцом сделки.

Спасибо правлению (станичному. — С.К.), что так меня поддержали в нужде; не выдай свидетельства для женитьбы моему зятю, остался бы я нуждаться до красной горки; у меня случилось так, на пестрой неделе в четверг засватал я зятя за свою дочь вдову, а в пятницу вечером свенчали; для меня зять необходимый работник, а ему бедному — кстати справлю к службе...»⁸

В данном случае речь идет не просто о принятии зятя в семью тестя, а именно о принятии зятя сироты. «Сироты (во Втором Донском округе. — С.К.) все поступают в зятя к людям богатым. Богатый казак редко выдает свою дочь в люди, а принимает к себе во двор зятя»⁹.

«При приеме (в станице Луганской Донецкого округа. — С.К.) зятя за дочь во двор тестя особенно те, у которых нет кроме дочерей детей, выдают условия за засвидетельствованием хуторского общества, по которому имение свое, по смерти, назначает зятю»¹⁰. «Зять приемыш получает обыкновенно ту часть, на которую он условился при приеме»¹¹.

Что касается вопроса о выделении сиротам земельных и других паев, то при его решении донские казачьи общины руководствовались не только нормами, но и принципами обычного права, в частности, такими как принцип общей пользы и др.

Например, в хуторе Сенявка землю делили на пай следующим образом: «Земля делится на пай, на душу (на каждого казака с шестнадцати лет) по четыре десятины. Есть еще пайки чиновникам: есаулу, священнику, атаману, писарю и сиротам»¹².

«Делится она (земля в станице Казачьего Донецкого округа. — С.К.) обыкновенно на несколько лет. В настоящее время она разделена на 17 лет, а в предыдущий раз делилась на 6.

Каждому поселению (хутору. — С.К.) дается надел по числу душ мужского пола, считая на каждую по 15 десятин земли. Покуда юртовой земли достает еще 15 десятин на каждую мужскую душу. Несколько сотен десятин при каждом разделе бывает еще в остатке. Остаток этот граждане отдают в аренду и деньги употребляют на общественные нужды.

Общества наделяют 15 десятинами всякого казака с 17 летнего возраста; малолетним же, не достигшим 17 лет, земли не дают, а оставляют ее при поселении в особом столбе и пользуются ею все вместе: пасут скотину, косят сено; часть ее иногда и распахивают. Когда же кто из малолетних достигнет 17 летнего возраста, то его наделяют 15 десятинами из этого запаса.

Земля умерших и вдов, вышедших в замужество, остается при поселении и ею наделяют тех лиц, которые переходят в него на жительство из других поселений. Вдовам бездетным дают половину пая, вдовам, имеющим до 3-х детей, полный пай, а вдовам, имеющим 4-х детей и более — два пая. Из общественной земли еще до раздела ее между поселениями, отделяют 3 тысячи с лишним десятин для пастби конно-плодового табуна»¹³.

Иногда опекун брал на себя письменное обязательство по воспитанию сирот, то есть подписывал особое условие.

«Июня 22-го, 1871 г. Обязательство. Нижеподписавшаяся Маринской станицы (Первого Донского округа. — С.К.) вдова Прасковья Ив. Хохлачёва даю сию подписку родным: свекру моему Даниле и свекрови Александре Хохлачёвой в том, что я прошу и принимаю родного сына своего, а их внука, сироту Андрея Ильина Хохлачёва, 6-ти лет, родившегося в 1866 году, которого я от свекра и свекрови принимаю на собственное воспитание, как родная пещись о нем...»¹⁴

Традиционно же у донских казаков никаких особенных условий с опекуном не подписывалось, и опекун не имел права на какое-либо особое вознаграждение со стороны донской казачьей общины за исполнение своих обязанностей: «Особенных условий при передаче имущества малолетних их воспитателям (опекунам. — С.К.) не бывает никаких. Вознаграждение из имущества сирот воспитателю не полагается»¹⁵.

На наш взгляд, подобные утверждения нуждаются в уточнении. Речь может идти о некотором дополнительном вознаграждении, решение о предоставлении или назначении которого, например, органам территориального общественного самоуправления, а также отдельным гражданам, исполняющим те или иные общественно полезные обязанности, донские казачьи общины принимали с общего согласия всех граждан на станичных сходах. Употребление нами терминов «предоставление» или «назначение» вознаграждения не являются случайными, поскольку под указанным вознаграждением донские казаки традиционно понимали не только дополнительные денежные выплаты,

но и предоставление указанным лицам к уже имеющимся у них владениям дополнительных земельных, травяных, лесных и других паев, перевод в их распоряжение озер на определенный срок и т.д. за исполнение ими своих обязанностей.

Кроме того, зная механизм действия норм обычного права у донских казаков во второй половине XIX в., нельзя исключать назначения обществом опекунам дополнительных выплат в той или иной донской казачьей общине, а также предоставления общиной гражданам права на заключение особых условий.

И уже тем более нельзя говорить об отсутствии у опекунов вообще каких-либо прав на получение материальных и иных выгод из имущества сирот, о чем может свидетельствовать и особое условие, заключенное в 1883 г. между казаками станицы Верхне-Кундрючевской.

«28 декабря. Условие Области войска Донского Верхне-Кундрючевской станицы казаки: Никита Семёнов Горбунков и Пётр Титов Голдин заключили сие условие в следующем: из них 1-й Горбунков взял в последнего Голдина сына родного его выростка Виссариона Голдина в детещи с тем, чтобы Горбунков водил бы его приятно и впоследствии определил судьбу, а в случае же он проживет до возраста лет и подлежать будет командированию на службу, то Горбунков обязывается справить его на службу все необходимое обмундирование вооружение и коня, кроме того когда поступит в тягости то Горбунков обязан за него уплачивать паек же его должен находится при нем и надел земли и Горбунков должен пользоваться его пайками и наделом земли до тех пор пока он Виссарион Голдин будет находится при Горбункове.

К сему условию руки приложили казаки: Никита Горбунков и Пётр Голдин, а по неграмотству их с рукоданной просьбы подписал урядник Быкадоров»¹⁶.

В рассмотренном материале имеются примеры, подтверждающие получение опекунами выгод не только из имущества малолетних и несовершеннолетних сирот, но и установленных донскими казачьими общинами на основе традиционных норм обычного права. Это — и освобождение от несения внутренней военной службы, и назначение определенного процента от управления имуществом подопечных, и возможность оставить часть имущества сирот у себя с выплатой им денежной компенсации фактически с многолетней рассрочкой, и использование труда сирот в качестве работников и т.д.

«В вознаграждение опекуну за уход за домашностью сирот, отдается весь приход от сиротских животных и тот пай, которым сирота должен пользоваться в общественных довольствиях»¹⁷.

По нашему мнению, в пересмотре и переоценке нуждаются также следующие утверждения о контроле над опекунами со стороны донских казачьих общин:

«Строгого и бдительного контроля над опекунами, как кажется, тоже обыкновенно не бывает. Опекун обязан самим сиротам представлять отчет по достижении их совершеннолетия. Впрочем, мне (Харузину М.Н. — С.К.) известно, что, если общество замечает недобросовестность в исполнении опекуном своих обязанностей, то сменяет его и заставляет уплачивать убытки, причиненные сиротам. А в станице Нижне-Курмоярской (Первого Донского округа. — С.К.) станичное правление контролирует опекуна. Последний обязуется

здесь вести приходно-расходную книгу, куда записывают: «сколько исхарчил на опекаемых в год», затем он представляет отчет»¹⁸.

«Над опекуном, взявшим на воспитание сирот, не бывает никакого контроля»¹⁹.

«Те же старики, которые отдали опеку на воспитание сирот, а имение под сохранение имеют над опекуном и контроль, впрочем весьма слабый, который почти нисколько не гарантирует целостность сирот»²⁰.

На самом деле каждая казачья семья постоянно находилась под прямым или косвенным контролем со стороны донской казачьей общины. Прямой контроль выражался в том, что донская казачья община принимала свое решение по конкретной семье в случаях, когда такое вмешательство со стороны общины было необходимо.

«1857 года октября 28 дня, общество Мечетинской станицы (Черкасского округа. — С.К.) при собрании своем слушали доклад станичных правителей о том, что здешней станицы вдова казачья жена Анна Китанева... положили: так как вдова казачья жена Анна Китенёва действительно занимается пьянством, имеет пристрастие к прилюбодеянию и оставляет свой дом с детьми без всякого презрения, то в пример другим на полном станичном сборе наказать ея, Китеневу 25-ю ударами розгами, и при том строго приказать ей, что если она и от таковых поступков ни мало не воздержится, а замечена будет в оных хотя малейшее, то тогда ея, Китенёву, представить без всякого со стороны общества уважения, с просьбою о предании ее суду по закону»²¹.

Прямой контроль со стороны донской казачьей общины осуществлялся и другими способами. Например, он «...заключается в том, что без позволения стариков опекун не имеет права сам собою продать из имения сирот, хотя бы это было необходимо, а созвавши их должен объявить им основания и причины, по которым он думает что-либо продать»²².

«Когда же вдова при выходе замуж вместе с собой поведет детей своих в другой хутор, то родственники ее детей с стариками переписут все имение, предварительно отделивши часть их матери, засвидетельствуют опись и передают старикам другого хутора тоже для засвидетельствования и удостоверения, что она с собой имела такое-то имение, которое хранится до возраста детей, если не у мужа, то у их родственников»²³.

Косвенный контроль над опекунами малолетних и несовершеннолетних детей осуществляли родственники и соседи. Кроме того, к косвенному контролю можно отнести и само наличие санкционированных донскими казачьими общинами к применению тех или иных норм обычного права, регулировавших опеку и попечительство у донских казаков во второй половине XIX века.

«Впрочем, есть опекуны, которые без позволения стариков, сбывают понемногу сиротское добро, и обыкновенно на ярмарках, так как из местных жителей сиротского никто не купит, из боязни наказания Божия за сиротские слезы и из опасения, что все купленное может быть даром отобрано назад.

В крайних случаях, когда выговоры и увещевания стариков не действуют на опекуна, только тогда старики доводят до сведения об этом станичные правления, но и это нисколько не улучшает положение сирот и их имения, так как в большинстве случаев правление

ограничивается одними лишь приказами приказному хутора с стариками, на том дело и кончается.

Одни из сирот подали жалобу в станичное правление, что мачеха их не отдает им пары родительских быков. Правление предписало старикам и приказному отобрать этих быков и удовлетворить жалобу сирот, на что выборные с приказным доносят: «Вследствие приказа станичного правления от 23 марта (1876 г. — С.К.) об отобрании нами у вдовы Уланкиной принадлежащих наследнику А. Барабанову пары волов, мы, собравшись обществом, отправились с оказанным наследником к Уланкиной, требовать тех быков, внушая ей, что если она не отдаст добровольно волов, то они согласно приказа будут отобраны полицейскими мерами, но она, не обращая внимания, волов взять не допустила, что на приказ станичного правления и смотреть не хочет».

Впрочем, иногда и положение опекуна бывает незавидное; если сделает расход из сиротских денег на обувь и одежду сирот, то старики этот расход не принимают»²⁴.

Конечно, в связи с отмеченными особенностями механизма действия норм обычного права, различия между постоянным и косвенным контролем у донских казаков носили условный характер.

«Вдова с малолетними детьми идет замуж и переносит в дом своего мужа детей и имущество, оставшиеся от первого; мать умирает, дети уходят к родственникам, а имущество остается в руках отчима. В таких случаях станичный суд принимает жалобы родственников, писанные от имени малолетних детей и находя их законными, постановляет свое решение»²⁵.

В соответствии с действовавшими во второй половине XIX в. в донских казачьих общинах нормами обычного права, по достижении сиротами и круглыми сиротами совершеннолетнего возраста опекуны были обязаны возратить им родительское имение.

Обычно такая передача осуществлялась по описи, в присутствии стариков, причем проверялось наличие не только домашних животных, дома и других хозяйственных построек, но и всякой другой мелочи, вплоть до деревянных ложек. Если при этом выявлялась недостача какой-либо части имущества, то сироты и круглые сироты обращались в станичные суды.

«Пример: Казак Иванов, принявший сироту, при котором было имение: одна пара волов, три коровы, двадцать пять овец и сорок мер хлеба, перед возрастом сироты умер. После его смерти собственное его имение разстроилось, так что для исправления к службе одного из оставшихся после него сыновей семья растратила часть сиротского имения.

Растрата обнаружилась когда сирота отделился и пристал в зятя в другое семейство, и именно из описи имения, хранившегося у стариков. Сначала он подал жалобу мировому судье, но когда последний по бездоказательности просьбы отказал сироте в иске, то он передал ее в станичный суд, который на основании обычая и решил дело в его пользу»²⁶.

Иногда имущество сирот и круглых сирот успевали захватить соседи, что также служило поводом для обращения в станичные суды.

«Так казак В. Муковинин, после смерти казака Свистунова захватил самовольно часть имения, доставшегося его сыну, в доказательство чего последний на суде выставил свидетелей и суд постано-

вил взыскать с Муковинина в пользу Свистунова деньги, по стоимости забранных им сиротских вещей»²⁷.

Можно привести различные случаи завладения недвижимым имуществом сирот, которые чаще всего происходили во время их малолетства. Например, «по жалобе родных братьев Гейкиных о самовольном захвате урядником Калининым их сада с плодовыми и лесными деревьями, доставшимся Гейкиным по наследству от отца. Станичный суд, спросив жителей хутора, которые показали, что действительно урядник Калинин захватил сад самовольно, решил на этом основании дело в пользу Гейкиных.

В другом случае, завладевший объяснил суду, что покойный хозяин сада и кухни отдал ему их на милостыню, для помина по его душе, суд требовал доказательства свидетелями, но он выставить их не мог, почему получилось решение так же не в пользу завладевшего.

Бывают и такие случаи: братья при жизни матери, разделивши имение на части, оставляют какую-нибудь часть, в роде мельницы по неудобству дележа общего. Мать и братья умирают, а оставшийся из них один владеет ею, как собственностью, не уступая своим племянникам никакой части, пока племянники вырастут и заявят свои права.

Вдова с малолетними детьми идет замуж и переносит своего мужа детей и имущество, оставшееся от первого; мать умирает, дети уходят к родственникам, а имущество остается в руках отчима. В таких случаях станичный суд принимает жалобы родственников, писанные от имени малолетних детей и находя их законными, постановляет свое решение»²⁸.

Поскольку обычное право донских казаков допускало существование различных вариантов установления и осуществления опеки и попечительства над малолетними и несовершеннолетними детьми, то и судебные споры о привлечении опекунов и иных лиц к ответственности за нарушение имущественных прав опекаемых носили самый разнообразный характер.

Например, мать-вдова, оставшись после смерти мужа одна с кучей малолетних и несовершеннолетних детей, могла вступить во второй брак. При этом она имела право или принять нового мужа к себе во двор, или перейти вместе с детьми и своим имуществом жить к мужу, или же уйти к новому мужу одна, оставив своих детей у родственников.

«Мать моя Акулина, пишет в своей жалобе казак Самохин, вышла замуж за казака Рубцева, а меня оставила у бабки. Отчим, казак Рубцев, склонял меня перейти к нему жить и обещал справиться меня на службу, женить и унаследовать по бумаге. Бабка дала мне животных, — девять штук рогатого скота, одну пару волов, десять овец и лошадь, которых я перегнал к отчиму. Он без моего ведома продал моих пару волов и три рогатые скотины, а деньги забрал себе. Через это я отошел на особое жительство (то есть отделился от него. — С.К.).

По этой жалобе станичный суд нашел Рубцева виновным и принявши в соображение двухлетнюю работу Самохина в доме Рубцева постановил: так как Рубцев пользовался Самохиным как работником, то не мог ничего продавать и удерживать на его свадьбу деньги, а должен все возратить полностью, кроме того возратить часть из пригнанного матерью имения и дать хлеба на целую зиму»²⁹.

В другом случае мать-вдова приняла к себе во двор второго мужа, который со временем приобрел полные права на управление и распоряжение имуществом семьи как хозяин и убедил мать отказаться от двух ее сыновей, но при этом оставил их без полагающихся им по обычному праву паев.

«Старший сын казак Сафонов подал жалобу станичному суду. Мать его объявила суду: “Логвина (старшего сына. — С.К.) то я наградил, не посмотрела на то, что он ушел самовольно, дала ему четыре овцы, корову трех лет, лошадь с повозкой, хлеба двадцать мер пшеницы, восемь копен жита, пять мешков проса, тридцать копен сена и десять возов соломы, а теперь, как вижу, этим он не доволен и домогается продать дом, а кроме его есть еще брат, который тоже требует попечения.

Логвин же через раздел заводит со мной постоянное буйство, поднимает на меня руки и называет с..., это то уж мне не в перенос”.

Станичный суд постановил: препроводить обе жалобы на рассмотрение и на раздел имения выборным и первенствующим старикам хутора, в котором они живут. Приказный хутора, три выборных и семнадцать почтенных стариков доносят суду: «Мы склоняли их к разделу, чтобы дать третью часть Логвину, а две трети оставить матери и младшему сыну, но отчим Логвина урядник Ничипоров объясняет, что дом этот им недавно куплен и если Логвин сплотится, то тогда он примет его на часть. Нам же известно, что вся движимость и дом приобретены отцом Логвина и если был у них дом за этот дом двести тридцать пять рублей, то они его уплотили по продаже скот из общего имения, и как мы не можем миролюбиво свести их на мир в разделе упомянутого дома и имения, то и предствалюем на благоразбирательство согласно закона в станичный суд».

Суд решил: «все имение разделить на три равные части и дать по части матери, Логвину и Григорию, выделенную же часть малолетнего Григория отдать по описи под опекуновское распоряжение его родному дяде до совершеннолетия, которому и объявить чрез станичное правление со взятием подписки за целостным блюдением имущества Григория»³⁰.

Имеющийся у нас материал свидетельствует о том, что станичные суды при разрешении споров о привлечении к ответственности по обычному праву опекунов и иных лиц, нарушавших имущественные права сирот и круглых сирот, в большинстве случаев, не только точно определяли виновных лиц и в полном объеме исследовали все доказательства по данным делам, но и в обязательном порядке учитывали общественную оценку личности заявителя и ответчика, а также иные заслуживающие внимания обстоятельства, которые на момент разрешения указанных споров были урегулированы нормами обычного права.

«Два брата жаловались суду на то, что казак Казьма Силичев, за которого пошла мать их, ведет не трезвую жизнь и часто буйствует и тиранит их мать; они просят станичный суд приказать Силичеву возвратить им имущество, переданное ему при поступлении их к нему в дом. В подобных случаях сироты еще могут получить свое добро»³¹.

«Так родной дядя взял на воспитание сироту, племянницу, с небольшим добром из движимого и с деньгами тридцать рублей, доставшимися ей за выделом части ее матери, ушедшей за второго мужа.

Проживши до четырнадцати лет у дяди, племянница после небольшого наказания ушла к матери, в дом отчима.

Через год мать с дочерью вызвали дядю в станичный суд, чтобы получить тридцать рублей. На суде дядя обещал возратить племяннице деньги через несколько времени — и именно весной, почему суд решил взыскать с него деньги весной, но время прошло, а деньги он не уплатил, тем и кончилась жалоба сироты-племянницы»³².

Полагаем, что последний пример не может опровергнуть наше утверждение о субъектах ответственности по обычному праву у донских казаков, поскольку, скорее всего, данное дело вряд ли можно считать оконченным. Знатоки донского казачьего быта зачастую не имели реальной возможности проследить дальнейшую судьбу многих подобных судебных споров и, в связи с этим, делали неправильные выводы, имевшие обобщающий характер.

«В случае ветхости имения старики решают продать его, в некоторых случаях продают и скот, деньги, вырученные за проданное имение, отдают до возраста сирот на хранение воспитателю или же в посторонние благонадежные руки. Эти деньги очень часто расходуются торговыми людьми и жалобы со стороны сирот кончаются ничем, но бывают протесты и при другом порядке (при хранении имущества опекуном в натуре. — С.К.) и тоже без пользы для сирот»³³.

Конечно, не следует идеализировать обычное право донских казаков, которое, в силу отмеченного ранее механизма действия его норм, всегда было коллизионным правом, с присущими ему положительными и отрицательными чертами. Справедливости ради следует сказать о том, что знатоки донского казачьего быта косвенно указывали на эту особенность норм обычного права у донских казаков, но при этом преувеличивали значение коллизионности при разрешении данных споров.

«Хорошо если обе стороны подчинены одному суду, а бывает так, что стороны разных станиц и подчинены всяк своему суду, поэтому дело длится долго и годы проходят в переписке, а имущество растрачивается»³⁴.

Подобные формализм, казуистика, волокита и медлительность в рассмотрении и разрешении судебных споров были характерны для тех случаев, когда станичные суды руководствовались нормами не обычного права, а официального законодательства.

На эту особенность во второй половине XIX в. обращали внимание и знатоки донского казачьего быта. «Чувствовать власть закона им приходится постоянно. Вот, например, один из многих случаев этого столкновения закона с действительностью. Присланы были из полка деньги, вырученные от продажи имущества одного казака, отпущенного по болезни домой и здесь через два месяца умершего. Покойный оставил старуху-мать и молодую жену, которая после его смерти ушла к своим родителям. Станичное правление намеревалось передать присланные деньги (70 руб. с копейками) матери покойного, так как ей пришлось делать затраты на сына, сперва при поступлении его в военную службу, и затем на похороны его, но боясь, чтобы не “нагорело” от окружного управления, решило “спроситься”, кому передать присланные деньги, причем сообщало, что кроме матери ближайшими наследницами были жена покойного и два брата, жившие “в отделе”.

Окружное управление распорядилось, чтобы деньги были разделены на основании такой-то статьи X тома, и матери покойника не

приходилось из них ни копейки. Конечно, братья и жена умершего отдали полученные деньги бедной старухе, и в результате премудрого распоряжения окружного управления было лишь то, что атаману пришлось немалое время покорпеть над дробями, которые вошли в деление присланных рублей и копеек.

Вот такие-то и подобные распоряжения лишают самостоятельности и станичный суд. Из страха перед законом, из опасения проштрафиться, судьи стараются примениться к требованиям начальства и, оставив без внимания обычай, стремятся обосновать решения хоть какой-нибудь «35 статьей», вовсе не объясняющей дела»³⁵.

После этого совершенно очевидной становится первоначальная позиция станичного атамана, которую он впоследствии изменил в деле о защите имущественных прав сироты.

Возникает вполне закономерный вопрос о том, попадали ли в число виновных лиц помимо опекунов, воспитателей, родственников, соседей и иных лиц сами станичные атаманы, когда они своими неправомерными, с точки зрения норм обычного права, действиями нарушали имущественные права сирот? Если попадали, то какую ответственность они несли за указанные действия?

Так, например, в Сиротинской станице атаман В. вместо денег выдал матери сироты расписку в сто рублей. Пошла она в станичный суд, но и суд не мог ей помочь, так как хотя он и присудил взыскать их с атамана, но кто же будет с него их взыскивать, когда атаман сам приводит решение станичного суда в исполнение»³⁶. Таким образом, в соответствии с нормами обычного права, станичные атаманы могли быть привлечены к имущественной ответственности наравне с другими членами донских казачьих общин. Однако это могло случиться только после прекращения их властных полномочий по окончании срока службы или досрочно.

«Выручаемые с покупателей денги причисляются к сумме, полученной из полка за имение умершего отца сирот и находятся, вместе с последними, за неимением опекунов, в непосредственном распоряжении станичных правителей, которыми (эти деньги. — С.К.) раздаются, для приращения жителям станицы (в том числе и гражданам, занимающимся торговлей. — С.К.) в ссуду за проценты.

Не без греха при запутанности дел бывали иные правители, в виду своих интересов зачастую пользовавшиеся этой запутанностью; в особенности в прежнее время такие правители подвергались взысканию по смене своей, если только открывались их нечестные действия по сиротским делам и даже продавалось их (станичных атаманов. — С.К.) имение с публичных торгов на удовлетворение обиженных ими сирот»³⁷.

Таким образом, процесс изменения норм обычного права у донских казаков никогда не был прямолинейным и примитивно простым, каким его, к сожалению, иногда старались представить некоторые авторы, изучавшие жизнь донских казаков во второй половине XIX века. Главную, определяющую роль в этом процессе, по нашему мнению, играла донская казачья община, а не станичное правление во главе с атаманом. Именно она устанавливала основные права, обязанности и ответственность опекунов, а также осуществляла постоянный прямой или косвенный контроль над ними.

Примечания

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда и Правительства Волгоградской области в рамках научно исследовательского проекта «Обычное право донских казаков во второй половине XIX века. Регулирование семейных и наследственных отношений» — проект № 13-13-34007 а/В.

1. Государственный архив Ростовской области (ГА РО), ф. 338, оп. 2, д. 1093, л. 7—7об.
2. Там же, ф. 338, оп. 2, д. 677, л. 11—11об.
3. ХАРУЗИН М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону. Материалы для обычного права. М. 1885, вып. 1, с. 254—255.
4. ГРАЖДАНИН. О сиротском достоянии в станицах. — Донская газета. 1875, № 88.
5. СТАНИЧНИК. Заметка о беспорядках в юртовых довольствиях. — Там же, № 73.
6. Станица Пятиизбянская (2-го Донского округа). — Приазовский край. 1900, № 180.
7. КАМЕННОВ В. Из Распопинской станицы. — Донские областные ведомости. 1874, № 18.
8. ПОНОМАРЁВ С. Этнографические очерки Луганской станицы. Семейные и имущественные отношения. — Донские областные ведомости. 1876, № 55.
9. НИКУЛИН П. Народные юридические обычаи донских казаков 2-го округа. — Донская газета. 1875, № 84.
10. ПОНОМАРЁВ С. Ук. соч., — Донские областные ведомости. 1876, № 55.
11. ХАРУЗИН М.Н. Ук. соч., с. 246.
12. Хутор Сенявка. — Донские областные ведомости. 1875, № 44.
13. ТИМОЩЕНКОВ И. Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы. В кн.: Труды Областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск. 1874, вып. 2, с. 149—150.
14. ХАРУЗИН М.Н. Ук. соч., с. 254.
15. ТИМОЩЕНКОВ И. Ук. соч., с. 175.
16. ГА РО, ф. 338, оп. 4, д. 274, л. 31—31об.
17. НИКУЛИН П. Ук. соч. — Донская газета. 1876, № 41.
18. ХАРУЗИН М.Н. Ук. соч., с. 255.
19. ТИМОЩЕНКОВ И. Ук. соч., с. 175.
20. НИКУЛИН П. Ук. соч. — Донская газета. 1876, № 41.
21. ГА РО, ф. 338, оп. 3, д. 1080, л. 18.
22. НИКУЛИН П. Ук. соч. — Донская газета. 1876, № 41.
23. Там же, № 40.
24. Там же, № 41.
25. Там же, № 43.
26. Там же, № 41.
27. Там же.
28. Там же, № 43.
29. Там же, № 45.
30. Там же.
31. Там же, № 41.
32. Там же.
33. Там же.
34. Там же, № 43.
35. КРЮКОВ Ф. Казачьи станичные суды. [fedor-krjukov.narod.ru / PUBLICIST_DO_1917/Kazachii_sudi.htm](http://fedor-krjukov.narod.ru/PUBLICIST_DO_1917/Kazachii_sudi.htm).
36. НИКУЛИН П. Ук. соч. — Донская газета. 1876, № 41.
37. ГРАЖДАНИН. Ук. соч.

Реформы 1860-х гг. на оружейном и железоделательном заводах Ижевска

Т.А. Васина

Аннотация. В статье на примере оружейного и железоделательного заводов Ижевска проанализирован процесс реформирования положения рабочих военного ведомства в 1860-х годах. Рассмотрены права и привилегии мастеровых и непременных работников в дореформенное время, этапы составления проектных документов, особенности реализации отмены обязательного труда. Был сделан вывод, что преобразования, происходившие в заводском поселке, привели к кардинальным изменениям в различных областях жизни рабочих оружейного и металлургического производств: трансформировались личные, гражданские и имущественные права мастеровых и непременных работников, система управления, уклад.

Ключевые слова: Великие реформы, отмена крепостного права, Ижевский завод, освобождение рабочих от обязательного труда.

Abstract. The author analyzed the process of reforming of workers' rights of the military establishment in the 1860s. for example the Izhevsk arms and ironworks. Rights and privileges of artisans and auxiliary workers in the pre-reform period, stages of creation of project documents, specifics of the implementation of the abolition of compulsory labor were investigated. It was concluded that the transformations that took place in the factory village, led to fundamental changes in various spheres of life of workers of weapons and metallurgical industries: transformed the personal, civil and property rights of artisans and auxiliary workers, the system of self-governing, mode of life.

Key words: Great Reforms, abolition of serfdom, the Izhevsk factory, emancipation of the workers from compulsory labor.

Реформы 1860-х гг. были одним из значимых этапов в истории России. Решение крестьянского вопроса явилось переломным моментом, обозначившим основные пути развития страны во второй половине XIX — начале XX века. «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» и манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта» от 19 февраля 1861 г. положили начало отмене крепостного права. Одновременно были

Васина Татьяна Анатольевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. E-mail: tatjasch@mail.ru.

Vasina Tatiyana A. — candidate of historical sciences, senior researcher at the Udmurt Institute of the history, language and literature. UrD of RAS. E-mail: tatjasch@mail.ru.

утверждены «Дополнительные правила о приписанных к частным горным заводам людях ведомства Министерства финансов», которые ликвидировали крепостную зависимость на вотчинных и посессионных горных заводах и промыслах, а 8 марта 1861 г. издано «Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов», освободившее рабочих государственных предприятий. Далее последовала отмена обязательного труда «нижних и рабочих чинов» военного ведомства, прежде всего мастеровых оружейных заводов, включая Ижевский.

В дореформенный период оружейники находились на особом положении. По свидетельству современников, они «составляют особый класс, освобожденный от всех государственных повинностей и считающийся на службе государственной. Всегдашние заводские поселяне, вместе со своими потомками, они могут быть удалены с завода разве только за дурное поведение»¹. Мастеровые фактически были прикреплены к заводу (состояли в обязательных отношениях) и не могли выбрать иной род деятельности (промыслы и торговля, как правило, существовали лишь в виде удовлетворения домашней потребности). В то же время работа на казенном предприятии давала ряд привилегий, в первую очередь — освобождение от податей, хотя и сохранялись некоторые повинности: подводная, квартирная, дорожная и магазинный сбор — для непременных (вспомогательных) работников; квартирная, дорожная и денежный сбор на обеспечение народного продовольствия в случае неурожая — для мастеровых (последний на Ижевском заводе был введен в 1835 г. и равнялся 15 коп. в год с человека; к началу 1866 г. сумма достигла 8603 руб. 31,5 коп.)². Подводная повинность представляла собой транспортирование чиновников по делам службы, арестантов, припасов; квартирная — предоставление жилья вновь прибывшим рекрутам, полковым ученикам, нижним чинам артиллерийских и других рот; дорожная — содержание дорог, мостов и улиц в заводском поселке; магазинный сбор — поступление зерна с общественных запасек (в округе Ижевского завода было выделено 513 дес.) в склады («магазины») при селениях непременных работников.

Рабочие находились на обеспечении государства: помимо жалования им полагался провиант (ржаная мука), покосы, дрова и строевой лес из заводской дачи, медицинская помощь в госпитале, обучение детей в заводских школах. Прослужив «беспорочно» 25 лет, оружейники получали награду (пенсию), которая в случае их смерти оставалась вдовам. Неспособным к работе мастеровым, бедным вдовам и сиротам из богадельной суммы выдавалось содержание (1—2 пуда муки в месяц, в зависимости от семейного положения). К началу 1866 г. в Ижевске получали награду за 25-летний стаж — 1011 чел., пенсии — 803 вдовы, содержание — 277 вдов и сирот³.

Общество мастеровых и оружейников Ижевских оружейного и железодельного заводов имело собственный капитал — экономическую «оружейничью» сумму. Она формировалась за счет однопроцентных вычетов из заработной платы, процентов с предоставленных ссуд, пожертвований артиллерийского департамента, денег от продажи железа (с 1829 г. рабочим предоставлялось 25 тыс. пудов железа для собственных изделий, но по приговору общества железо не разда-

валось по рукам, а продавалось по «вольной цене» ⁴), прибыли от кирпичного, свечного и питейных заведений. К 1 июля 1860 г. сумма составляла 53 946 руб. 70,5 копеек ⁵. Из средств общественного капитала оплачивались долги мастеровых перед заводом за брак, выдавались ссуды на постройку и ремонт домов, жалование певчим, учителям, вахтерам, строились колодцы, мосты и тротуары и т.д.

В целом привилегии ижевских оружейников в предреформенное десятилетие (1850—1860 гг.), по подсчетам командира завода А.А. Коростовцева, стоили казне до 95 969 руб. в год (не считая расходов на госпиталь). Сюда входили: выдача амуниции и амуничных денег детям мужского пола (в среднем 32 175 руб. в год), отпуск лесных материалов (до 7047 руб.), награды и пенсии (до 22 704 руб.), ежегодная награда за усердие в службе (500 руб.), доход от продажи железа (4266 руб.) и отсутствие налогового бремени. Если бы мастеровые относились к податным сословиям, как, например, мещане уездного города Сарапула, то это обходилось бы им в 29 277 руб. в год: подати — до 21 529 руб. (по 3 руб. 15,5 коп. с ревизской души), квартирная повинность — до 3038 руб. (из расчета 7 руб. за содержание одного солдата), рекрутская повинность — 4710 руб. (денежный взнос в размере 300 руб. за рекрута) ⁶.

Последовавшая реформа повлекла за собой существенные изменения в положении «нижних и рабочих чинов» оборонного предприятия.

В 1860 г. в Санкт-Петербурге начала действовать «Комиссия для начертания нового положения о заводских оружейниках и рабочих». В ее состав вошли представители штаба генерала-фельдцейхмейстера и артиллерийского департамента, инспектор оружейных заводов, командиры заводов — Ижевского, Сестрорецкого, Тульского оружейных и Охтенского (Охтинского) порохового ⁷. Комиссия собрала и проанализировала статистические данные о заводских землях и лесах, количестве рабочих, расценках на труд, объемах экономической «оружейничьей» суммы и т.д. В частности, от А.А. Коростовцева были затребованы сведения о привилегиях ижевских оружейников, поскольку «с увольнением оружейников и мастеровых завода от обязательного труда и причислением их к податному состоянию они должны будут лишиться всех их льгот, какими в настоящее время пользуются по званию казенных мастеровых и, кроме того, на них будут наложены все повинности, каким подвергается свободное сословие ремесленного городского состояния, в которое предполагается их перечислить...» ⁸

К 1862 г. был составлен проект «Положения для населения казенных оружейных и Райволовского чугуноплавильного завода» ⁹, подписанный членами комиссии во главе с председателем, инспектором оружейных заводов А.Г. Игнатьевым. Документ включал 3 раздела (114 параграфов): об оружейниках и мастеровых; о непрременных работниках Ижевского завода; об отношениях заводского начальства и вольнонаемных рабочих. Образцом для него послужило «Положение о горнозаводском населении...» от 8 марта 1861 года. Рассматривались следующие вопросы: гражданские права «нижних и рабочих чинов», общественное управление (порядок учреждения обществ, выбор должностных лиц, их обязанности), земельные наделы, подати и повинности, переходные меры.

По этому проекту планировалось оружейников, мастеровых, непременных работников, а также инженеров-технологов и людей унтер-офицерского звания «навсегда» освободить от обязательного труда в течение двух лет и сформировать в заводских поселках городское либо сельское общественное управление. Населению крупных промышленных центров (Тула, Ижевск), по замыслу комиссии, предоставлялись права ремесленного городского состояния, жителям небольших населенных пунктов (Сестрорецк, Райвола), а также ижевским непременным работникам — права сельских обывателей.

Освобождаемые рабочие безвозмездно получали в собственность лишь усадьбы (дворы с огородами, жилыми и хозяйственными постройками), а пашни, покосы и выгоны должны были находиться в пользовании общества с платой поземельной подати в пользу завода. Устанавливались предполагаемые размеры наделов: для городских обществ — 1 дес., для сельских — не менее 5 дес. на ревизскую душу.

Бывшие мастеровые и непременные работники, кроме вышедших в отставку или имевших 20-летний стаж, облагались всеми государственными, земскими и общественными денежными и натуральными повинностями. Поступившим на работу по новым правилам — свободному найму — прекращались назначение пенсий и выдача дарового провианта, строевой лес и дрова разрешалось отпускать только за попенные деньги по цене заводского начальства, но сохранялось право на медицинскую помощь при лазарете и обучение детей в школе. Для нужд престарелых, увечных и больных планировалось учредить вспомогательную кассу.

Для изучения проекта, внесения правок и составления собственных положений на местах работали специальные комиссии. Так, Управление инспектора оружейных заводов в письме к командиру Ижевского завода Д.С. Фролову от 11 июля 1862 г. сообщило о Высочайшем разрешении создать в Туле и Ижеве комиссии из представителей трех министерств: военного (его задача — решение вопросов освобождения рабочих и определения их прав за службу), внутренних дел и государственных имуществ (их функции — разработка правил будущего общественного устройства)¹⁰.

В «Комиссии об устройстве быта оружейников и рабочих людей Ижевского завода» Министерство внутренних дел представлял мировой посредник 2-го участка Сарапульского уезда Вятской губернии, Министерство государственных имуществ — член Вятской палаты государственных имуществ, Военное министерство — чиновник для особых поручений, штаб генерала-фельдцейхмейстера — заводской бухгалтер; от правления завода был назначен производитель дел¹¹.

Ижевская комиссия действовала до 22 марта 1863 г.¹² и к этому времени реализовала следующие задачи. Во-первых, затребовала у заводского правления заключение о правомерности применения к оружейникам «Положения о горнозаводском населении...» Правление, в свою очередь, на протяжении 1862—1863 гг. обращалось с запросами в главную контору Камско-Воткинского завода с просьбами осветить процесс реформирования в горном ведомстве (объемы повинностей, изменение быта мастеровых, оформление коренных условий освобождения, отношения рабочих и заводоуправления, расценки труда по вольному найму и т.д.)¹³.

Во-вторых, изучалась статистическая информация, которую комиссия запросила у командира завода, его помощника по искусственной части, землемера, полицмейстера и т.д. Особое внимание было уделено земельному вопросу, в частности, отмечено отсутствие пахотной земли у мастеровых, уточнены размеры покосов (чиновникам и нижним чинам принадлежало 306 дес. 2203 саж., мастеровым — 6755 дес. 1984 саж. ¹⁴), выявлено, что небольшая часть мастеровых, поступивших на предприятие рекрутским набором, до сих пор не наделена покосами, а непременные работники, напротив, почти все уже владели участками пахотной и сенокосной земли в размере 8 дес. на душу. Комиссия, опираясь на мнение заводского правления, сочла возможным наделить аналогичными участками и мастеровых, предоставив для этого отдаленные дачи — Селтинскую в Малмыжском уезде Вятской губернии, Бурановскую, Сретенскую и Ильинскую — в Сарапульском ¹⁵.

В-третьих, был проведен опрос освобождаемого населения о его нуждах и желаниях. По распоряжению Д.С. Фролова от 29 сентября 1862 г., общество оружейников и мастеровых избрало по три человека от каждой артели и по одному — от кричного и поторжного цехов. Общество непременных работников в октябре 1862 г. тоже назначило доверенных лиц, всего 128 чел. (старшины Забегаловского и Завьяловского отделений и их помощники, по 4 человека от сел, по 1—3 представителя деревень и починков). Выборные просили установить надел в размере 8 дес. на душу, освободить от платежа податей непременных работников, прослуживших 15 лет, оставить им казенных лошадей с упряжью, разрешить вырубку леса без взыскания попенных денег, не назначать арендную плату за владение мельницами ¹⁶.

На основе полученных данных комиссией был разработан проект «Положения об устройстве быта оружейников и рабочих людей Ижевского оружейного завода» ¹⁷. Документ, состоявший из 6 глав, рассматривал права рабочих (личные, гражданские и имущественные), общественное и поземельное устройство, подати и повинности, новый порядок поступления на службу, уделял внимание организации заводского товарищества и попечительного приказа, работе школ и больницы.

Декларировалось увольнение «нижних и рабочих чинов» Ижевского завода (оружейников, браковщиков, мастеровых, учеников, непременных работников, а также чертежников, полицейских и фурштатских служителей, лесничих и сторожей) от обязательной службы на правах свободных сельских или городских (по желанию) обывателей. Двухлетний переходный период делился на три этапа: сроки освобождения были привязаны к трудовому стажу (25 лет, 15—25 лет, прочие). Комиссия признавала, что более справедливым явилось бы одновременное увольнение рабочих, но специфика общественного уклада местного населения «требует некоторого постепенного приговления его к новому роду жизни» ¹⁸. Инженерам-технологам сохранялись их сословные права, а нижние чины унтер-офицерского звания (кондукторы, вахтеры, писари, счетчики, фельдшеры, лекарские и аптекарские ученики) приравнивались к канцелярским служителям 3-го разряда.

В документе были прописаны новые условия труда на предприятии: свободный наем с заключением договора на срок не более трех

лет, оформление расчетной книжки, создание заводского товарищества и вспомогательной кассы с функциями социальной защиты. Все заводские служащие делились на мастеровых (наличие технических знаний и определенных навыков) и рабочих (вспомогательная деятельность).

Согласно проекту, оружейники теряли почти все свои привилегии: пенсии сохранялись только успевшим выйти в отставку, а денежные пособия — престарелым, увечным и сиротам младше 16 лет; прекращались выдача провианта и бесплатный отпуск дров и строевого леса. В то же время планировалось списать долги мастеровых перед заводом, которые к 1 января 1863 г. составляли уже 42 235 руб. 77 копеек¹⁹. Спустя 5 льготных лет бывшие заводские люди (кроме мастеровых с 20-летним и нижних чинов с 15-летним стажем, а также отставных) облагались всеми податями и повинностями, как и городские и сельские обыватели.

В рабочем поселке и его округе предусматривалось создание общественного управления (обществ из мастеровых и непрременных работников), подведомственного губернским и уездным учреждениям. Население выводилось из-под юрисдикции военного суда и подлежало действию общих гражданских и уголовных законов; заводское начальство сохраняло право надзора за общественным порядком.

По-прежнему документ предоставлял рабочим безвозмездно в собственность лишь усадьбы, а водопои и выгоны оставались в пользовании обществ. Предполагаемый размер пахотной и сенокосной земли, по сравнению с проектом «Положения для населения казенных оружейных и Райволовского чугуноплавильного завода», был увеличен до 8 дес. на ревизскую душу.

Решение земельного вопроса комиссия считала ключевой задачей будущей реформы. В объяснительной записке²⁰ к проекту указывалось, что «при освобождении ижевских населений от обязательного труда... предполагаемое устройство их в среде свободных сельских обществ... может совершиться правильно и прочно не иначе, как только при равномерном и равноправном наделе их, как пахотную, так и сенокосную землю, с правом пользоваться лесом в определенной мере, и некоторыми другими пособиями, для устройства их в новом быту»²¹. По мнению комиссии, «Дополнительные правила...» от 19 февраля 1861 г. в первую очередь защищали интересы владельцев частных горных заводов, а «Положение о горнозаводском населении...» не давало кадрам казенных предприятий «необходимого для предположенного устройства их в сельском быте права на поземельную собственность: одни (мастеровые. — *Т.В.*) остались без надела, а другие (урочные работники. — *Т.В.*) при прежнем владении землею, но уже за оброчную заводу плату». Соответственно, если по такому же принципу освобождать ижевских рабочих, то оружейники и мастеровые окажутся в худших условиях, по сравнению с непрременными работниками: «Освобождение их от обязательного труда, без надела землею, не дает им средства устроиться в сельском быте: ремесло их, при условиях вольного найма и при строгом экономическом расчете на заводе рабочих сил, не будет уже обеспечивать, как прежде, всех их существования; промышленности для их частных изделий здесь вовсе не существует, следовательно, каждому из этого полезного класса людей, по духу горнозаводского положения, предоставля-

ются одни только лишения: не быть принятым на завод, или работать не по свободному, а по вынужденному условию; не получать уже более дарового провианта и амуниционных денег на малолетков... сверх того, платить государственные и общественные подати и нести повинности. Очевидно, что для прочного обеспечения будущего существования этих людей, по самому естественному чувству справедливости, представляется необходимым устроить их землевладельческую оседлость, которая соответствовала бы назначению их в среду свободных сельских обывателей и... уравнила бы их в правах надела с непрременными работниками...»²²

Кроме того, комиссия отвергла пункты положения от 8 марта 1861 г. об оброчной поземельной плате в пользу заводоуправления²³. С ее точки зрения, государственные и общественные подати и повинности должны поступать по прямому своему назначению, а любой налог в казну предприятия «будет уже парализовать даруемую свободу, изменяя один только вид прежней зависимости»²⁴.

Итоговый документ после обсуждения его в Главном комитете об устройстве сельского состояния и рассмотрения общим собранием Государственного Совета был утвержден императором 22 ноября 1866 г. под названием «Положение о перечислении в гражданское ведомство приписанных к Ижевскому оружейному заводу людей»²⁵. Окончательный вариант предусматривал увольнение мастеровых, оружейников и непрменных работников лишь на правах свободных сельских (но не городских) обывателей. Впрочем, разрешалась приписка к иным сельским и городским обществам. Исчезли пункты о поэтапном освобождении рабочих и служащих и о привилегиях нижних чинов, выслуживших 15-летний срок (нижним чинам, в зависимости от рода деятельности, гарантировались права канцелярских служителей либо зачисление периода занятости на заводе в действительную службу). Свобода от государственных и земских податей и повинностей предоставлялась рабочим с 20-летним трудовым стажем (считая с 18-летнего возраста), а также отставным, престарелым, немощным и увечным. Остальным давался льготный налоговый период: мастеровым — на 6 лет, непрменным работникам — на 3 года.

Была подтверждена сохранность наград, пенсий и пособий — для тех, кто их получал до вступления нового положения в силу. Объявлялось о создании в заводском поселке и округе сельских обществ, в собственность которых поступали капиталы (продовольственный, взаимного страхования домов, экономическая сумма) и заведения (салотопенный и кирпичный заводы, питейные дома, богадельня, запасные магазины, мельницы, школы). По-прежнему домохозяевам безвозмездно передавались только усадьбы, права на них удостоверялись «данными» грамотами. В общественной собственности оставались водопой, выгоны, покосы мастеровых, лесные участки. Непременным работникам за оброчную подать предоставлялись пахотные и сенокосные земли. Аналогичный надел в размере 8 дес. (эта цифра включала и усадьбу, и покос, и пашню) по желанию могли получить и оружейники; как правило, участки располагались вдали от завода, поэтому положение от 22 ноября 1866 г. предусматривало переселение уволенных мастеровых на земли Министерства государственных имуществ. Заводскому начальству поручалось составление уставных грамот. В

целом реализация реформы была возложена на два ведомства — Военное министерство и Министерство внутренних дел.

Обнародование «Положения о перечислении...» состоялось 15 января 1867 г. (зачитано мастерам, оружейникам и представителям от селений непрременных работников в заводских православных и единовременных храмах и мечети после богослужения) ²⁶.

В первую очередь Министерству внутренних дел пришлось решать вопрос о включении заводских обывателей «в заведывание мировых учреждений». Предписанием министра от 13 февраля 1867 г. рабочий поселок был передан в ведение губернского начальства. В марте Вятским губернским правлением обсуждалось предложение губернатора причислить жителей промышленного центра к ближайшему (2-му) стану Сарапульского уезда, то есть подчинить общей уездной полиции. Поскольку в этом случае население стана увеличивалось до 107 тыс. душ, предлагалось перевести квартиру становой пристава из Сарапула на Ижевский завод, назначить ему помощника для разбора просьб и жалоб бывших оружейников, а сарапульскому полицейскому управлению было предписано распорядиться о выборе местных сотских и десятских ²⁷.

Прежде всего, губернскую администрацию беспокоила проблема поддержания в Ижевске общественного порядка, тем более, что по новому положению завод сохранял полицейскую власть над уволенными оружейниками, мастерами и непрременными работниками только до образования обществ. В частности, вятский губернатор Н.В. Компанейщиков «имел основательные опасения, что по этому поводу произойдут там беспорядки и замешательства; но их не последовало», в том числе, благодаря профессионализму мирового посредника В.Я. Чайковского, который своевременно организовал волостные правления. «Сам генерал Игнатъев, с которым я случайно въехал; военные чины, управляющие различными отраслями завода и все посторонние лица, там проживающие... свидетельствуют, что в этой местности никогда не было такого порядка и такой тишины при значительном составе прежней заводской полиции» ²⁸, — писал губернатор министру внутренних дел 1 сентября 1867 года.

Нагорная и Заречная волости Ижевского завода были созданы 28 мая 1867 года. В состав каждого волостного правления входили старшина, помощник, трое волостных судей и кандидат; должностные лица освобождались от заводских обязанностей. Всего в двух волостях значилось 11 сельских обществ. В округе волостные правления были открыты 29 и 31 мая 1867 г. (Юскинская и Завьяловская волости соответственно). От заводоуправления были приняты все необходимые дела (ревизские сказки, сведения о количестве земли и т.д.) и капиталы (экономическая «оружейничья» сумма наличными, кредитными билетами, долгами, провиантом, инструментами и прочим оборудованием в размере 89 462 руб. 93 $\frac{7}{8}$ коп.; экономическая сумма непрременных работников — 4068 руб. 26 $\frac{1}{4}$ коп., а также ремонтная сумма, счета для оплаты вольнонаемных лиц при госпитале, для закупки канцтоваров и положенные в Государственный банк для получения процентов деньги — 48 685 руб. 68 $\frac{1}{4}$ коп.) ²⁹.

Следует отметить, что реализация реформы сопровождалась рядом трудностей, нередко возникали спорные вопросы по тому или

иному пункту «Положения о перечислении...». Недовольны были рабочие, не успевшие к моменту увольнения выслужить 25 лет для получения пенсии или 20 лет для освобождения от податей и повинностей (некоторые трудились еще подростками, а стаж считался только с 18 лет). В.П. Безобразов, изучив в 1867 г. состояние металлургии Вятской губернии, пришел к выводу, что первое время заводское население не могло приспособиться к новым условиям, и особый страх вызвала потеря дарового провианта³⁰. Сама «Комиссия об устройстве быта оружейников и рабочих людей Ижевского завода» «не могла однако ж не заметить, что все вообще ижевское население не охотно расстается с своим обычным... существованием. При простоте своих нравов, свойственных всем вообще изолированным обществам, оно робко ступает на новый, неведомый ему путь, требующий от него и таких обязанностей и такой зависимости, о которых оно не имеет еще правильно образовавшегося понятия»³¹.

Депутатами от общества ижевских оружейников было подано прошение о расширении своих прав, введенных положением 22 ноября 1866 г., но 30 апреля 1867 г. император повелел «просьбу эту оставить без последствий». В 1869—1870 гг. группа сельских обывателей, бывших мастеровых, обратилась к инспектору оружейных заводов и военному министру, ходатайствуя об освобождении от податей и повинностей. Поскольку эти рабочие поступили на производство из крестьян Тверской губернии рекрутским набором 1848 г., то срок их службы был засчитан с того времени, а не с 18-летнего возраста (то есть к 15 января 1867 г. они не успели выслужить 20 лет и по истечении льготного периода должны были бы выплачивать налоги). Тем не менее, военное ведомство, соблюдая букву закона, решило дело не в их пользу³².

Нижние чины Ижевского завода тоже фактически находились на положении сельских обывателей: если не поступили на гражданскую службу канцелярскими служителями 3-го разряда, не имели почетного гражданства, не достигли офицерского или классного чина, то спустя 6 льготных лет облагались податями и повинностями³³. Впрочем, писари и чертежники с 19-летним трудовым стажем, по мнению заводоуправления, на основании Высочайшего повеления от 17 мая 1877 г. могли приобретать права отставных нижних чинов³⁴.

Наибольшими затруднениями сопровождалась реализация поземельного устройства бывших оружейников, мастеровых и непременных работников. Вся тяжесть работ по размежеванию земель и составлению планов легла на заводского землемера, помощник был предоставлен ему лишь в конце сентября 1867 г., в зимнее время работы не проводились, и в итоге составление уставных грамот по каждому селению непременных работников и предоставление пашен желавшим переселиться мастеровым существенно затянулись.

В рапорте к хозяйственному отделению Ижевского завода от 10 июня 1867 г. надворный советник П.З. Лятушевич и землемер П.Р. Ганнеман указали на недостаток свободных земель. По их расчетам, для наделения 9457 душ требовалось 75 656 десятин земли. Но, если исключить из этого числа уже находившиеся в пользовании оружейников 800 дес. усадеб и 8000 дес. покосов, 2104 дес. оброчных пахотных и сенокосных полей, которые стали выдаваться мастеровым в надел в

1867 г., а также 3 тыс. дес. лесосеков, покрытых порослью моложе 15 лет, и Селтинскую лесную дачу в 35,5 тыс. дес., то удобных для хлебопашества участков оставалось не более 26,3 тыс. десятин ³⁵.

Вятский губернатор докладывал Министерству внутренних дел, что к сентябрю 1867 г. на усадьбы уже начали выдаваться «данные», но затягивание процесса нарезки наделов оставит обывателей без средств к существованию, особенно в условиях, когда арендатор завода планирует сократить число рабочих. К ноябрю того же года было отведено только 5296 дес. участков (на 662 души) в 20 местах заводской дачи. Пашни выделялись бывшим мастеровым в 10—60 верстах от промышленного центра, и по причине переселения они были вынуждены продавать свои усадьбы с жилыми и хозяйственными постройками и отказываться от личных покосов в пользу общества ³⁶. Против этой практики, предусматривавшей необходимость перемежевания и путаницу, выступил мировой посредник 6-го участка Сарапульского уезда И. Ларионов. Одновременно он разъяснил землемеру, отвечая на его вопросы, что дети оружейников, родившиеся после 15 января 1867 г., уже не имеют права на надел, и, напротив, за умершими сохраняется земельная норма, поскольку подати и повинности числятся на них до следующей ревизии ³⁷.

Отсутствие земледельческих навыков нередко становилось причиной отказа рабочих от пахотных участков. Например, сельские обыватели Нагорной волости В. Шестаков и Л. Тарасов в 1868 г. получили заросший лесом надел в Старковском дровосеке, «по неопытности их к земледелию» не смогли его разработать и за 4 года пришли к «крайнему разорению», не имея возможности заплатить подать. В 1872 г. они просили у Ганнемана другой участок — в Якшур-Бодьинской волости Сарапульского уезда, но получили отказ (по мнению землемера, обыватели не справились с обработкой земли «по нерадению») ³⁸.

Помимо пашен, на основании 829-й статьи Устава лесного Свода законов Российской империи и «Инструкций для устройства лесов крестьянского надела в губерниях Великороссийских, Малороссийских и Новороссийских» сельским обществам отводился лес из расчета 2 дес. на душу. В Ижевском заводе особенность ситуации заключалась в том, что лесные дачи по Высочайшему повелению от 6 июля 1866 г. должны были поступить в ведение Министерства государственных имуществ. В связи с этим, министерству 25 февраля 1868 г. через Вятское губернское по крестьянским делам присутствие был направлен проект поземельного устройства уволенных оружейников, составленный хозяйственным отделением завода. Согласно этому документу, в 1868 г. насчитывалось 2633 желавших получить пахотный надел, и, учитывая недостаток земли, заводская администрация посчитала возможным нарезать участки в лесных дачах Сарапульского, Елабужского и Малмыжского уездов, удаленных от рабочего поселка на 45—70 верст, имевших неправильную форму, окруженных селениями государственных крестьян и потому не представлявших для казны большого интереса. В ожидании резолюции по проекту хозяйственное отделение самостоятельно решило передать в надел мастеровым оброчные казенные поляны. Ответ последовал только в 1872 г.: в письме к хозяйственному отделению от 22 декабря Мини-

стерство государственных имуществ нашло проект соответствующим интересам и обывателей, и казны ³⁹.

К началу 1871 г. было составлено 40 уставных грамот по каждому селению бывших непрременных работников (и оставалось еще 13, несмотря на то, что 3-летний льготный период уже завершился). К ноябрю 1872 г. непрременные работники (7027 душ м.п.) получили земли: пахотно-сенокосной с лесом — 53 267 дес. 1632 саж., усадебной и выгонной — 2889 дес. 2360 саж.; бывшим оружейникам и мастеровым (9457 душ) было выделено 63 743 дес. 1744 саж., в том числе пахотный надел (5968 дес.) предоставлен всего 746 чел. (7,9 %), остальные 8711 душ владели усадебной, выгонной и сенокосной землей в размере 11 902 дес. 656 саженей ⁴⁰.

В 1873 г. землемер выявил ошибки в именном списке принявших надел сельских обывателей: некоторые отказались от пашен, поэтому в Нагорной волости пахотные участки имели 298 душ, в Заречной — 437. Таким образом, 735 душ м.п. в 33 местах заводского округа получили 5880 дес. (в том числе усадьбы и покосы — 148 дес. 2041 саж., лес — 1609 дес. 454 саж.). Наделение землей продолжалось: например, летом 1873 г. взяли участки 202 чел., и на осень осталось еще 36 заявок. Тем не менее, к моменту окончания 6-летнего льготного налогового периода поземельное устройство бывших мастеровых оставалось незавершенным. К ноябрю 1873 г. из общего количества земель в размере 65 141 дес. (оброчные казенные поляны, дровосечные места и лесные дачи), которые планировалось предоставить уволенным оружейникам по проекту поземельного устройства 1868 г., остались невозобнованными 57 645 дес. (в основном территория лесных дач) ⁴¹.

К маю 1875 г. завершилась выдача «данных» на усадьбы в Нагорной волости, а в Заречной оставалось оформить еще около 100 свидетельств на право собственности. К лету 1875 г. оружейники и мастеровые Ижевского завода (всего 961 душа м.п.) получили в Сарапульском, Елабужском и Малмыжском уездах 7688 дес. наделов, а непрременные работники (7233 души) — 54 191 десятину ⁴².

В целом можно констатировать, что положение от 22 ноября 1866 г. явилось ключевым событием в истории Ижевского завода. Преобразования, происходившие в военном ведомстве, привели к кардинальным изменениям в различных областях жизни рабочих оружейного и металлургического производств: трансформировались личные, гражданские и имущественные права мастеровых и непрременных работников, система управления, уклад. Оружейники, ранее фактически прикрепленные к заводу, получили возможность выбирать род деятельности. Введение свободного найма, появление в документах пунктов о взаимоотношениях заводоуправления и вольнонаемных рабочих заложили основу фабрично-заводского законодательства. В то же время реформирование осуществлялось медленно (проекты до своего одобрения проходили несколько инстанций) и сопровождалось рядом сложностей. Отмена обязательного труда и перевод населения промышленного центра в гражданское ведомство совпали с административными реорганизациями. По Высочайше утвержденному 9 октября 1865 г. положению Военного Совета, Ижевские оружейный и железоделательный заводы были переданы в арендно-коммерческое управление; вместо заводского правления на основании «Положения о

хозяйственных отделений при оружейных заводах» от 17 сентября 1866 г. было создано хозяйственное отделение ⁴³. Деятельность первых арендаторов, Д.С. Фролова и М. Стандертшельда, сопровождалась некоторыми неудачами: в связи с перевооружением армии за 5 лет им трижды пришлось перепрофилировать производство, а оружейникам — приобретать новые навыки. В этот период наблюдалась убыль мастеровых в связи с их переселением из поселка в поисках пропитания и работы ⁴⁴. По сравнению с первоначальными проектами, приписать ижевское население к городским обществам не удалось, бывшие оружейники и неперемные работники получили статус сельских обывателей и сельское самоуправление. Государство взяло курс на экономию и отказалось от прежнего полного обеспечения рабочих (выдачи провианта и сохранения других привилегий и налоговых льгот). Заводские работники получили в собственность только усадьбы, а процесс наделения пахотными участками и составления уставных грамот существенно затянулся и не был полностью реализован к окончанию льготного периода. Кроме того, оружейники не спешили менять привычный уклад, по-прежнему предпочитая труд на предприятии земледелию; желание получить пашни выразили не более 10 % мастеровых (поскольку основная масса рабочих не имела земледельческих навыков, а наделы предлагались в основном заросшие лесом и удаленные от завода). Тем не менее, реформы 1860-х гг. и отмена обязательного труда стали катализатором многих качественных изменений, произошедших в промышленном центре во второй половине XIX — начале XX в., реорганизация оружейной отрасли коснулась разных сфер жизни заводского общества (индустрии, управления, структуры населения, положения рабочих, общественных институтов и т.д.).

Примечания

Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН и УрО РАН, проект № 15-13-6-6.

1. Описание существующего в Вятской губернии Ижевского казенного оружейного завода. — Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1841, № 6, с. 20.
2. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР), ф. 4, оп. 1, д. 1661, л. 31об.
3. Там же, л. 30об.—31.
4. Описание существующего в Вятской губернии..., с. 20—23.
5. ЦГА УР, ф. 4, оп. 1, д. 1282, л. 56—57.
6. Там же, л. 109—110.
7. Там же, л. 7—10.
8. Там же, л. 74—74об.
9. Там же, д. 1382, л. 12—45.
10. Там же, л. 1—2.
11. Там же, л. 4об.—5, 9.
12. Там же, л. 229.
13. Там же, л. 62, 95—95об.
14. Там же, л. 85.
15. Там же, л. 65—66, 77—80.
16. Там же, л. 49об.—50; д. 1402, л. 4—8, 10—11.
17. Там же, д. 1382, л. 263—271.

18. Там же, л. 274.
19. Там же, л. 275об.
20. Там же, л. 271об.—276об.
21. Там же, л. 271об.
22. Там же, л. 272, 273.
23. Там же, л. 277—281об.
24. Там же, л. 274.
25. Там же, д. 1756, л. 136об.—137об.
26. Там же, л. 23—24.
27. Там же, л. 169—170об.
28. Там же, д. 1902, л. 81—82.
29. Там же, д. 1756, л. 271—271об.; д. 1902, л. 25—25об.; д. 1904, л. 5, 21—22.
30. См.: ГОЛУБЕВ П.А. Двухсотлетие русской горной промышленности. В кн.: Материалы по изучению Пермского края. Пермь. 1904, с. 41.
31. ЦГА УР, ф. 4, оп. 1, д. 1382, л. 274—274об.
32. Там же, д. 1756, л. 203, 701—701об., 703—704об., 758—758об., 761—764.
33. Там же, л. 1161—1165об., 1175—1176об.
34. Там же, л. 1204об.
35. Там же, д. 1902, л. 41—41об., 698—700об.
36. Там же, л. 82об.—83об., 86—88, 136—137об., 221—222об.
37. Там же, л. 144—145об.
38. Там же, л. 614—615.
39. Там же, л. 698—700об., 756—759, 630—631об., 756—759.
40. Там же, л. 345—345об., 694—695об.
41. Там же, л. 976—977об., 993—997, 1048—1049об., 1132—1135.
42. Там же, д. 2271, л. 7—7об., л. 26—29об., 96—97.
43. Там же, д. 1756, л. 24—24об.
44. Там же, д. 2034, л. 102—107об.

Системы правосудия в областях Северного Приуралья в XVI—XVII вв.

В.А. Воропанов

Аннотация. В XVI—XVII вв. судебно-правовая политика российской верховной власти была направлена на успешную адаптацию и интеграцию областей Северного Приуралья — Вятской земли, Перми Вычегодской и Перми Великой, а также Печоры, в состав государства. С момента присоединения областей Северного Приуралья к России их население находилось в специальной подсудности центральных судов, а с конца XVI в. — Новгородской четверти. В областях Северного Приуралья ограниченно, но постоянно присутствовали прямые представители верховной власти — наместники, приказные люди, воеводы, осуществлявшие функции правосудия и контроль над деятельностью органов общественного управления. Должностные лица общественного управления — городовые приказчики, земские старосты, судьи и судейки, целовальники — участвовали в деятельности по осуществлению правосудия в соответствии с местными правовыми традициями, санкционированными верховной властью.

Ключевые слова: Российское государство, право, суд, правосудие, государственное управление, общественное управление.

Abstract. In XVI—XVII centuries the judicial and legal policy of the Russian Supreme power was directed on successful adaptation and integration of areas of Northern Ural — the Vyatka earth, Vychehodskaya Perm and Perm the Great, Pechora, in structure of the state. From the moment of accession of Northern Ural areas to Russia their population was in special jurisdiction of the central courts, from the end of the XVI century — the Novgorodskaya chetvert'. In areas of Northern Ural limited, but constantly there were direct representatives of the Supreme power — namestniki, prikaznye lyudi, voevody who were carrying out functions of justice and control over activity of public administration bodies. Officials of public administration — gorodovye prikazchiki, zemskie starosty, sud'i i sudeyki, tseloval'niki — participated in activities for implementation of justice according to the local legal traditions authorized by the Supreme power.

Key words: Russian State, law, court, justice, state administration, public administration.

Изучение вопросов организации правосудия в XV—XVIII вв. позволяет приблизиться к пониманию путей укрепления государства в отдельных областях России. Ранние этапы развития систем правосудия

Воропанов Виталий Александрович — кандидат исторических наук, доцент Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: vvoropanov@yandex.ru.

Voropanov Vitaliy A. — candidate of historical sciences, associate professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch. E-mail: vvoropanov@yandex.ru.

на периферии, включая области Северного Приуралья — Вятскую землю, Пермь Вычегодскую и Великую, а также Печору, относятся к числу малоизученных.

В XV—XVI вв. в Московском великом княжестве создавалась система органов центрального и местного управления, основанная на династической и религиозной лояльности подданных. Единая организация Русской Православной церкви не только облегчала подчинение русских государственных образований с разными формами правления, а также областей политически и экономически с ними связанных, но и обеспечивала установление однородности населения посредством обращения иноверцев и язычников в христианство, подменяя значение их этнической принадлежности конфессиональной.

Центральное управление вновь присоединенными областями монарх поручал боярам и окольным, дворецким, казначеям и дьякам, местную администрацию представляли наместники, волостели, тиуны, дворецкие, данщики, слободчики, городовые приказчики и другие должностные лица. До середины XV в. местный орган церковного управления — епископ Пермский (Пермский и Великопермский) играл исключительную роль в организации государственного управления на территории Перми Вычегодской, формально продолжавшей принадлежать Великому Новгороду¹. Слабость институциональной связи верховной власти с населением были призваны компенсировать органы и должностные лица общественного самоуправления. Жалованная грамота, выданная жителям Перми Вычегодской около 1484 г., возбращала наместникам — представителям местной династии вымских и пермских князей — замещать по своей воле должности волостных сотников².

В свою очередь Вятская земля, лишенная политической самостоятельности, приняла государевых наместников, отказавшись от ряда традиционных должностных лиц, находясь в разное время в ведении дворецких, казначеев и дьяков, и поступила под руководство митрополита, утратив церковную автономию³. В целях усиления контроля над Вятской Украиной в 1462 г. Иван III испоместил в Каринском стане Кара-бека, выходца из Мангытского юрта, ставшего родоначальником династии местных мурз — «князей»⁴. В 1502 и 1505 гг. прекратилось наследственное управление в Перми Вычегодской и Великой. Деятельность епископов Великопермских способствовала замирению и культурному сближению народов восточной окраины Руси⁵.

Государственная территория складывалась путем развития системы административно-территориального устройства: в Вятской земле сложились Хлыновский, Котельнический, Орловский и Слободской уезды, в Перми Великой — Чердынский и Усольский, делившиеся на волости, погосты, станы. Область Перми Вычегодской, распавшейся на ряд самостоятельных территорий — земель и волостей — к середине XVI в. именовалась Вычегодским или Вымским уездом. Печорский край вошел в состав обособленной Пустозерской волости, куда был переведен в качестве наместника князь Ф.В. Вымский⁶.

Укреплению и развитию государственности, централизации управления способствовали меры правовой унификации. Судебные прерогативы как неотъемлемая часть полномочий государевых слуг, что отразилось в родстве понятий «судить» и «управить», «управа» и «пра-

восудие», являлись существенным источником их дополнительных доходов. Рассматривая правосудие как важнейшую функцию государства, в 1497 г. законодатель закрепил в Судебнике право на его осуществление в высшей инстанции за боярами и окольными с обязательным участием дьяков (ст. 1, 16), а также ведомственный характер подсудности подданных (ст. 2) и исключительные прерогативы высших должностных лиц в сфере уголовной юрисдикции (ст. 8). Судебник 1550 г. зафиксировал практику работы в качестве суда высшей инстанции дворецких, казначеев и дьяков великого князя (ст. 1) ⁷, сложившуюся в первой половине XVI века. Статьи Судебника 1497 г., регулировавшие компетенцию органов местного управления, зафиксировали два разряда кормлений — с правом и без права боярского суда. Наместники и волостели второго разряда, лишённые права выносить решения по делам об уголовных преступлениях и связанным с правовым положением холопов, соблюдали порядок «доклада» членам Боярской думы (ст. 18, 20). На объём власти кормленщиков влияло географическое положение провинций: наместники на периферии — в северо-западных, западных и приуральских уездах, в отличие от Замосковского края пользовались расширенными судебными полномочиями, в том числе в отношении иммунитетов — служилых людей, наделённых жалованными несудимыми грамотами.

Произвол наместников и волостей были призваны ограничить уставные грамоты, выдававшиеся отдельным областям и общинам, и предусматривавшие, в частности, наряду с включением в систему кормлений судебных функций деятельность в наместничьих судах мирских представителей — авторитетных лиц, выразителей обычного права, гарантов правосудия. Статья 38 Судебника 1497 г. зафиксировала обязательное участие в суде наместника или волостеля высшего ранга не только дворецкого («дворского»), но и представителей мирской организации — старосты и других выборных лиц — «лучших людей» ⁸. В свою очередь уставную грамоту вместе с назначением наместника монарх выдал жителям Перми Великой ⁹. Около 1549 г. уставной грамотой был закреплён порядок осуществления правосудия волостелями с участием представителей населения в Перми Вычегодской — «жалованная грамота вычегжаном, вымичем, и удорены и сысолены и всей Пермские земли людем прежние пермские суды и грамоты не посуживати, а судити пермские люди по новой уставной грамоте по царевой» ¹⁰.

В первой половине XVI в. роль кормленщиков в системе местного управления переоценивалась. Необходимость противодействия уголовной преступности потребовала от верховной власти развивать сотрудничество с местными общинами. После 1533 г. в целях более эффективной реализации уголовно-процессуальных функций дела о тяжких преступлениях («разбойные» и «татёбные») стали индивидуально передаваться специальным окружным органам — губным избам. В числе первых в 1540 г. губная грамота была вручена жителям вятского города Слободского, в 1542 г. — всех центров Вятской земли («в Хлынов, и в Слободу, и в Карино, и в Котельнич, и на посады и в станы и в волости, князем и детем боярским и всем служилым людем, и старостам, и сотцким, и десятцким, и всем христьяном моим великого князя, и помещиковым, и манастырским, и черным борт-

ником, и рыболовом, и всем без отмены чей кто ни будет»), управомоченным избирать по 3—4 головы для каждого стана и волости («земских людей добрых... которые бы грамоте умели и которые пригожи»), придавая им в помощь мирских должностных лиц — старост и десятских, а также по 5—6 обывателей — «лучших людей и хрестьян». Надзор над деятельностью губных органов был поручен большому дворецкому боярину князю И.И. Кубенскому с дьяком М. Путятиным¹¹.

Ограничение власти кормленщиков фиксировалось жалованными несудимыми грамотами в качестве привилегии, данной отдельным вотчинникам и помещикам, посадским, крестьянским и туземным общинам. В Вятской земле возобновлялись привилегии служилых татар. Так, грамота, выданная 20 июля 1548 г. семье мурз («Мурсейтовых детей») закрепила за ними не только права на земельные владения, но и подсудность их жителей — татар, удмуртов и чувашей («велел ведати и судити... беляков, вотяков и чувашу»)¹². Схожие права предусматривала грамота мурзам от 20 января 1556 года. При этом сами вятские помещики, как уже было отмечено, в отличие от иных находились в подсудности не столичных судей, а хлыновского наместника¹³.

В связи с прекращением миссии служилых татар в Вятской земле в 1588 г. царь удовлетворил прошение каринских и верхочепецких удмуртов, ликвидировав их зависимость от иммунистов («от каринских мурз судом и всяким доходом... отвел») и установил подсудность уполномоченным столичным органам («по свозным по прежним грамотам во всяких делах, опричь разбоя и татбы с поличным Каринских и Верхочепецких отяков никому ни в чем судить не велено, а кому будет до них какое дело, и их к ответу ставить на Москве одна в год на срок на стретьеньев день»)¹⁴.

В 1546 г. великий князь восстановил действие грамоты, выданной жителям нового вятского городка Шестакова, но отнятой слободским наместником князем Д.Д. Ухтомским. Документ продлил на 5 лет освобождение местных крестьян от выплаты налогов, но оставил их в подсудности наместника («во всяких делех на поруки и под суд даваться»), установив особые льготы для лиц, вновь пришедших в городок: 10-летнюю отсрочку в налогообложении и подсудность органу слободской администрации во всех делах за исключением тяжких преступлений («наместницы наши Слободские и их пошлинники тех людей, которые садились после Хомяковы описи и которые ныне учнут садитесь на лесех, не судят их ни в чем, опрячь душегубства и татбы с поличным, и по кабалам на них денег не правят, и кормов своих у них не емлют, ни всылают к ним ни по что; а праветчики и доводчики поборов своих на них не берут, ни въезжают к ним ни по что, до тех их урочных лет, а ведает и судит тех крестьян их слободчик, кого себе в слободчики выберут»)¹⁵.

25 февраля 1557 г. царь поощрил за крещение удмуртов Сырьянской волости Слободского уезда, освободив их от выплаты налогов и установив подсудность выборным должностным лицам — слободчикам — на 3 года («и наместницы наши Вятские, и Слободские волостели, и их тыуны, не судят их ни в чем, опричь душегубства и татбы и разбоя с поличным, и не всылают к ним ни по что а праведчики и доведчики поборов своих на них не берут и не въезжают к ним ни по что; а кому будет де них каково дело, ино их судят слободчики Ивашко

Бакулев да Федка Филипов безошлинно, а приставов наших дают их же товарище вотяков новокрещенных») ¹⁶.

Судебник, принятый в 1550 г., сузил права кормленщиков в общегосударственном масштабе, требуя передачи всех решений по уголовным делам в центральные суды (ст. 71), повсеместно исключив из их юрисдикции детей боярских («опричь душегубства и татьбы и разбоя с поличным») (ст. 64), а также сохранив за наместниками с боярским судом только право выдачи документов о приобретении холопов — «полных» и «докладных» грамот, предписав отсылать в столицу решения о статусе зависимых лиц — «беглые» и «правые» грамоты (ст. 63). Статьи 62 и 68 предусматривали повсеместное присутствие в судах наместников, волостелей и их тиунов, представителей дворцовой администрации и мирских организаций — «дворских», волостных старост и целовальников. Документ с решением наместничьего суда следовало составлять «земскому дьяку» и подписывать судебным представителям. Его копия с печатью наместника выдавалась членам коллегии для хранения («оне ево дръжат у собя спору для»).

Наконец, дела о хищениях — «разбое» и «татьбе» — Судебник закрепил в подсудности губных органов в лице старост из детей боярских и целовальников, представлявших крестьянский «мир» (ст. 60).

В 1551—1556 гг. началась отмена кормлений в общегосударственном масштабе. Обязанности наместников и волостелей перешли к новым органам местного управления, преимущественно — губной и земской администрации. Выборная служба населения приобрела обязательный характер. Обновленная организация правосудия соответствовала административно-территориальным, социально-экономическим, историко-культурным особенностям областей. По традиции индивидуально устанавливались структура местных органов управления, их функции, состав коллегий, территориальная и предметная подсудность. Правосудие осуществляли как органы земской администрации, чьи старосты именовались судьями ¹⁷, так и земские суды в составе судей или судеек, старост (земских, судецких, церковных) и целовальников, в свою очередь нагруженные индивидуальным объемом обязанностей ¹⁸.

В 1555 г. власть волостелей перешла к земским должностным лицам в Перми Вычегодской: «повеле князь великий Иван Васильевич на Перми Вычегоцкие волостелем не быти, а волостелины доходы пооброчить деньгами, а в волостех учинити судеек, целовальников, сотеников, пятидесяцких и десятских по излюбю и им управачинити и волостные доходы взимати; волостелиным тиуном и доводчиком и приставом не быти ж, по тому их судят свои судейки излюбленные по уставной грамоте по царевой» ¹⁹. Тем не менее, уставная грамота, наделившая Ужгицкую волость около 1559 г. правом самостоятельного управления местными делами и, соответственно, неподсудностью «судейкам сысолским», сообщает о присутствии в центре Вымского уезда «приказных людей», имевших дворы «на посадех и в волостех».

Тогда же, около 1556 г., уставная грамота была выдана Лузской Пермце — восточной волости Усольского уезда, граничившей на западе с Ужгой. Между тем, в Великом Устюге еще находился наместник, в Соли Вычегодской — «приказные люди». Лузцы были, соот-

ветственно, освобождены от участия в расходах на строительство и ремонт судебных помещений в центре уезда («и у Соли на посаде с Усолцы приказных людей дворов и судебни не делают, потому что у них в Луцкой Пермце суд свой и судебни земские»). Кандидатов на должности в земском суде — судеек, целовальников и дьяка, следовало избирать открыто с участием представителей всех социальных групп, «которых лутчие и середние и молодчие люди и всякие пашенные люди излюбят, а не семьями и не заговором», документы подписывать избирателям и священникам, приводить к присяге — земскому старосте. Суду разрешалось самостоятельно возмещать временную нехватку членов коллегии, соблюдая при отборе «кадров» объективные критерии, выбирая тех, «которые б были добры и душою прямы, а исцом бы и ответчиком не во племяни а не в свойстве, и дружбы и недружбы никакие меж ими не было ж для того, чтоб вперед всякие люди исцы и ответчики на судьях поклепов не искали»²⁰.

В то же время в городах Вятской земли наместники продержались до начала 1580-х годов²¹. 2 июня 1580 г. царь адресовал грамоту о построении Успенского монастыря и наделении его земельными владениями земским судьям, а также низшим должностным лицам и всем жителям области — «выборным судьям Якову Носкову да Якову Телятникову с товарищи, и старостам и целовальником и всем земским людям». Однако источник уже от 7 июня 1582 г. назвал в качестве руководителя «областной администрации» городского приказчика. Должности земских и судецких старост и целовальников в Хлынове заместили представители его «лутчих людей», включая упомянутого бывшего выборного судью Якова Носкова²². Схожие земские администрации были образованы в вятских «пригородах» — Котельниче, Орлове, Слободском²³.

Уставная грамота, выданная жителям Перми Великой взамен утраченной при пожаре в 1553 г., подтвердила ограничение власти наместника — «без целовальников и без старосты и без лутчих людей суда не судить» — а также их право на свободный выбор судебных представителей («кто им люб»). В то же время великопермский наместник сохранил широкие прерогативы в сфере осуществления правосудия по уголовным делам. Наместника в Чердыни сменил воевода, и царская грамота от августа 1592 г. адресовалась уже «приказному человеку» Салтану Чаплину и вместе с ним выборным властям — «пермским посадским людям». Грамота предусматривала постоянное пребывание представителя центральной власти в крае. Великопермские воеводы не уступали в родовитости прежним наместникам. Мирские организации в Чердынском и Соликамском уездах возглавляли земские старосты, в Кайгородском — земский судья²⁴.

Крупнейшими земельными собственниками и иммунистами в Пермском крае во второй половине XVI в. сделались промышленники Строгановы: жалованные грамоты 1558—1568 гг. закрепили их право самостоятельно осуществлять правосудие в отношении населения вотчины («ведает и судит... своих слобожан, сам, во всем», «опроче душегубства и татьбы и розбоя с поличным»). Примечательно, что грамота на имя Я.А. Строганова не упоминает об ограничении его юрисдикции: «наши пермские наместники, и их тиуны и доводчики, и все приказные люди, в Перми Якова и его людей и его слобо-

ды крестьян на поруки их не дают и не судят их ни в каких делах». Приказные власти семьи Строгановых разместились в центрах 4 округов, разделивших ее владения: Орле-городке, слободах Чусовой, Сылве и Яйве ²⁵.

Преобразования системы местного управления обусловили развитие центрального аппарата управления. Обвинения служилых людей в совершении государственных преступлений разбирал главный военно-административный орган — Разрядный приказ. Руководство и надзор над деятельностью органов губной администрации сосредоточились в Разбойном приказе, утверждавшем лиц в должностях и разрабатывавшем для них инструкции ²⁶. С начала 1580-х гг. представители служилых сословий пользовались исключительной привилегией судиться в специализированных органах. Судные приказы отчасти дублировали функции Разбойного, Поместного и Холопьяго суда приказов. Вопрос о разделении территориальной подсудности между Судными и Разрядным приказами остается малоизученным. Подсудность лиц привилегированных сословий, несших службу в областях Северного Приуралья, неизвестна.

Отмена кормлений повлекла за собой учреждение в столице особых органов, занятых сбором налогов с определенных территорий, — «четвертей», наделенных специальной подсудностью ²⁷. Вятская земля, Пермь Великая, Пустозерский уезд, причисленные к «Поморью» ²⁸, и Сибирь в 1570-х гг. поступили в юрисдикцию четверти, порученной судье Посольского приказа дьяку А.Я. Щелкалову вплоть до его отставки с государевой службы в 1594 году. В феврале 1595 г. области Поморья и Северного Приуралья были переданы в компетенцию чети дьяков И.А. Нармацкого и П.Д. Лодыгина — «Новой». Очередную реорганизацию четвертей и смену их руководства Борис Годунов осуществил в сентябре 1599 года. Новую четь сменила Новгородская (она же Нижегородская) во главе с представителем уже более высокого чина Боярской думы — окольничим М.М. Салтыковым, а также дьяками И. Вахромеевым и Б.И. Змеевым ²⁹.

Строительство аппарата центрального управления обуславливалось не только увеличением государственных функций, но и особенностями правового положения отдельных областей: наряду с областями бывших Астраханского и Казанского ханств, Башкирии в юрисдикцию Приказа Казанского и Мещерского дворца вошло «Вятское Понизовье», в городах которого (Уржуме, Царевосанчурске, Яранске) разместились воеводы.

После преодоления последствий «Смуты» система центральных судов в виде приказов получила дальнейшее развитие. Монарх санкционировал их предметную и территориальную подсудность ³⁰. Тяжкие уголовные преступления («ташины и разбойные и убивственные дела») и дела с обвинениями должностных лиц губного управления находились в ведении Разбойного и Земского приказов ³¹. Продолжались традиции осуществления центральными судами территориальной юрисдикции. Четвертные приказы наряду с работой в качестве судов как второй, так и первой инстанции исполняли функции надзора и судебного управления, утверждая лиц на должности местных «судей», разрешая проблемы судебной практики и споры о подсудности, о чем, в частности, сообщают документы, опубликованные в 1909 г. А.И. Яковлевым ³².

Юрисдикционные функции в отношении населения Вятской земли и Перми Великой исполняла Новгородская четверть (в конце XVII в. — Новгородский приказ) ³³. Уже в 1615 г. в ее аппарате трудились 2—3 дьяка и 17 подьячих ³⁴, делившиеся между повытьями, наделенными территориальной компетенцией ³⁵. Тогда же в составе Новгородской четверти функционировало специализированное подразделение — Судный стол ³⁶.

Именным указом от 29 января 1680 г. Новгородскому приказу был поручен надзор за соблюдением судебными органами, действовавшими на подведомственной ему территории, сроков производств по уголовным делам и правил содержания лиц под стражей, прием отчетов — «статейных списков» — и взыскание с виновных пени «по сту рублей на человеке» ³⁷. На основании результатов предварительного расследования приказ принимал решения по уголовным делам как, например, в случае предоставления в 1689 г. права соликамскому воеводе назначить наказание группе рецидивистов ³⁸. Новгородской четверти принадлежала исключительная роль в разбирательстве крупных конфликтов, возникавших между местными общинами как, например, в 1635 г. в связи с присвоением чердынцами и соликамцами 300 подводных лошадей, взятых воеводами и подчиненными им служилыми людьми в Кайгороде ³⁹.

Статус приказа зависел от индивидуальных полномочий его начальника — «судьи» — и мог быть изменен в связи с переподчинением его в качестве «присуда». К концу XVII в. процесс укрупнения центральных государственных органов ускорился. В свою очередь, именной указ от 22 мая 1680 г. объединил под руководством боярина И.М. Милославского приказы Новгородский и Большого прихода, Владимирскую и Галицкую четверти («судом и всякими расправами и воеводскими отпуски ведать»). В то же время продолжалась практика передачи «судных» дел из приказа в приказ в случае отвода судей истцами или ответчиками ⁴⁰.

«Смута» вызвала закономерное усиление представительства в системе местного управления органов приказной администрации: в 1606 г. воевода был назначен в Яренск, превращенный в административный центр Вымского края, тогда же в Хлынове распоряжались «приказные люди» ⁴¹. По окончании гражданской войны Разрядный приказ по согласованию с Новгородской четвертью стал назначать в Вятскую землю воеводу, в Пермь Великую — двух воевод. В 1627—1636 гг. в самостоятельное воеводство выделялись Слободской и Шестаков. В 1636 г. во власть одного воеводы были переданы Соликамский и Чердынский уезды, его постоянная резиденция переместилась в Соликамск.

Развитие системы органов приказной администрации обуславливали смешение населения и необходимость налаживания регулярного вмешательства в отношения его различных групп: в 1616 г. верховная власть ответила на сообщение уфимского воеводы требованием к великопермскому воеводе предотвращать нападения пермичей на башкир ⁴². В связи с протестами местных жителей в 1660-х гг. воевода стал посылаться в Кунгур, отделенный от Соликамского воеводства. Новый Кунгур был выстроен в 17 верстах от старого города, сожженного в ходе вооруженного конфликта ⁴³.

Состав местной администрации зависел от статуса города и статуса лица, замещавшего руководящую должность. Так, Новгородский приказ разъяснил порядок назначения лиц на должности в Хлынове: «Буде на Вятку будут бояре наши и воеводы, и с ними дьяком и подьячим с приписью быть велено; а с иными чинами, кто будет воеводою, кроме бояр наших и воевод, дьяком и подьячим с приписью ныне и впредь никогда быть не указано».

Ряды делопроизводителей в Северном Приуралье пополняли выходцы из посадского, реже крестьянского населения. Так, в Чердыни роль помощников воеводы часто исполняли работники, нанимавшиеся из местных жителей. В 1684 г. вятский воевода выяснил, что 14 из 24 подьячих его приказной избы происходили из семей посадских людей, 10 служителей по требованию столичного приказа были возвращены в старый статус — «в тягло»⁴⁴.

Законодатель подтвердил разделение подсудности дел о тяжких преступлениях между воеводами и губными старостами. Рассмотрению в губных избах подлежали случаи убийств, разбоев и краж. При отсутствии губного старосты воевода обладал всей полнотой юрисдикции⁴⁵. Примирение сторон в делах о разбое и татьбе с поличным было запрещено⁴⁶.

Объем полномочий воеводы в сфере осуществления правосудия зависел от статуса города и состава суда. Участие дьяка позволяло воеводе разбирать крупные иски, однако решения по претензиям на сумму свыше 1000 руб. требовали подтверждения столичных приказов. Единолично воевода рассматривал дела с ценой иска до 20 руб., включая споры населения уездов с приказчиками, крестьянами и холопами всех вотчин и поместий⁴⁷. В 1681 г. церковный Собор передал суду воевод разбирательство дел о расколе⁴⁸. Порядок назначения наказаний за распространение и приверженность расколуочению был обновлен «указными статьями» от 7 апреля 1685 года⁴⁹.

Воеводы вытеснили земские судебные органы на волостной уровень. Организация местных судов продолжала сохранять широкое разнообразие, описанное, в частности, в отношении областей Поморья М.М. Богословским⁵⁰. Население, безусловно, предпочитало земский суд суду воевод и приказчиков, получая поддержку верховной власти⁵¹.

При этом, как заметил Богословский, «воеводская юрисдикция врезалась клином в юрисдикцию земских властей». Воеводы возбуждали производства по всем делам, принимали апелляции на решения земских судеек и выдавали им наказные памяти, устанавливавшие пределы их подсудности. Земские суды проводили предварительное расследование и исполняли решения и предписания воеводского суда⁵². Впрочем, воевода не спешил назначить наказание земскому судейке, привлеченному к уголовной ответственности, оставляя принятие решения на усмотрение столичных судей⁵³.

В свою очередь совокупностью местных факторов и обстоятельств обуславливались структура судебных органов, а также особенности их юрисдикции в областях Северного Приуралья. Территориальная подсудность воеводы устанавливалась в соответствии с местными традициями административно-территориального устройства: в конце XVII в. власть вятского воеводы охватывала пять уездов, соликамского — два. Спорные вопросы юрисдикции начальники уездов решали сугубо

индивидуально. Так, споры между верхотурской и чердынской администрациями за контроль над манси и хантами Сылвенско-Иренского поречья продолжались до 1630-х годов ⁵⁴.

Губные избы отсутствовали как в Поморье, так и в областях Северного Приуралья ⁵⁵. Грамота от мая 1606 г., обновившая регламентацию взимания судебных пошлин, зафиксировала преемственность полномочий великопермского воеводы наместничим: «велено... вам в Перми в Великой, чердынцов и Усоляя Камского и кайгородцов, всяких людей во всяких делех судити и управа меж их чинити» ⁵⁶. Расширенными правами закономерно пользовался пустозерский воевода — «воровским людем за их воровсто чинить наказанье нещадно, смотря по винам, кто чего доведется» ⁵⁷.

В случае командирования в область лиц, уполномоченных вести борьбу с преступностью, столичный приказ не только временно сокращал юрисдикцию воеводы, но и обязывал его оказывать им содействие. Так, царской грамотой от 7 октября 1636 г. из Новгородской четверти чердынский воевода Х.Ф. Рылский был извещен о подчинении его дворянину Я. Загряжскому и подьячему И. Качалову, направленным Разбойным приказом в край с отрядом устюжских стрельцов: «и ты б Якова и подьячего Ивана в татиных и в розбойных делах велел слушати и, для татинья и розбойныя поимки и для татиных и розбойных животов сыску, велел давать, где им по наказу надобно, розсыльщиков, и пушкарей, и затинщиков, и посадских людей и сошных всяких людей, со всяким ратным боем, сколко будет человек пригоже, смотря по тамошнему делу» ⁵⁸. В 1649—1650 гг. в Соликамске работал сыщик М.Б. Бороздин, присланный Приказом сыскных дел.

Аппарат приказной палаты или крупной приказной избы делился на столы, позволяя сосредоточить производства по судебным делам в руках особых подьячих. Однако в Хлынове в 1670-х гг. условная специализация делопроизводителей отсутствовала. В случае их малочисленности как, например, в великопермских городах, где, в частности в Чердыни, в 1646 г. было только 2 подьячих ⁵⁹, она оказывалась вовсе невозможной.

О характере дел, регулярно разбиравшихся воеводой, дают представление отчеты приказных людей как, например, «роспись» подьячего Вятской приказной избы Ивана Свечникова 1676 г.: «Во 182 году сыскных дел в убийстве, и в порче, и в медовой краже, и в воровской подписке, и в краденой лошади, 6 дел вершенных, да в краденых же лошадях и в скверных богомерзких речах и дворовом пожеге и в краже, приводов и роспросов 9 дел невершенных. Во 183 году сыскных дел в татбе, и в росколстве церковном, и в блудном воровстве, и приводов и роспросов в воровстве 5 дел вершенных; да 3 дела невершенных в ножевом резанье, и в продаже табаку, и в воровской подписке. В 184 году сыскных дел в татбе, и в травах, и в воровском приводе 3 дела вершенных; да 3 дела невершенных в воровских медных отбеливаных денгах, и что русские люди живут за тотары, и в приводе воровском роспросы» ⁶⁰.

Под надзором воевод действовали разнообразные суды низшей инстанции. В областях Северного Приуралья сохранялись устойчивые традиции общественного самоуправления и управления. Хлыновскому воеводе подчинялись городские приказчики (городничие), из-

бравшиеся жителями вятских «пригородов» — Котельнича, Орлова, Слободского и Шестакова, удовлетворявшие их потребности в разрешении мелких конфликтов и малоценных исков. Посредством обращения к царю в 1682 г. вятчане настояли на соблюдении их права избирать низших судей: «в городничие велели выбрать тех же городов посадцким и уездным людем из своей братьи из посадцких добрых людей, кого они миром излюбят, потому что вятцкие пригороды от Вятки в дальнем разстоянии и без городничих для всяких дел в тех пригородах быть невозможно, а воеводы наши и приказные люди на Вятке живут в Хлынове, а в пригородах не бывают, а для всяких дел пишут к городничим»⁶¹.

Мирские организации уездов возглавляли земские старосты, продолжавшие исполнять ограниченные судебные функции. Единство Вятской земли выражалось в высоком статусе хлыновского земского старосты, руководившего работой всеуездных собраний и ведшего общеземские дела⁶². В Чердыни избирались посадский и уездный земские старосты⁶³, в Соликамске и Кайгородке, где в начале XVII в. во главе органов земской администрации стояли земские судья и староста «судетцкий»⁶⁴, — уездные⁶⁵. В Кунгуре, основанном усилиями соликамских воевод, в середине XVII в. во главе мирской организации стояли земский староста и земский судейка⁶⁶. Воеводам строго возбранялось вмешиваться в выборы земских должностных лиц⁶⁷.

Структура органов земского (или общественного) управления зависела от социально-экономической активности населения: крестьяне, осваивавшие периферию края, в 1607 г. пожаловались на действия земских властей Кайгорода и добились права на самостоятельное руководство своими делами: царская грамота от 10 марта обязала великопермского воеводу обеспечить обособление общины Зюздинской волости как в организации сборов и выплат налогов в Новгородскую четверть, так и в подсудности низшему суду. «Зюздинского погосту крестьяном в судьи, для их волостного дела, велел vybrати у себя в погосте человека добра, кого они меж себя излюбят и выбор за выборных людей руками дадут, и к крестному целованию его привел, как иных судеек, а кайгородцам в Зюздинский погост ни во что въезжати не велел»⁶⁸. Конфликты кайгородцев с зюздинцами, провоцировавшие вмешательство воеводы, завершились их объединением в одну общину в 1663 году.

В 1638 г. царь удовлетворил просьбу жителей Илвенского и Обвинского станов, пожаловавшихся на действия чердынского воеводы и земской администрации, о включении их с учетом географического расположения общин в состав Соликамского уезда: «и нам бы их пожаловати, велети их от Чердыни приписать к Соли Камской, и велеть бы им в сошном писме и судом их ведать и сибирские отпуски отпускать у Соли Камской с усолцы вместе, а наши денежные доходы по сошному розводу велеть им сбирая привозить к нам к Москве самим, а для денежного сбора и земских дел велеть бы у них быти судейкам, выбирая меж себя по вся годы». Чердынская мирская организация в лице земских старост оспорила их просьбу, сообщив в Москву о важном значении плодородного района для своевременного и полного исполнения ею фискальных обязанностей. Монарх поручил воеводе разобраться в споре населения — «ты б Обвинского и Илвин-

ского стану крестьян с чердынцы, с земским старостою и с посадскими и с уездными людьми, велел поставить перед собою с очей на очи и их допросил: все ль они чердынцы о том нам били челом, чтоб обвинцом и илвинцом быть с ними в тягле по прежнему?»⁶⁹

Письменные производства по делам вели подьячие, которых община избирала или нанимала. В вышеупомянутом споре с воеводой вятчане в свою очередь отстаивали право замещать их должности по своему усмотрению («на Вятке во всех пяти городех, у таможенных и у кабацких наших денежных сборов, и везде, на заставах и у земских дел, без мирских заручных выборов подьячим, по воеводским подписным челобитным, быть никому не велели; а велели у тех наших дел быть подьячим тем, на кого земский староста и мирские люди подадут вам выборы за руками») ⁷⁰.

Монарх обязал разослать во все приказные избы копии Соборного уложения, объявленного основой для судебной деятельности, «чтоб... всяких чинов людем, от большаго до меньшаго чина, суд и росправа была во всяких делех всем равно» ⁷¹. Печатные копии Соборного уложения имелись в Вятской приказной избе. Наказы воеводам фиксировали местную специфику условий осуществления правосудия: смешанный состав подсудного населения и нормативно-правовой плюрализм. В свою очередь, указы пустозерских воевод С. Обьедова и В. Дикова от 10 марта 1647 г. и 9 февраля 1664 г., предписавшие «посадцких и уездных всяких людей ведати и судити во всем и росправа меж ими чинить вправду, по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси крестному целованью, не норовя никому ни в чем», предупреждали о том, чтобы «к самояди, которая живет около Пустозерского острогу, держать ласка и береженье, а жесточить их ни в чем не велети» ⁷².

Требования к уездным судьям, схожие для всех областей, оставались предельно лаконичными. Тем не менее, верховная власть уделяла специальное внимание охране интересов нерусского населения. Прежде всего, регулировалась персональная подсудность представителей определенных этнических групп. Вне судебной власти хлыновской администрации в полном объеме («опричь розбоя и татбы с личным») находились вышеупомянутые каринские и верхочепецкие татары, удмурты и бесермяне ⁷³.

Разбирательство дел осуществлялось с участием специалистов устного перевода — толмачей. В целях сокращения произвола в деятельности приказных людей должность толмача делалась выборной. Доминирование представителей определенной этнической группы не допускалось на основании жалоб населения. Так, по указу от 25 февраля 1683 г. судья Новгородского приказа боярин князь В.В. Голицын распорядился в адрес хлыновского воеводы П.Д. Дорошенко избирать толмачей для производства дел с участием удмуртов только из числа их соплеменников («за них отяков татаром у дел толмачить не велеть, чтоб от того меж ими никаких ссор не было») ⁷⁴.

В Пермском крае продолжали разрастаться вотчины Строгановых ⁷⁵. Их права в сфере осуществления правосудия подтверждали жалованные грамоты как в первой, так и во второй половине XVII в. («посадских людей и деревенских крестьян судити ему самому... или кому прикажет, по прежнему, а наши пермские и сибирские воеводы

и приказные люди и наши пермские наместники и их тиуны его... и людей его, и посадских людей, и крестьян не судят ни в чем, и в его вотчину не въезжают и не посылают не по что, опричь разбоя и татьбы с поличным») ⁷⁶. Грамота 1673 г. установила неподсудность Г.Д. Строганова, а также его родственников и людей его вотчины никаким местным судам, «а где случится быть в отъезде самому или детям его, братьям, или племянникам, или куда пошлет людей своих, крестьян и работников, — то по всем городским боярам, воеводам, дьякам всем приказным людям, ни в чем ни кому не судить; а кому будет до них дело и их судить на Москве, кому он, великий государь, укажет» ⁷⁷. Преступников, задержанных в вотчинах Строгановых, доставляли воеводе ⁷⁸.

Таким образом, становление и развитие государственного аппарата в XV—XVI вв. сопровождалось налаживанием судебной-юрисдикционной деятельности его органов. Отдельные области государства изначально поступали в юрисдикцию особых должностных лиц — бояр, окольничих, дворецких, казначеев, дьяков. Реформирование системы органов центрального управления завершилось установлением в конце XVI в. специальной подсудности населения областей Северного Приуралья, включая Вятскую землю, Пермь Вычегодскую и Великую, Пустозёрскую волость, Новгородской четверти. Специальная подсудность посадских людей и крестьян, проживавших в Северном Приуралье, сохранилась до конца XVII века. Новгородская четверть осуществляла правосудие в качестве суда второй и первой инстанций, а также надзорные функции в отношении местных судов областей, включенных в ее юрисдикцию.

Верховная власть осуществляла опосредованное управление областями Северного Приуралья в период их адаптации в систему государства. С конца XIV в. Пермь Вычегодская находилась под руководством начальника местной церковной организации — епископа Пермского, с середины XV в. Пермь Вычегодская и Пермь Великая подчинялись наместникам великого князя в лице князей коми-пермяцкого происхождения. С превращением Перми Вычегодской во внутреннюю область Руси последний представитель Вымского княжества был назначен воеводой на Крайний Север — в Пустозерск. Вследствие общероссийской реформы руководство в сфере местного управления в областях Северного Приуралья сосредоточилось в руках представителей верховной власти. Волостель покинул Усть-Вым уже в 1555 г., однако в волости Вымского уезда были назначены «приказные люди», востребованные в условиях социально-экономического кризиса, охватившего край. Наместники в городах Вятской земли продержались до начала 1580-х гг., а в Чердыни — до начала 1590-х гг., когда их также сменили «приказные люди» (воеводы), сохранившие полномочия по рассмотрению и разрешению всех уголовных дел. Воевода унаследовал власть наместника и в стратегическом центре Заполярья.

К числу мер, направленных на обеспечение правосудия, относилось включение в состав государственных судов представителей местного населения: одновременно с назначением в начале XVI в. наместников в Пермь Вычегодскую и Пермь Великую законодатель наделил местных жителей правом контролировать рассмотрение и разрешение дел в их судах. Компенсировать ослабление влияния мирских орга-

низаций Вятской земли были призваны губные грамоты, выданные в 1540 и 1542 гг., сведений о реализации которых не выявлено. После проведения реформы местного управления коллегия земских судей в Хлынове не удержала статус областного органа власти, уступив руководство уже в 1582 г. воеводе, ответственному за содействие укреплению безопасности провинций, пограничных с недружественными политическими образованиями. Тем не менее, к концу XVI в. размещение органов приказной администрации в Вятской земле ограничивалось Хлыновым, в Перми Великой — Чердыню. Наряду с воеводами юрисдикцию в отношении мелких уголовных и гражданских дел населения осуществляли органы общественного управления в лице земских судей, судецких старост и целовальников.

В условиях преодоления последствий «Смуты» воевода превратился в центральную фигуру в сфере местного правосудия, преимущественно вытеснив земские суды на волостной уровень. Высшие руководители в периферийных областях, включая Северное Приуралье, традиционно пользовались расширенными полномочиями, исполняя губные функции и пользуясь до 1669 г. исключительным правом применять высшую меру наказания, разбирая крупные имущественные иски. Особенности состава местного населения сказывались при отборе кадров для прохождения подьяческой службы — «приказной работы» в органах администрации — «съезжих избах».

Тем не менее, уезды Северного Приуралья отличали устойчивые традиции общественного самоуправления и управления: во всех уездных центрах Вятской земли и Перми Великой действовали земские суды в лице земских старост или судей и целовальников, в Котельниче, Орлове, Слободском и Шестакове жители избирали городских приказчиков, наделенных ограниченной подсудностью, наконец, выборный характер сохраняли должности подьячих, работавших в различных органах общественного управления.

В условиях необходимости укрепления позиций государства в Пермском Прикамье во второй половине XVI в. верховная власть наделила исключительными правами в сфере управления и правосудия в крае промышленников Строгановых, сохранивших свой особый статус в XVII веке.

В отношении местного населения в условиях сосуществования различных правовых укладов воеводам принадлежало право судейского усмотрения. В то же время, гарантируя эффективное правосудие коренным народам восточных провинций, законодатель подтверждал: бесермяне, татары и удмурты Вятской земли находились в подсудности столичных приказов. Необходимую помощь воеводам при осуществлении правосудия оказывали толмачи. Реагируя на жалобы, грамотой от 25 февраля 1683 г. Новгородский приказ предписал избирать на должности толмачей выходцев из конкретной этнической среды, предупреждая процессуальные нарушения в интересах отдельных общин.

Несмотря на объективное несовершенство законодательства, противодействие организованных групп населения — объединений посадских и уездных людей, а также коренных жителей, — позволяло сдерживать падение качества осуществления правосудия в судах. Воеводы и земские суды успешно разрешали конфликты подданных всех категорий, обеспечивая общественный и правовой порядок на территории Северного Приуралья.

Примечания

1. См.: ДМИТРИЕВ А.А. Пермская старина. Сб. исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. I. Древности бывшей Перми Великой. Пермь. 1889, с. 144—145, 153—156; ШИШОНКО В.Н. Пермская летопись с 1263—1881 гг. Первый период. С 1263—1613 гг. Пермь. 1881, с. 8—12.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. III. М. 1964, № 291а, с. 311.
3. ВЕРЕЩАГИН А.С. Отданные в кормление в XVI в. вятские города. В кн.: Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года. Вып. III. Вятка. 1905, отд. III, с. 79; НИЗОВ В.В. Вятские наместники в первой половине XVI в. В кн.: Вятская земля в прошлом и настоящем (к 125-летию со дня рождения П.Н. Луппова): тезисы докладов и сообщений 2-й научной конференции. Киров. 1992, с. 54—56; СПИЦЫН А.А. Местное и областное управление на Вятке до XVIII века. Вятка. 1888, с. 2—3, 9 и др.
4. НИЗОВ В.В. Родословие арских князей в XVI в. В кн.: Герценка: Вятские записки: Научно-популярный альманах. Киров. 2010, вып. 18, с. 141—147; ЧУРАКОВ В.С. Об обстоятельствах появления каринских арских князей на Вятке. В кн.: Урал — Алтай: через века в будущее. Материалы Всероссийской научной конференции. Уфа. 2005, с. 216—219 и др.
5. ВЕРШИНИН Е.В. И еще раз о великих князьях вымских и великопермских. В кн.: Проблемы истории России. Вып. 3. Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие: Сб. научных трудов. Екатеринбург. 2000, с. 285—305; СЕМЁНОВ О.В. К вопросу о времени вхождения в состав Московского государства Перми Великой. — Известия Уральского гос. университета. 2004, № 31, с. 34—45; ЕГО ЖЕ. Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV — первой половине XVII в. Екатеринбург. 2006, с. 10—20.
6. ДМИТРИЕВ А.А. Ук. соч., с. 133—144; ЖЕРЕБЦОВ И.Л. Административно-территориальное деление Коми края в конце XV — 70-х годах XVI века. В кн.: Музеи и краеведение. Труды Национального музея Республики Коми. Вып. 3. Сыктывкар. 2001, с. 143—151.
7. Судебник 1497 года. Текст. В кн.: Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. М. 1985, с. 54—56; Судебник 1550 года. Текст. Там же, с. 97.
8. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук (ААЭ). Т. I. СПб. 1836, № 123, с. 93; № 143, с. 114; № 144, с. 116; № 150, с. 122; № 181, с. 153; № 183, с. 157; № 201, с. 180.
9. Судебник 1497 г., с. 59.
10. СЕМЁНОВ О.В. Великопермская уставная наместничья грамота 1553 г. В кн.: Проблемы истории России. Вып. 7. Источник и его интерпретации: Сб. научных трудов. Екатеринбург. 2008, с. 295—296.
11. КРОМ М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. М. 2010, с. 590—591.
12. Грамота великого князя Ивана Васильевича на Вятку о расправе с разбойниками 1542 г. марта 2. В кн.: Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 г., вып. III, отд. III, с. 82—86.
13. ААЭ, т. I, № 220, с. 208—209.
14. Там же, № 245, с. 267—268.
15. Документы по истории Удмуртии XV—XVII вв., № 16, с. 90.
16. ААЭ, т. I, № 210, с. 199—200.
17. Документы по истории Удмуртии XV—XVII вв., № 80, с. 353—354.
18. ААЭ, т. I, № 242, с. 261—264; № 243, с. 264—267; Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М. 1909, № 3—5, с. 113—123; № 10, с. 142—147.
19. ААЭ, т. I, № 364, с. 448—450; Наместничьи, губные и земские уставные грамоты..., № 6—7, с. 123—133; № 9, с. 137—142.
20. КАШТАНОВ С.М. Ценное свидетельство о земской реформе середины XVI века. — Советское архивоведение. 1968, № 5, с. 49—54.

21. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты..., № 6, с. 123—129.
22. МУСИХИН А.Л. Управление г. Орловым на Вятке во второй половине XVI века. — Вестник Удмуртского университета. 2010, вып. 3, с. 107—108.
23. Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Приложение к 2-му тому сборника «Столетие Вятской губернии». Вятка. 1881, № 27, с. 34; № 28, с. 36; № 30—31, с. 38—40.
24. Там же, № 53, с. 62; № 54, с. 63.
25. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (ДАИ). Т. I. СПб. 1846, № 117, с. 169—171; № 119, с. 174; ДМИТРИЕВ А.А. Ук. соч., с. 95—103, 108—109; ШИШОНКО В.Н. Ук. соч., с. 46—60.
26. ВОРОБЬЁВ А.В. Разбойный приказ в XVI — начале XVII века: эволюция, руководство и административная практика. — Российская история. 2012, № 1, с. 17—25.
27. ГРАДОВСКИЙ А.Д. История местного управления в России. В кн.: Собр. соч. Т. 1. СПб. 1868, с. 229—230.
28. ААЭ. Т. IV. СПб. 1836, № 250, с. 350—351.
29. САДИКОВ П.А. Очерки по истории опричнины. М.-Л. 1950, с. 373—376, 390—394, 405—407, 409—411.
30. СУМИН Д.П. Судебные органы Московского государства XV—XVII веков (Историко-правовое исследование): Дис. канд. юрид. наук. Н. Новгород. 2004, с. 145—166; СЕРОВ Д.О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М. 2009, с. 75—80.
31. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (АИ). Т. III. СПб. 1841, № 167, с. 294—310; Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. I. Т. I. СПб. 1830, № 1, Уложение, гл. XXI, ст. 1—2, 6, 7, 49, № 441; Т. II. СПб. 1830, № 894, 1052, 1257; Т. IV. СПб. 1830, № 1874.
32. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты... Приложения, № 7—10, с. 170—175.
33. ДАИ. Т. IX. СПб. 1875, № 89, с. 187—188.
34. ЛИСЕЙЦЕВ Д.В. Четвертные приказы в России начала XVII века — Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011, № 3 (1), с. 203—204.
35. ДМИТРИЕВ А.А. Ук. соч. Вып. VII. Верхотурский край в XVII веке. Пермь. 1897, с. 110.
36. Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией (РИБ). Т. XXVIII. М. 1912, с. 239.
37. АИ. Т. V. СПб. 1842, № 55, с. 84—85.
38. ДАИ. Т. XII. СПб. 1846, № 56, с. 343.
39. АИ, т. III, № 187, с. 343—344.
40. ПСЗ РИ, собр. I, т. II, № 824; Т. III. СПб. 1830, № 1597.
41. ААЭ. Т. II. СПб. 1836, № 100, с. 197.
42. Там же. Т. III. СПб. 1836, № 82, с. 116.
43. ДМИТРИЕВ А.А. Ук. соч., вып. I, с. 213—215; ШИШОНКО В.Н. Ук. соч. Третий период. С 1645—1676 гг. Пермь. 1884, с. 748, 761, 784, 918—919.
44. Там же, с. 67, 71—75.
45. ПСЗ РИ, собр. I, т. I, № 1; Уложение, гл. XXI, ст. 3; АБРАМОВИЧ Г.В., ИВИНА Л.И., МАНЬКОВ Л.И., МИРОНОВ А.Г., ПАНЕЯХ В.М. Комментарии. В кн.: Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л. 1987, с. 355—356.
46. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л. 1986, № 312, с. 215.
47. ПСЗ РИ, собр. I, т. I, № 1, Уложение, гл. XIII, ст. 3; КОТОШИХИН Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб. 1859, с. 103 (гл. 8, ст. 3).
48. АИ, т. V, № 75, с. 111—112; № 100, с. 161—162.
49. ААЭ, т. IV, № 284, с. 419—422.
50. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. II. Деятельность земского мира. Земство и государство. М. 1912, с. 176—180, 230—239.
51. ААЭ, т. III, № 126, с. 176—178.
52. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Ук. соч., с. 184—185, 203—224, 279—280.
53. Суд над земским судьейкой. В кн.: Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, вып. I, отд. III, с. 6.

54. ААЭ, т. III, № 42. с. 83—85; АИ. Т. II. СПб. 1841, № 62. с. 77—78; т. III, № 125, с. 195—196; МИЛЛЕР Г.Ф. История Сибири. М.—Л. 1937, приложения, № 236, с. 329.
55. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Ук. соч., с. 228—230.
56. ААЭ, т. II, № 46, с. 103—104.
57. ДАИ. Т. III. СПб. 1836, № 19, с. 85; т. IV, № 137, с. 342.
58. АИ, т. III, № 194, с. 348—350.
59. Там же, т. IV, № 10, с. 37.
60. Город Хлынов в 1676 г. Росписной список стольника и воеводы князя Петра Семёновича Прозоровского, что он принял от воеводы Василия Поликарповича Нарышкина на Вятке два земляные города Хлынова в 7184 году. В кн.: Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года. Вып. V—VI. Вятка. 1905, отд. II. с. 23.
61. ДАИ. Т. X. СПб. 1867, № 18, с. 50—51.
62. Расходная книга земского старосты города Хлынова Ивана Репина 1678—1680 гг. В кн.: Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года. Вып. V—VI, отд. II, с. 1—105; Книга писцовая Орлова города с уездом 137 (1629) года. Там же. 1910 год. Вып. II—III. Вятка. 1910, отд. II, с. 1; Царские грамоты, приказные памяти и иные акты. Там же. 1910 год. Вып. I. Вятка. 1910, отд. III, № 46, с. 30.
63. АИ, т. III, № 204, с. 358.
64. Там же, т. II, № 179, с. 208—209.
65. АИ, т. II, № 230, с. 270; т. III, № 185, с. 342; № 187, с. 343—344; № 200, с. 355 и др.
66. ШИШОНКО В.Н. Ук. соч., с. 99—100, 859.
67. АИ, т. V, № 16, с. 27.
68. ААЭ, т. I, № 69, с. 161.
69. Там же, т. III, № 293, с. 434—436.
70. Там же, т. IV, № 256, с. 366—367.
71. ПСЗ РИ, собр. I, т. I, № 23.
72. ДАИ, т. III, № 19, с. 83, 85; т. IV, № 137, с. 341, 342.
73. ААЭ, т. IV, № 291, с. 433—436.
74. Документы по истории Удмуртии XV—XVII веков, № 23, с. 104.
75. ДМИТРИЕВ А.А. Ук. соч., вып. I, с. 103—104, 120—130; вып. II, с. 68—79; ШИШОНКО В.Н. Ук. соч. Второй период. С 1613—1645 гг. Пермь. 1882, с. 60—61, 268—269; Пермская летопись с 1263—1881 г. Третий период, с. 950.
76. ДМИТРИЕВ А.А. Ук. соч., вып. II, с. 77—79, 156—157.
77. ШИШОНКО В.Н. Ук. соч., третий период, с. 951.
78. ДАИ, т. XII, № 56, с. 343.

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

УДК 94(047).084.6/ББК 63.3(2)621

Мир 1940 г. с Финляндией как стратегическая ошибка

Ф.П. Ходеев

Аннотация. В работе рассматривается мирный договор 1940 г. между Финляндией и СССР и доказывается, что он был стратегической ошибкой советского руководства.

Ключевые слова: Советско-финская война, Зимняя война, И.В. Сталин, К.Г. Маннергейм, Германия, Норвегия.

Abstract. In the work the author examines the peace Treaty of 1940 between Finland and the USSR and proves that it was a strategic mistake of the Soviet leadership.

Key words: Soviet-Finnish war, Winter war, I.V. Stalin, K.G. Mannerheim, Germany, Norway.

Отношения России и Финляндии всегда были уникальными, а с 1918 до 1939 г. их особенность состояла в том, что, по словам М.М. Литвинова, ни в одной соседней стране не велась такая открытая пропаганда за нападение на СССР и отторжение его территории¹. Первым толчком к подобным отношениям послужили действия Маннергейма в начале 1918 г. по разоружению и борьбе с русскими солдатами².

Далее последовала первая советско-финская война, начавшаяся объявлением 15 мая 1918 г. Королевством Финляндия войны Советской России. Война закончилась в 1920 г. Тартуским мирным договором, по которому Россия пошла на значительные территориальные уступки, что, очевидно, послужило вторжению 6 ноября 1921 г. финских вооруженных отрядов совместно с регулярными финскими частями в Карелию. Так разразилась вторая советско-финская война. Причины ее финская сторона объясняла желанием исправить «позорный мир» (Тартуский договор) путем создания «Великой Финляндии», граница которой должна была пройти по Неве, Свири и от Повенца до Онежского залива Белого моря, а также желанием оказать помощь восставшим карелам. Боевые действия завершились 21 марта 1922 г. подписанием в Москве соглашения между правительствами РСФСР и Финляндии о принятии мер по обеспечению неприкосновенности советско-финской границы.

Ходеев Фёдор Павлович — кандидат юридических наук. E-mail: Khodeev@mail.ru.

Khodeev Fyodor P. — candidate of juridical sciences. E-mail: Khodeev@mail.ru.

Несмотря на подписанный документ, даже в начале 1930-х гг. Финляндия продолжала лелеять планы отторжения у СССР обширных территорий (вплоть до Енисея), в том числе и Ленинграда, наступление на который представлялось финскому генштабу трудной, но возможной задачей. Имелось в виду, что попытка прорваться к Ленинграду должна была закончиться захватом города и уничтожением Балтийского флота. При этом проигравший в итоге четыре войны Маннергейм считал, что такая задача выполнима, скорее всего, в зимний период и при участии иностранных держав ³.

Советский Союз после прихода к власти в Германии нацистов неоднократно указывал на важность для своей безопасности блокировки возможных подступов к СССР через Прибалтику и Финляндию ⁴. После Мюнхенских соглашений (30.09.1938) эти пожелания начали реализовываться: 5 марта 1939 г. последовало предложение Советского Союза Финляндии отодвинуть границу подалее от Ленинграда и передать ему в аренду на 30 лет острова Гогланд, Лавансаари, Сейскари и Тютерс взамен территорий в Карелии. Предложение было высказано во время беседы народного комиссара иностранных дел СССР Литвинова с посланником Финляндии в СССР А.С. Ирие-Коскиненем и отклонено финнами через 5 дней ⁵.

8 мая 1939 г. Великобритания распространила гарантии безопасности восточноевропейским государствам, граничившим с СССР. Под них подпали Польша и Румыния ⁶, что можно рассматривать двояко. С одной стороны, как намек СССР самому заблокировать подступы к своим границам, а, с другой, — как приглашение Германии захватить Балтийские государства и стать на границе общего с Западом идеологического противника. Таким образом, судьбу Прибалтики и Финляндии решили Чемберлен и Галифакс, а не Молотов и Риббентроп. Последние лишь согласились с первыми.

К началу так называемой Зимней войны, то есть к концу ноября 1939 г., Германия находилась в состоянии «странной войны» с Великобританией, ее доминионами (Канадой, Австралией, Южно-Африканским союзом, Новой Зеландией и др.) и Францией. Западные Украина и Белоруссия вошли в состав СССР, а в Прибалтике размещались советские войска. По наблюдению У. Черчилля, СССР, таким образом, заблокировал все сухопутные линии, ведущие в Советский Союз с запада, за исключением линии, идущей через Финляндию, которая заканчивалась всего в 32 км от Ленинграда, где было сосредоточено, по заявлению И.В. Сталина, 30—35% нашей оборонной промышленности ⁷.

Воспользоваться этой линией могли и западные союзники (через Петсамо или Балтийское море), и Германия. Были и другие направления, например, через Закавказье или Дальний Восток, доступные западным союзникам или Японии, но не Германии. Советский Союз для безопасности увеличил на 10 дивизий Закавказскую группировку, а Северный флот усилил переброской из Кронштадта по Беломорско-Балтийскому каналу на Север 14 боевых кораблей, в том числе 4-х новых эскадренных миноносца и 10-ти подводных лодок ⁸. Более того, в середине октября 1939 г. Германия получила разрешение на размещение отдельной военно-морской базы Норд в бухте Западная Лица на мурманском побережье СССР ⁹.

Даже после того, как 12 сентября 1939 г. в Абвиле Англия и Франция отказали Польше в помощи, на заседании финского правительства 28 октября министр обороны Финляндии сделал заявление о том, что «война выгоднее, чем требования России»¹⁰ (Маннергейм демонстративно покинул это заседание). Стало ясно, что мирное блокирование финской линии не удастся, и 30 ноября 1939 г. началась Зимняя война, сопровождавшаяся финансовыми и торговыми санкциями и угрозами военного вмешательства западных союзников.

Советские войска действовали на пяти направлениях, которые Сталин (как и Маннергейм¹¹) именовал колоннами: первая — на Карельском перешейке, вторая — на северном побережье Ладожского озера, третья — на Улеборг, четвертая — на Торнио (то есть последние две были направлены к побережью Ботнического залива) и пятая колонна — с севера на юг, на Петсамо.

Пятая колонна имела задачу силами двух полков 104-й дивизии, при поддержке Северного флота занять Петсамо и отрезать Финляндию от незамерзающего Баренцева моря. Эта задача была выполнена молниеносно: уже к исходу первого дня передовые части 95-го полка 104-й дивизии перерезали дорогу между Петсамо и Луостари и на второй день к 14 час. заняли порт Лиинахамари¹² и Петсамо¹³. Удивительно, что стремительный стратегический успех этой колонны всегда замалчивался.

После этого, учитывая, что в Балтийском море господствует Германия, а северная его часть замерзает, военное вмешательство западных союзников могло осуществиться либо путем высадки десанта на севере на территории, занятой нашими войсками, либо через Норвегию (Нарвик) и далее через Швецию. Но Нарвик был очень важен для Германии, поскольку 2/3 объема железной руды¹⁴ немцы в то время везли из Швеции (остальную из России)¹⁵. Руда же в Швеции добывалась в шахтах на севере, откуда поступала по железной дороге в шведский порт Лулео и норвежский порт Нарвик. Лулео, находящийся в северной части Балтийского моря, закрыт льдом с декабря по май. Поэтому около четверти норвежской руды (до 4 млн т из 10) поставлялись в Германию немецкими судами через незамерзающий Нарвик¹⁶. «Вне всякого сомнения, для англичан было невыносимо наблюдать, как германские рудовозы выходят из Нарвика и беспрепятственно везут в норвежских территориальных водах»¹⁷ то, что затем будет обращено против них. Именно поэтому дальновидный Черчилль, тогда первый лорд адмиралтейства, еще 19 сентября 1939 г. (то есть до начала Зимней войны) рекомендовал правительству оккупировать Норвегию для подрыва мощи Германии¹⁸.

Между тем, 7 декабря 1939 г. министры иностранных дел уже обреченных Дании и Норвегии, а также благополучной Швеции встретились в Стокгольме и, несмотря на пропаганду, решили сохранять строгий нейтралитет по отношению к финской войне, подтвердив свое решение 25 февраля 1940 года. Таким образом, высадить в Нарвике десант союзников было невозможно без нарушения нейтралитета Норвегии, а потом и Швеции. Нельзя было это сделать и в Мурманске. Между 7 и 13 декабря 1939 г. у норвежского побережья были потоплены британские или зафрахтованные британцами три судна. Считается, что это сделала германская подлодка¹⁹. Решительная акция (16.02.1940) английского эсминца «Козак» в отношении немец-

кого транспорта «Альтмарк» лишь показала слабость Норвегии, но не безопасность транспортной операции. Так или иначе, но фактически это было предостережение. Указанная акция поставила крест на возможностях снабжения армии без вмешательства западных союзников в Финскую компанию с Севера.

Тем не менее, 5 февраля 1940 г. Высший военный совет по настоянию Черчилля решил послать в Нарвик 4—5 дивизий якобы для помощи Финляндии. На самом деле целью западных союзников было закрыть Нарвик для Германии и оккупировать рудники. Однако выполнить данное решение не удалось из-за германской угрозы, противодействия Швеции и Норвегии (27 февраля их правительства отказались принять либо пропустить войска союзников) и неясных последствий для них самих. Что касается Германии, то еще 14 декабря 1939 г., то есть спустя две недели после начала Зимней войны и захвата советскими войсками Петсамо, Гитлер дал задание командованию вермахта изучить возможность захвата Норвегии, который был намечен на 17 марта, а осуществлен в апреле 1940 года.

В то же время Англия, Франция и США всячески поддерживали Финляндию, в том числе поставками оружия и угрозами интервенции не только на севере СССР, но и на юге. На самом деле Англия больше всего опасалась не краха Финляндии, а создания направленной против нее коалиции Германии, России и Японии²⁰. Советские полпреды в Великобритании (И.М. Майский), Франции (Я.З. Суриц) и Турции (А.В. Терентьев) также в один голос предупреждали Сталина о скорой высадке западных союзников на севере и на юге Советского Союза. Эти ошибочные предупреждения (а им Сталин, судя по заключенному миру, поверил), на наш взгляд, самым пагубным образом сказались на его доверии к предупреждениям вообще, что имело известные пагубные последствия.

Между тем, линия Маннергейма была преодолена советскими войсками, в результате чего Финляндия лишилась своего оборонительного барьера, и ее судьба зависела от решения Сталина. Но, несмотря на то, что воевать планировалось до августа-сентября и наготове имелись 72 дивизии, Москва спешно предложила мир, по которому Финляндия часть своей территории уступала, а часть передавала СССР в аренду. Но договор не предусматривал выплаты контрибуций, нейтралитета Финляндии или запрета на ввод иностранных войск на ее территорию, что было, конечно, ошибкой, которой и воспользовались немцы в сентябре 1940 года. Таким образом, советская сторона не добилась выполнения поставленных целей: финская линия не была заблокирована. 13 марта 1940 г., в день окончания Зимней войны, Гитлер отдал приказ о начале оккупации Норвегии²¹. В свою очередь, в приказе финского главнокомандующего Маннергейма от 13 марта говорилось: «У нас есть гордое сознание того, что на нас лежит историческая миссия, которую мы еще исполним...»²²

21 июня 1941 г. финские войска высадились на демилитаризованных Аландских островах (операция «Регата»). Персонал советского консульства в Мараанхамине (31 чел.) был арестован. В тот же день три финские подводные лодки, по личному приказу президента Финляндии²³, заложили мины у советского эстонского побережья. Приказ предписывал командирам этих подлодок атаковать советские корабли, «если попадутся достойные цели»²⁴. Таким образом, юриди-

чески и фактически Финляндия начала войну против СССР даже раньше Германии, а не 25 июня.

Население Советского Союза восприняло окончание Зимней войны скорее с недоумением, чем с радостью. А.А. Жданову пришлось объяснить: «Советский Союз, разбивший финскую армию и имевший полную возможность занять всю Финляндию, не пошел на это и не потребовал никакой контрибуции в возмещение своих военных расходов, как это сделала бы всякая другая держава, а ограничил свои пожелания минимумом, проявив великодушие в отношении Финляндии»²⁵.

Прекращение этой войны можно назвать стратегическим просчетом, ясно проявившимся с началом захвата Гитлером Норвегии и Дании, наступлением на Францию, вступлением в Финляндию немецких войск и ее присоединением к войне против Советского Союза. На наш взгляд, правильнее было бы не спешить с заключением мира, а после начала захвата немцами Норвегии заблокировать финскую линию полностью, оккупировав Финляндию. Возможно, события развивались бы по-другому. Но история не знает сослагательного наклонения...

Примечания

1. Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. М. 1973, с. 143.
2. Подробно об этом см.: МАННЕРГЕЙМ К.Г. Мемуары. М. 1999, с. 84—135.
3. БАРЫШНИКОВ Н.И. Блокада Ленинграда и Финляндия 1941—1944. СПб.-Хельсинки. 2002.
4. См., например: Памятная записка, врученная народным комиссаром иностранных дел СССР послу Великобритании в СССР 14.05.1939. В кн.: Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937—1939. Т. 2. М. 1981, с. 86.
5. Год кризиса 1938—1939. Документы и материалы в двух томах. М. 1990.
6. Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. 2, с. 86.
7. «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель-май 1940 г.) Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М.-СПб. 2004. с. 32.
8. КОЗЛОВ И.А., ШЛОМИН В.С. Краснознаменный Северный флот. М. 1983, с. 71.
9. ЗИММЕ Э.Ф. Немецкая оккупация Северной Европы. 1940—1945. Боевые операции третьего рейха. 1940—1945 гг. М. 2005.
10. ВЛАСОВ Л.В. Многострадальный остров в Финском заливе. — Звезда. 1999, № 8.
11. МАННЕРГЕЙМ К.Г. Ук. соч., с. 239.
12. В то время — единственный океанский порт Финляндии, имевший выход в Баренцево море Северного Ледовитого океана.
13. Зимняя война, 1939—1940. Кн. 2. М. 1998.
14. По другим данным не более 10%. См.: ПАТЯНИН С.В. «Везерубунг»: Норвежская кампания 1940 г. М. 2004.
15. До 03.09.1939 большое количество железной руды импортировалось из шахт во французской провинции Лотарингия, находившейся на границе с Германией. Некоторая часть поступала из Югославии.
16. РЕДЕР Э. Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего рейха. 1935—1943 гг. М. 2004, с. 362.
17. Там же, с. 372.
18. МАЗЕР В. Адольф Гитлер. Мн. 2000, с. 417.
19. ХУБАЧ В. Захват Дании и Норвегии. Операция «Учение Везер». 1940—1941. М. 2006, с. 15.
20. ЧЕРЧИЛЛЬ У. Вторая мировая война. (В 3-х книгах). Т. II. М. 1991, с. 563.
21. МАЗЕР В. Ук. соч., с. 419; ВАРЛИМОНТ В. В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала. М. 2005.
22. БАРЫШНИКОВ В.И. Вступление Финляндии во вторую мировую войну 1940—1941 гг. // http://www.gramotey.com/?open_file=1269028068#fn8.
23. БАРЫШНИКОВ В.И., САЛОМАА Э. Вовлечение Финляндии во Вторую мировую войну. В кн.: Крестовый поход на Россию. М. 2005, с. 181.
24. ШИРОКОРАД А.Б. Северные войны России. М.-Мн. 2001, с. 702.
25. Шестая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Доклад депутата А.А. Жданова. М. 1940, с. 37.

Территориально-пограничные вопросы на Русско-турецкой конференции и в Московском договоре в 1921 г.

М. ГАСЫМЛЫ

Аннотация. В этом году исполняется 95 лет со дня подписания Московского договора о дружбе и братстве, заключенного 16 марта 1921 г., основу которого заложила Московская конференция с участием России и Турции в феврале и марте 1921 года. В работе, основывающейся на материалах архивов России, Турции и Азербайджана, исследуется разрешение территориально-пограничных вопросов на Московской конференции и в Московском договоре.

Ключевые слова: Россия, Турция, Азербайджан, Московская конференция, Московский договор, Г.В. Чичерин, Юсуф Кемаль.

Abstract. This year is the 95th anniversary of the Moscow Treaty on Friendship and Brotherhood signed on the 16th March 1921 preceded by the Moscow Conference of February-March 1921 between Russia and Turkey. In the work settlement of the territorial-border issues at the Moscow Conference and the Moscow Treaty are studied on the basis of Russian, Turkish and Azerbaijani archives.

Key words: Russia, Turkey, Azerbaijan, Moscow conference, the treaty of Moscow, G. Chicherin, Yusuf Kemal.

Военные операции, проводившиеся странами Антанты в 20-х гг. XX в. с целью «задушить в зародыше» большевистскую Россию и завладеть турецкими землями, способствовали сближению двух стран. Победа стран Антанты над Турцией приблизила бы их к Южному Кавказу, откуда открывался путь на Москву. Поэтому Россия наладила связи с кемалистами, ведущими национально-освободительную войну против стран Антанты. 27 декабря 1919 г. в Самсуне был подписан секретный договор, согласно которому российская сторона вплоть до заключения Севрского договора признавала приоритет существующих границ Турции и принимала на себя обязательства по защите ее территориальной целостности ¹.

В ходе войны 23 апреля 1920 г. в Анкаре было создано Великое Национальное Собрание Турции (ВНСТ) во главе с Мустафой Кема-

Гасымлы Муса — доктор исторических наук, профессор, директор Института кавказоведения Национальной Академии Наук Азербайджана. E-mail: musa_gasimli@hotmail.com.

Gasimli Musa — doctor of historical sciences, professor, director of the Institute of Caucasiology NAS of Azerbaijan. E-mail: musa_gasimli@hotmail.com.

лем пашой. Спустя три дня, 26 апреля, Мустафа Кемаль паша послал письмо в Россию ². В письме отмечалось:

«Первое. Мы принимаем на себя обязательство соединить всю нашу работу и все наши военные операции с российскими большевиками, имеющими целью борьбу с империалистическими правительствами и освобождение всех угнетенных из-под их власти.

Второе. Если советские силы предполагают открыть военные операции против Грузии или дипломатическим путем, посредством своего влияния заставят Грузию войти в союз и предпринять изгнание англичан с территории Кавказа, турецкое правительство берет на себя военные операции против империалистической Армении и обязывается заставить Азербайджанскую Республику войти в круг советских государств.

Третье. Чтобы, во-первых, изгнать империалистические силы, которые занимают нашу территорию, населенную нашим народом, и, во-вторых, чтобы укрепить нашу внутреннюю силу для продолжения нашей общей борьбы против империализма, мы просим Советскую Россию в виде первой помощи дать нам пять миллионов турецких лир золотом, оружие и боевые припасы в количестве, которое должно выясниться при переговорах и, кроме того, некоторые военнотехнические средства и санитарный материал, а также продовольствие для наших войск, которые, согласно требованию Советской власти, должны будут оперировать на востоке».

Это предложение всецело соответствовало интересам России, потому что государства, враждебные России и Турции, господствовали в Стамбуле и в черноморских проливах, через которые велась большая часть российской морской торговли, а также в Крыму и на Южном Кавказе. Необходимо было объединить силы в борьбе против Антанты. Историк А.Д. Новичев пишет, что в ответном послании советского правительства Мустафе Кемалю от 27 апреля выражалась горячая поддержка установлению дипломатических и дружественных отношений с революционным турецким правительством, ведущим национально-освободительную войну ³. Однако в «Документах внешней политики СССР» указывается, что письмо Мустафы Кемаль пашы было получено 2 июня, а советская Россия ответила на него письмом № 11/551 от 3 июня ⁴. Ответное письмо было написано народным комиссаром иностранных дел Г.В. Чичериным. Через два дня после отправки письма Мустафой Кемалем пашой Азербайджан был захвачен и советизирован.

11 мая 1920 г. делегация ВНСТ во главе с Бекиром Сами Кундухом отправилась из Анкары и 19 июля прибыла в Москву ⁵. Основной целью визита было установление дипломатических отношений между двумя странами и ведение переговоров о заключении договора о дружбе. Состоялась первая русско-турецкая конференция. Однако переговоры проходили нелегко. Большевики, пользуясь тем, что Турция находилась в тяжелом положении, требовали от нее уступки некоторых территорий. Турецкая делегация категорически отвергала эти требования. Узнав об успешных действиях турецкой армии и опасаясь, что усиление давления может способствовать сближению Анкары с Антантой, большевики отказались от своих территориальных притязаний. Был подготовлен проект договора. Этим и завершилась первая русско-турецкая конференция в Москве.

В это время шла война между Арменией и Турцией, в которой дашнакская Армения потерпела поражение. 28 ноября 1920 г. Армения была советизирована. Отстраненное от власти дашнакское правительство 2 декабря было вынуждено подписать Александропольский мирный договор.

В такой обстановке 29 января 1921 г. турецкая делегация по пути в Москву прибыла из Анкары в Баку. На Бакинском железнодорожном вокзале ее весьма гостеприимно и торжественно встретили официальные лица Советского Азербайджана — Д. Буниатзаде, Б. Шахтахтинский, А. Караев и др. Турецкая миссия встретилась с Н. Наримановым и Г. Орджоникидзе и обсудила с ними советско-турецкие отношения. Затем в честь гостей в Азербайджанском государственном театре драмы был дан концерт. Вечером Нариманов устроил для членов делегации торжественный ужин. Орджоникидзе в телеграмме Чичерину от 31 января писал, что турецкие посланники прибыли в Баку и были очень тепло встречены; завтра после завтрака они отправятся в Москву ⁶.

В это время правительство ВНСТ назначило министра образования Али Фуада послом в России. 2 февраля 1921 г. он прибыл в Москву ⁷.

Турецкая делегация достигла Москвы 6 февраля. В составе делегации были министр иностранных дел, глава миссии Бекир Сами Кундух, министр по делам экономики Юсуф Кемаль Тенгирсек, член ВНСТ Осман, советники миссии Ибрагим Мали и Шовкет Сейфи ⁸, а также депутат, доктор Риза Нур и Али Фуад паша.

Российские руководители не доверяли Бекиру Сами, который ранее был послом Османского государства в Англии, считая его сторонником Запада. Поэтому Бекир Сами отправился в Лондон на конференцию со странами Антанты, а делегацию возглавил Юсуф Кемаль.

26 февраля В.И. Ленин лично принял турецкую делегацию и имел с ней беседу о советско-турецких отношениях. Подготовительная работа закончилась.

Русско-турецкая конференция начала работу 27 февраля 1921 г. в Москве. В составе российской делегации были народный комиссар иностранных дел Чичерин и член Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Джелаладдин Коркмазов ⁹. Открывая конференцию, Чичерин сказал, что борьба против капитала приняла в России форму коммунистической революции, а народы России заняли особое место в ряду народов, борющихся за свою свободу и право на самоопределение ¹⁰.

Следом за ним выступил руководитель делегации ВНСТ Кемаль, который, в частности, заявил, что Севрский договор, заключенный 10 августа 1920 г. между странами Антанты и османским правительством, ничего не оставил Турции, поэтому принять его невозможно, и турецкий народ решил бороться до конца.

28 февраля на заседании политической комиссии Кемаль сказал, что «Национальный обет» (документ, который определял территорию Турции, принятый 28 января 1920 г. в Стамбуле Османской Палатой Депутатов) должен быть одобрен без всяких поправок.

Дискуссию на заседании вызвало отношение к Александропольскому договору. Дебаты завершились тем, что Кемаль заявил: «“Национальный обет” и Александропольский договор неприкосновенны».

Он обосновал это тем, что проблема Александропольского договора касается только Армении и не имеет отношения к России. К тому же у турецкой делегации нет полномочий вести переговоры с Грузией, Арменией и Азербайджаном, она может лишь заключить политический и военный союз с Россией ¹¹.

Из-за полемики продолжение конференции было отложено на одну неделю. В обострении ситуации турки подозревали заместителя наркома иностранных дел Карахана, не заинтересованного в улучшении советско-турецких отношений. Однако Карахан был недостаточно силен, чтобы влиять на решение вопросов такого уровня.

1 марта Чичерин доложил ответственному секретарю ЦК и члену Оргбюро ЦК Николаю Крестинскому: «В данный момент отношения с Турцией дошли до весьма серьезного, критического уровня. Турецкая делегация заявила, что “Национальный обет”, по которому Батум, Ардаган и Карс объявляются турецкими, и Александропольский договор, отдающий Турции значительную часть Армении, а все остальные ее части превращающий фактически в вассальные провинции Турции, должны считаться неприкосновенными» ¹².

Чичерин выражал беспокойство по поводу возможного срыва конференции. Он отмечал, что турецкая делегация заявила о единстве интересов и важности революционных усилий в борьбе с империализмом, тем самым, выступив за неприкосновенность Александропольского договора.

Сообщая об этом в телеграмме П. Мдивани в Анкару 4 марта 1921 г., Чичерин писал, что на деле это означает передачу Турции Батума и всей Армении. Считая это совершенно недопустимым для Советской России, он подчеркивал: «Сначала мы не знали, приехала ли делегация для того, чтобы заключить с нами союз, или разорвать связи и подготовить материал против нас. Теперь идет торг. Мы отдаем Карс и Ардаган, но ни в коем случае не отдадим Батум, а также требуем 20 километровую полосу к западу от Александропольской железной дороги и территорию к югу от Аракса. В Батуме будет Грузия, а в Александрополе и Эриване — Армения. Нахчыван же будет зависеть непосредственно от России. Сначала турки настаивали на термине “союз”. Но учитывая переговоры с Англией, мы заявили им, что использование этого термина невозможно. Турки сказали, что нас не касаются их отношения с Арменией и Грузией. Но мы решительно отвергли такой подход. Ситуация такова. Туркам следует объяснить, что советские республики находятся в естественном союзе. Уступка Карса и Ардагана это максимум возможного» ¹³.

Это письмо указывало на то, что развитие отношений с Турцией находилось под особым контролем. Окончательное решение о взаимоотношениях выносило Политбюро.

Воспользовавшись возникшим перерывом в переговорах, Кемаль решил встретиться с более авторитетными советскими лидерами. Только после его беседы с И.В. Сталиным 6 марта конференция была возобновлена. На заседании политической комиссии 10 марта российская сторона заявила, что признает «Национальный обет». Это означало, что советское государство отвергло условия Севрского договора. По мнению Чичерина, этот документ требовал исправления известных границ. Российская делегация предложила следующий ва-

риант пограничной линии: деревня Сарп на Чёрном море, гора Гедиамт, горная гряда Шавшет, старая административная граница до округа Ардаган, затем горы Агбаба и Гызылдаш в Армении, а также территории, отошедшие к Армении по Александропольскому мирному договору.

Чичерин заявил, что российское правительство не будет настаивать на уточнении границ к востоку от Арпачая и югу от Аракса, но, с военной точки зрения, а также в целях защиты железной дороги Александрополь — Нахчыван от курдских и других банд, российское правительство просит Турцию не размещать войска и не строить блокгаузы на расстоянии 8 верст от границы. После принятия этих условий Россия готова заключить договор с Турцией. Уточнение границ в деталях будет возложено на военных экспертов с обеих сторон.

Турция, признавая эти границы и соглашаясь отвести свои войска от железной дороги Александрополь — Эриван в районе Арпачая, видела практическое решение этого вопроса следующим образом: Россия принимает принципы «Национального обета»; северо-восточные границы определяются договором; турецкая сторона согласна удовлетворить просьбу по охране безопасности Эриванской железной дороги и т.п.

Затем конференция перешла к обсуждению вопроса границы с Арменией. Турция согласилась отвести войска из указанных зон, но с условием сохранения там своего управления и полиции.

Российская делегация, ссылаясь на то, что курды представляют постоянную угрозу для всех советских республик, предложила уточнить границу по реке Аракс. Турецкая сторона ответила, что отвод войск на 8 верст — это уже крупная уступка, так как она представляет двойную дистанцию ружейного выстрела и неприменима к району Аракса, где река может рассматриваться как достаточная защита. Кроме того, эта полоса должна была бы простираться на 80—100 км, делая практически весьма затруднительной защиту этой зоны турецкими войсками в случае надобности. Турецкая сторона выразила согласие отвести войска на 8 верст, но это должно было относиться исключительно к району Арпачая. В том случае, если Россия будет настаивать на применении этой статьи ко всему району Аракса, турецкая сторона согласится на создание зоны в 4 версты. Пребывание турецкой администрации в этой части границы будет достаточной гарантией против предполагаемых набегов и покушений. Так как конкретные данные по этому вопросу были еще недостаточно выяснены, было решено передать его на рассмотрение военных экспертов.

При обсуждении вопроса о Нахчыване турецкая делегация заявила, что в силу самого факта признания населением турецких войск Нахчыван состоит под покровительством Турции. Тем не менее, она согласна уступить это покровительство Азербайджану при условии получения от него обязательства не переуступать этого покровительства третьему государству. Турецкая делегация твердо заявила: «Турецким войскам трудно было бы оставаться безучастными, если бы это вновь произошло, как это раз уже имело место, и если бы вновь повторилось избиение населения».

Российская делегация отметила опасность принятия подобного принципа интервенции и предложила поставить автономию Нахчывана под покровительство Азербайджана. За предложением Чичерина «не включать в статью постановление о специальной гарантии» скрывалось желание советских властей решать будущую судьбу Нахчывана, действуя по своему усмотрению. Более того, российская делегация не приняла формулировку, по которой Турция уступает свое право покровительства, ввиду того, что Александропольский договор не был ратифицирован, а признание турецких войск населением не является достаточным юридическим основанием для такого покровительства. С другой стороны, отмечалось, что достоинство народного суверенитета не допускает переуступки своих прав над людьми. И, наконец, представляется затруднительным включить в договор обязательство, которое должен выполнять Азербайджан, так как это государство не представлено на переговорах.

Это была странная позиция, тем более что Чичерин пытался передать Батум непредставленной на конференции Грузии, помочь не участвовавшей в конференции Армении получить дополнительные территории, а у не принимавшего участия в той же конференции Азербайджана отнять Нахчыван, бывший его исторической землей, и передать его Армении.

Поняв, что сделать это не удастся, Чичерин предложил найти формулировку, определяющую, что область Нахчыван будет непрерывно связана с Азербайджаном, и будет пользоваться автономией под его покровительством. Турки настояли на том, чтобы вторая часть этой формулировки была отредактирована следующим образом: «При условии, что Азербайджан не уступит этого протектората третьему государству». Границу Нахчывана предстояло установить военным экспертам.

По вопросу о форме договора обе делегации согласились, что с целью избежать загромождения договора и сохранить за ним его идейное значение, подробное описание границы будет включено в особый акт, имеющий ту же юридическую силу, в то время как договор будет содержать лишь основные постановления.

Российские делегаты заявили, что суверенность всех заинтересованных государств в пределах своих границ будет осуществляться в полной мере и что в договорах, которые будут заключены между Турцией, с одной стороны, и Арменией и Грузией, с другой, ничто не может ее ограничить. Это являлось существенным условием соглашения. Российское правительство не могло бы признать никакого постановления, означавшего ограничение суверенных прав советских республик в пределах их границ. Если турецкое правительство в переговорах с советскими республиками заставит их согласиться на подобные ограничения, Российская Советская республика будет считать такие действия направленными против нее самой.

На это турецкая делегация ответила: из вашего заявления следует, что Советская Россия не возражает против заключения отдельных договоров Турцией с указанными республиками.

После этого, на конференции началось постатейное обсуждение договора. По первой статье российская делегация предложила заявление правительства России о признании «Национального обета» заме-

нить поправкой об уточнении описания границ. Турецкая делегация, согласившись с этим, предложила дать общий обзор границ.

Сразу же по окончании обсуждений, 10 марта, Чичерин направил письмо в ЦК РКП(б) с отчетом о ходе переговоров, в котором отметил факт соглашения: «Нахчыван будет признан автономной территорией под протекторатом Азербайджана под тем условием, чтобы Азербайджан не передавал этот протекторат другому государству. Все вышеуказанные оговорки являются неременным условием соглашения с Турцией и поэтому мною приняты»¹⁴.

В другом письме в ЦК РКП(б) 10 марта он подчеркнул: «Территориальное соглашение с Турцией будет составной частью договора, причем в самом договоре будут упомянуты лишь основные пункты, подробное же описание границы будет в особом протоколе».

Чичерин приложил к письму проект договора, в принципе одобренный еще в 1920 г., и предложил окончательно его доработать. Но в договор еще могли быть внесены изменения и дополнения. Он писал, что в первой статье относительно территорий, вместо упоминания о «Национальном обете», он уже принял предложение о его признании. Этот документ фактически был декларацией независимости Турции¹⁵.

Политбюро ЦК РКП(б), обсудив оба письма Чичерина, признало работу конференции удовлетворительной.

Очередное заседание политической комиссии началось 12 марта. С российской стороны присутствовали Чичерин и Коркмазов, а с турецкой — Юсуф Кемаль, Риза Нур и Али Фуад, русские военные эксперты Самойло, Бобрищев и турецкие военные эксперты Сейфи и Сафвет.

В первую очередь делегации просмотрели протокол заседания от 10 марта и поделились соображениями по поводу некоторых формулировок. Турецкая делегация представила ряд замечаний и поправок. По поводу турецких замечаний о примерном описании границ русская делегация отметила, что здесь нет необходимости в поправках, так как пограничная линия будет определена военными экспертами, включена в протокол, перенесена на карту и подписана делегатами обеих сторон.

Что касается заявлений Чичерина, сделанных на предыдущих заседаниях, якобы «об избиениях немусульманского населения», то турецкая делегация пояснила, что нет никакой официальной или частной информации об избиении немусульманского населения в Карсе. Даже американская делегация, проведшая полтора года в Карсе и Эриване, подтвердила, что турецкие операции не затронули немусульманское население. На конференции были заслушаны отчеты военных экспертов. Была принята формулировка, определяющая точную пограничную линию, которую включили в текст договора, а затем и в акт.

Во время обсуждения пограничного вопроса между Нахчыванским округом и Арменией, русская делегация отметила, что установленная военными экспертами линия превышает максимум требований Азербайджана, никогда не выражавшего желания осуществлять свое покровительство над какой-либо частью Эриванского уезда и неизменно признававшего своей крайней границей Волчьих ворот. Хотя этот вопрос не имел первостепенной важности ввиду тесных связей, существовавших между советскими республиками, однако

представлялось бы предпочтительным придерживаться этнографической границы округа Шарур-Даралагез.

Турецкая делегация выразила уверенность, что Советский Азербайджан сделает все, чтобы выполнить свой долг перед Турцией, Россией и человечеством, и поэтому желательно поручить ему также покровительство над этой территорией. Совершенно естественно, что регулярная армия не может пересекать пограничные блоки, однако администрации для осуществления законности и административной необходимости должны иметь право входить во все части своей территории.

Русская делегация предпочитала, чтобы граница между Нахчываном и Арменией носила временный характер. Если в будущем, при непосредственных переговорах между Азербайджаном и Арменией будут внесены какие-либо изменения, то эти изменения не должны рассматриваться, как нарушение Азербайджаном принятых на себя обязательств не уступать своего протектората. Но турецкая делегация категорически настаивала, что этот вопрос очень важен для безопасности восточных границ Турции, а потому должен найти однозначное решение с исключением возможности каких бы то ни было переговоров по этому поводу между Арменией и Азербайджаном. Тогда русская делегация заявила, что в таком случае надлежит придерживаться границы, которую прежде требовал сам Азербайджан, так как невозможно установить из Москвы изменения означенной пограничной линии, не запросив заинтересованное правительство и население.

В результате обсуждений было решено округ Шарур-Даралагез сохранить в составе Нахчывана. Для согласования этот вопрос был передан в комиссию из представителей Турции, Азербайджана и Армении¹⁶.

В заключение обсуждений было решено, что протокол, составленный военными экспертами, будет подписан обеими делегациями одновременно с договором. По просьбе турецкой стороны рассмотрение проекта договора было отложено до следующего заседания¹⁷.

14 марта началось обсуждение вопросов, оставшихся нерешенными. Турецкая делегация высказалась за внесение в протокол следующей поправки после слов «покровительство над этой территорией»: «Регулярные войска, конечно, не могут переходить за линию пограничных блокаузов, но для обеспечения безопасности и администрации всякие части, предназначенные для защиты порядка и административных надобностей, имеют право вхождения на собственную территорию. Возведение укреплений является чисто технической мерой в целях обороны местности и не имеет никакого отношения к безопасности железной дороги».

Пояснения турецкой делегации были учтены: под формулировкой «все войска, имеющие предназначением защиту порядка», следовало понимать исключительно полицию и жандармерию.

Затем слово было предоставлено экспертам. После обмена мнениями русская делегация указала, что во время настоящих переговоров вопросы общего характера должны превалировать над вопросами, имеющими местное значение. Одним из таких вопросов являлась проблема укреплений вокруг Карса. Пожелания Турции были удовлетворены, и она сохранила в полном своем распоряжении систему

укреплений в указанной местности. А жизненным вопросом для России была безопасность железной дороги, являвшейся чрезвычайно важной артерией для ее товарооборота. Безопасность столь важной железной дороги могла значительно уменьшиться при возведении поблизости от нее каких-либо укреплений. Все вопросы, касающиеся гражданского состояния и администрации, оставались в ведении Турции. Все, имеющие какое-либо военное назначение объекты, должны были быть удалены из специальной зоны. Этот пункт для России являлся чрезвычайно важным. Турки пошли на уступки и заявили, что Турция не будет возводить укреплений на востоке от линии блокаузов. Русская делегация с чувством глубокого удовлетворения приняла это свидетельство дружеских чувств Турции. В ответ турецкая делегация заверила, что вопрос общей безопасности России представляется чрезвычайно важным¹⁸.

На заседании 16 марта в первую очередь с небольшими поправками был принят протокол заседания от 14 марта. Затем началось постановочное обсуждение текста договора. Заседание закрылось в 20.00¹⁹. Договор был готов к подписанию.

16 марта 1921 г. договор между РСФСР и Турцией, состоявший из 16 статей и трех приложений, был заключен. С российской стороны его подписали Чичерин и Коркмазов, а от имени правительства ВНСТ — министр по экономическим вопросам, депутат ВНСТ Юсуф Кемаль, министр просвещения, депутат ВНСТ Риза Нур, чрезвычайный и полномочный посол Турции в Москве Али Фуад²⁰.

Дата 16 марта была выбрана для подписания договора не случайно. Как известно, в этот день 1920 г. Стамбул был оккупирован странами Антанты. Остановившись на этой дате, Россия и Турция продемонстрировали свое единство.

В договоре территориально-пограничные вопросы определялись следующим образом: согласно первой статье, стороны отказывались признавать мирные договоры или международные акты, к принятию которых одна из договаривающихся сторон принуждалась бы силой. Правительство РСФСР обязалось не признавать никаких международных актов, касающихся Турции и не признанных Великим Национальным Собранием Турции. Под понятием Турция в договоре подразумевалась территория, включенная в «Национальный обет» Турции от 28 января 1920 г., выработанный и провозглашенный Палатой Османских Депутатов в Стамбуле, переданный прессе и всем государствам. Северо-восточная граница Турции определялась так: линия, которая, начинаясь у деревни Сарп, расположенной на Чёрном море, проходила через гору Хедимста, линией водораздела гор Шавшет — Канны-даг, затем следовала по северной административной границе Ардаганского и Карсского санджаков — по тальвегу рек Арпачай и Аракс до устья нижнего Карасу (подробное описание границы и вопросы, к ней относящиеся, определены в приложении I (А) и I (Б) и на прилагаемой карте, подписанной обеими договаривающимися сторонами).

Согласно второй статье договора, расположенные к северу от турецкой границы территории, город и порт Батум переходили под сюзеренитет Грузии на следующих условиях: 1. Население этих местностей будет пользоваться широкой местной автономией в администра-

тивном отношении, обеспечивающей каждой общине ее культурные и религиозные права, и иметь возможность установить земельный закон, соответствующий его пожеланиям; 2. Турции будет обеспечен свободный транзит всяких товаров, отправляемых через Батумский порт, беспошлинно, без задержек и без обложения обычными или специальными сборами.

Согласно третьей статье, обе стороны соглашались, что Нахчыванская область в границах, указанных в приложении I (С) договора, образует автономную территорию под протекторатом Азербайджана, при условии, что Азербайджан не уступит этого протектората третьему государству.

В статье XV Россия обязывалась предпринять в отношении южнокавказских республик шаги, необходимые для неопременного признания этими республиками в договорах, которые будут заключены ими с Турцией, статей настоящего Договора, непосредственно их касающихся.

В статье XVI объявлялось, что Договор подлежит ратификации, и обмен ратификационными грамотами состоится в Карсе.

Заключение Московского договора имело важное значение. Это был равноправный договор между Россией и Турцией. В этом договоре имелся ряд статей принципиального характера. Обе стороны выступали в поддержку принципов братства и самоопределения наций, отмечали, что трудности либо у русского, либо у турецкого народа ухудшают положение другого.

Стороны отвергали насильно навязанные им договоры и международные акты. Советское правительство не признавало отвергнутые правительством ВНСТ документы, в том числе и Севрский договор.

Были определены права граждан обеих стран в местах их проживания. Турция и Россия выразили намерение разрешить вопрос о Чёрном море и проливах. Принципиальное значение имело принятие сторонами обязательства о недопустимости наличия на их территории групп, враждебных другой стороне.

Московский договор устранил недопонимание между двумя странами, создал правовую и политическую основу для решения существующих проблем. Были определены сухопутные границы между Россией и Турцией, тем самым на Кавказе был положен конец конфликтам, и установилась стабильность. Договор урегулировал отношения между Турцией и странами Южного Кавказа, подготовил фундамент для их укрепления.

Координирование деятельности России и Турции в борьбе против стран Антанты дало конкретные результаты. Россия реализовала свои замыслы на Южном Кавказе — этот регион полностью перешел под ее контроль. Стремления стран Антанты завладеть Южным Кавказом, важным в стратегическом отношении Азербайджаном и его нефтью оказались тщетны. Политика непризнания большевистской России, проводившаяся странами Антанты, спустя несколько лет потерпела крах.

Новая Турция, обретя признание национальной независимости, получила советскую помощь в освободительной войне. В результате был положен конец господству стран Антанты на Ближнем и Среднем Востоке. В Турции был ликвидирован оккупационный режим. В 1923 г. была создана Турецкая Республика.

5 июля 1921 г. Московский договор был обсужден в ВНСТ ²¹. ЦИК РСФСР ратифицировал его 20 июля, а ВНСТ — 31 июля. Обмен ратификационными грамотами состоялся накануне Карсской конференции в этом городе 22 сентября 1921 года ²². Вступление договора в силу открыло новую страницу в отношениях между двумя странами.

Примечания

1. Выписка из архивного дела № 8. Дашнаки, л. 31—46. Архив Службы Государственной Безопасности Азербайджанской Республики (АСГБ АР), ЧФ-852, л. 43—46.
2. Первое предложение Великого Национального Собрания Турции Российскому советскому правительству. 26.04.1920. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 5402, д. 535, л. 1.
3. НОВИЧЕВ А.Д. Турция. Краткая история. М. 1965, с. 150.
4. Документы внешней политики СССР. Т. II. М. 1958, с. 555; Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. М. 1926, с. 20—27; Письмо народного комиссара Г.В. Чичерина президенту Большого Национального Собрания Турции Мустафе Кемаль Паше. ГА РФ, ф. 5402, д. 535, л. 2—3; Известия. 9.VI.1920, № 123(970).
5. Документы внешней политики СССР, т. III, с. 667.
6. Телеграмма Г.К. Орджоникидзе Г.В. Чичерину. 29.01.1921. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 85, оп. Турция, д. 27, л. 4—10.
7. ЧИЧЕРИН Г. Год восточной политики советской власти. — Бакинский рабочий. 21.11.1921, № 266 (398).
8. Список личного состава турецкой миссии в Москве. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2224, л. 1.
9. Советская Россия и Турция. — Бакинский рабочий. 02.03.1921, № 49 (183).
10. Русско-турецкая конференция. От народного комиссариата по иностранным делам. — Правда. 01.03.1921, № 4; Советская Россия и Турция. — Бакинский рабочий. 02.03.1921, № 49 (183).
11. Письмо Чичерина Сталину. 28.02.1921. РГАСПИ, ф. 159, оп. 2, д. 57, л. 18.
12. Письмо Чичерина Крестинскому. 01.03.1921. Там же, л. 20.
13. Депеша Чичерина в Ангору Мдивани о проведении политики, необходимой для укрепления русско-турецких отношений, и подписание Московского договора. 04.03.1921. Там же, ф. 8, оп. 1, д. 2117, л. 1—2.
14. Письмо Чичерина ЦК РКП(б) о территориальном соглашении с турецкой делегацией. 10.03.1921. Там же, ф. 159, оп. 2, д. 57, л. 25.
15. ЧИЧЕРИН Г. О договоре с Турцией. 10.03.1921. РГАСПИ, ф. 159, оп. 2, д. 57, л. 26—27.
16. Русско-турецкая конференция. Протоколы политической комиссии. 12.03.1921. Архив политических документов Азербайджанской Республики (АПД АР), ф. 609, оп. 1, д. 94, л. 54.
17. Протокол заседания политической комиссии русско-турецкой конференции. 12.03.1921. РГАСПИ, ф. 298, оп. 1, д. 104, л. 75—83.
18. Протокол заседания политической комиссии русско-турецкой конференции. 14.03.1921. Там же, л. 84—91.
19. Протокол заседания политической комиссии. 16.03.1921. Там же, л. 92—98.
20. Договор между правительствами РСФСР и Турции о дружбе и границах. 16.03.1921. Государственный Архив Азербайджанской Республики (ГА АР), ф. 28, оп. 1, д. 58, л. 143—145; Договор между Турцией и Россией. АПД АР, ф. 609, оп. 1, д. 94, л. 93—95; Документы внешней политики СССР. Т. III. М. 1959, с. 597—604; Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М. 1938, с. 157—163; Договор между правительствами РСФСР и Турции о дружбе и границах. 16.03.1921. ГА АР, ф. 28с, оп. 1, д. 67, л. 1—4; Договор между Россией и Турцией. РГАСПИ, ф. 298, оп. 1, д. 104, л. 100—104; Договор между Турцией и Россией. 16.03.1921. ГА АР, ф. 28с, оп. 1, д. 66, л. 19—22; Договор дружбы и братства между Турцией и Россией. — Бакинский рабочий. 23.03.1921, № 67 (201).
21. Türkiye-Rusya muahednamesi hakkında layihelyi kanuniye. — Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık Cumhuriyet Arşivi (TCBCA). 030.18.01.03.29.13.
22. Документы внешней политики СССР, т. III, с. 604.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

ББК 63.3(2)6/УДК 93/94

Жизнь и деятельность Г.М. Попова

Г.С. Иванов

Аннотация. В данной работе рассматривается жизненный путь и общественно-политическая деятельность Г.М. Попова, который руководил МК и МГК ВКП(б) в трудные послевоенные годы, занимал министерские посты, был на дипломатической службе.

Ключевые слова: МК (Московский комитет), МГК (Московский городской комитет), Моссовет, ВОВ, Москва послевоенная.

Abstract. This research work is about the life and political activity of G.M. Popov, who was the leader of MC and MCC of CPSU(b) during difficult post-war years, took posts in ministries, worked in the diplomatic service.

Key words: MC (Moscow Committee), MCC (Moscow Citi Committee), Moscow Citi Council, The Great Patriotic War, Post-war Moscow.

Георгий Михайлович Попов — личность выдающаяся. На протяжении длительного срока он занимал посты первого секретаря МК и МГК. Однако, сделав блестящую карьеру в молодости, он не сумел сохранить достигнутого положения. В советской историографии не было большого интереса к личности Попова, хотя он эпизодически упоминался в работах, посвященных Москве и Московской партийной организации, а также в справочной литературе ¹. В современной историографии интерес к Москве в годы ВОВ и в послевоенный период отмечается рядом работ ². О Попове как об одном из руководителей партийных структур того периода упоминаний практически нет, но в 2004 г. вышла книга «Партийный губернатор Москвы Георгий Попов», в которой в качестве приложений используется большое количество документов из московских архивов, связанных с деятельностью Попова в годы его работы в Москве ³.

Г.М. Попов родился в Москве 15 сентября 1906 г. в мещанской семье. Его отец был бухгалтером, мать — портнихой ⁴. Как жила семья

Иванов Геннадий Сергеевич — аспирант Московского городского педагогического университета. E-mail: igs105@mail.ru.

Ivanov Gennady S. — graduate student of the Moscow City Pedagogical University. E-mail: igs105@mail.ru.

Попова в дореволюционный период можно лишь из его воспоминаний, в которых говорится, что жила она весьма скромно, временами нуждалась. Отец не всегда имел работу, а матери было крайне сложно прокормить четверых детей и мужа в одиночку ⁵.

В 1919 г. Георгий окончил школу I степени ⁶. Летом того же года из-за высокой безработицы в Москве его семья перебралась в Тамбовскую губернию, а отец остался в Москве ⁷. На тамбовщине Попов работал на предприятиях, специализировавшихся на добыче и переработке торфа. В октябре 1919 г. вступил в ряды Российского коммунистического союза молодежи и достаточно быстро продвинулся по линии комсомольской администрации. Он вел активную работу на посту секретаря волостного комитета РКСМ по созданию комсомольских организаций в Пахотно-Угловской волости, принимал участие в подразверстке, а также состоял в пулеметной команде частей особого назначения в период борьбы с широко развернувшимися на тамбовщине народными выступлениями, вошедшими в историю под названием «антоновщина» ⁸. В 1921 г. Георгий учился на электротехнических курсах, после чего перебрался в Москву, где в 1922 г. закончил совпартшколу Краснопресненского района. В Москве он работал в мастерской, параллельно занимая должность секретаря комитета комсомола Красной Пресни и Замоскворечья.

В 1925 г. Попов закончил вечерний рабфак «Красная Пресня» и курсы инструкторов укомов ⁹ при ЦК ВЛКСМ, после чего по мобилизации ЦК ВКП(б) был направлен в Татарскую республику, где проработал 3 года ¹⁰. В Казани он занимал целый ряд должностей: инструктор и заведующий экономическим отделом укома, секретарь комитета комсомола Казанской текстильной фабрики им. Ленина, секретарь объединенно-слободского райкома ВЛКСМ, член бюро обкома ВЛКСМ и бюро райкома ВКП(б). В 1926 г. Попов стал членом ВКП(б) ¹¹. В 1928 г. Татобком направил его в качестве делегата на Всесоюзный съезд ВЛКСМ. В том же году он был откомандирован для обучения в ВУЗ ¹². Работал в Татарской АССР Попов не долго — всего около трех лет — однако в этот период занимал ответственные посты и, судя по всему, хорошо зарекомендовал себя на комсомольской и административной работе, что позволило ему вернуться в Москву и там развивать свою карьеру.

В 1928 г. Попов приехал в Москву и поступил на работу в Центральный институт труда при Наркомате труда, где проработает до 1937 года. Сначала он был инструктором по фрезерному делу, потом его перевели на должность начальника фрезерного цеха. Помимо работы в ЦИТ он принимал участие в проектировании ряда новых производств, занимался организацией механизации производств на шахте имени ОГПУ в Донбассе. Опыт своей работы на данном направлении Попов обобщил в работе «Отделение вспомогательных процессов от основных и организация обслуживания в угледобывающей промышленности», в которой анализировал успехи стахановских бригад и доказывал эффективность разделения и профилизации труда. Попов отмечал, что индивидуальная прогрессивная сдельная система оплаты труда несет в себе существенно большие преимущества по сравнению с бригадной и открывает возможности для увеличения производительности труда ¹³. Работая в ЦИТ, Попов продолжал заниматься

партийной работой, входил в состав Президиума института и научно-технического совета, вел агитационную и пропагандистскую работу. Параллельно учился в МВТУ. В период с 1936 по 1937 гг. работал на одном из московских авиационных заводов, занимавшихся освоением новых видов боевой техники, одновременно проходил обучение на машиностроительном факультете Промышленной академии, которую окончил в 1938 году¹⁴. В июне 1938 г. перешел на работу в ЦК ВКП(б) в качестве инструктора в отделе руководящих партийных органов. В этой должности Попов проработал недолго, уже 2 ноября того же года его выбрали вторым секретарем МГК ВКП(б). На этом посту Попов принимал участие в работе по реконструкции Москвы и перестройке работы московских предприятий, за что в 1940 г. был награжден орденом Ленина. Вскоре после этого на XVIII съезде партии он был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б), а на XVIII Всесоюзной партийной конференции — членом ЦК ВКП(б)¹⁵. Чем объяснить такой быстрый карьерный рост? Автор биографического очерка о Попове — Е.В. Таранов — объясняет это везением и острой нехваткой кадров в московской партийной организации¹⁶. Вероятнее всего, его сочли благонадежным товарищем, приняв во внимание его деятельность в период борьбы с «антоновщиной», а также работу на шахте имени ОГПУ и рекомендовали И.В. Сталину. В журнале лиц, принятых им в 1938 г., зафиксировано три посещения Попова, состоявшиеся еще до прихода на работу в ЦК ВКП(б)¹⁷.

Еще один важный штрих к портрету Попова добавляет его работа в качестве уполномоченного куратора А.А. Микулина — выдающегося конструктора по авиадвигателям, Героя социалистического труда. В конце 1940 г. Георгию Михайловичу было поручено обеспечить производство двигателя АМ-38. Прибыв на завод, он занял кабинет главного инженера и на производственном совещании настойчиво предложил перевести завод на трехсменную работу, чтобы форсировать сроки подготовки нового двигателя к серийному выпуску. Производство было налажено меньше чем через полгода, то есть в 2 раза быстрее обычного. Правда, роль Попова в данном деле была второстепенной, так как основным стимулом для работников завода было требование Сталина сдать двигатель в четырехмесячный срок¹⁸.

В начале Великой Отечественной войны — 29 июня 1941 г. — Попов в должности члена Военного совета Резервного фронта курировал строительство оборонительных рубежей в Калининской, Орловской и Смоленской областях, а позднее занимался некоторыми вопросами подготовки Москвы к обороне. 15 октября 1941 г. стал уполномоченным ГКО по вопросам производства вооружений и боеприпасов по г. Москве¹⁹. В первые же дни войны по указанию партии и правительства со строек и предприятий было передислоцировано большое количество строителей, рабочих, инженерно-технических специалистов на строительство укреплений по линии Смоленск — Калинин — Брянск в районах Ржева, Сычѳвки, Вязьмы, Селижарово, Ельни. Общее количество задействованных в строительстве рабочих и инженеров составило 55 тыс. человек. Всего на строительстве укреплений трудилось около 460 тыс. человек, 75% которых составляли женщины. С ноября 1941 г. по апрель 1942 г. было построено: противотанковых рвов — 676 км, открыто окопов — 16 500, построено пуле-

метных и артиллерийских точек — 27 641, дотов и дзотов — 3814, установлено 32 260 противотанковых ежей, сооружено 1321 км проволочных заграждений, земляных работ произведено на 4450 тыс. кубометров, лесных завалов сооружено на 38 391 гектаре. Всю оперативную работу по строительству рубежей и огневых точек выполнял отдел строительства и стройматериалов МК ВКП(б) ²⁰.

В начале 1942 г. ГКО поручил Попову организовать выпуск авиационных моторов для штурмовых самолетов и шарикоподшипниковой промышленности ²¹. Имея техническое образование, он вместе с другими крупными специалистами теоретически доказывал преимущества поточных методов производства, активно поддерживал внедрение их на московских предприятиях, что позволило увеличить выпуск военной продукции. После освобождения подмосковного угольного бассейна, осенью 1942 г. по заданию ГКО Попов занимался организацией помощи от предприятий Москвы шахтерам, с целью повышения добычи угля для удовлетворения потребностей столицы в топливе.

В 1943 г. за содействие в обеспечении техникой Военно-воздушных сил Попов был награжден орденом Трудового Красного Знамени ²². Несмотря на тяжелое военное время, в Москве активно строилась третья очередь метрополитена. Естественно в военное время не хватало оборудования и строительных материалов для завершения строительства. Попову было поручено курировать данный объект. Он сумел изыскать необходимые для завершения строительства ресурсы и, благодаря стараниям метростроевцев и помощи предприятий Москвы и области, третья очередь метрополитена была запущена в 1944 году. За это Попов был награжден орденом Ленина ²³.

В декабре 1944 г. он был избран председателем исполкома Моссовета, после чего занялся вопросами благоустройства города и восстановления системы коммунального и городского хозяйства ²⁴. В том же году он был назначен членом Военного Совета Центрального фронта ПВО ²⁵.

После смерти А.С. Щербакова в 1945 г. Попов стал первым секретарем МК и МГК ВКП(б), а в марте 1946 г. секретарем ЦК ВКП(б) ²⁶. С 1946 по 1950 гг. был депутатом Верховного Совета СССР и членом президиума Верховного Совета СССР, одновременно являясь депутатом Верховных Советов РСФСР и УССР с 1947 по 1951 год ²⁷.

Под руководством Георгия Михайловича был разработан план восстановления и развития городского хозяйства Москвы на период четвертой пятилетки ²⁸. Восстановление столицы шло ускоренными темпами, хотя по некоторым направлениям все еще сохранялись значительные отставания. Основное внимание было сосредоточено на жилищном строительстве. Под руководством Попова московская промышленность перевыполнила планы первого и второго годов 4-й пятилетки ²⁹, за что он в 1947 г. во второй раз был награжден орденом Ленина ³⁰. Чтобы ликвидировать отставание от плана в области жилищного строительства, Попов активно продвигал идею возведения малоэтажных типовых домов (от 2 до 5 этажей) в целях экономии средств и времени, а также отказ от их наружной отделки и архитектурной облицовки в целях минимизации затрат рабочей силы ³¹. Эти планы Сталин подверг критике, так как считал, что малоэтажное

строительство не послужит украшению столицы советского государства. Позднее идеи Попова стал активно воплощать в жизнь Н.С. Хрущёв.

Заняв пост первого секретаря МК и МГК, Попов изменил кадровую политику и допустил ряд существенных ошибок. Поворотным моментом в его судьбе стало письмо с жалобой на него в Политбюро от 20 октября 1949 года³². Рассмотрев его, Сталин написал записку Маленкову, в которой отметил, что «сигналы» о Попове поступали и ранее: «Дело в том, что упомянутые в письме факты мне хорошо известны, о них я получал несколько писем от отдельных товарищей Московской организации. Возможно, что я виноват в том, что не обращал должного внимания на эти сигналы. Но теперь, после неподобающих действий тов. Попова в связи с электрокомбайном, вскрывших антипартийные и антигосударственные моменты в работе тов. Попова, Политбюро ЦК не может пройти мимо вышеупомянутого письма... Мое предложение: а) назначить комиссию Политбюро для проверки деятельности т. Попова с точки зрения отмеченных в письме трех инженеров фактов...»³³ Специальная группа Политбюро (Г.М. Маленков, В.М. Молотов, Л.П. Берия, А.И. Микоян, Л.М. Каганович, Н.А. Булганин) признала объяснения Попова неудовлетворительными. Постановлением Политбюро от 12 декабря 1949 г. он был освобожден от обязанностей секретаря МК и МГК за зажим критики и самокритики, недостатки в работе на местах, неправильное отношение к кадрам и нарушение партийной дисциплины³⁴. На пост секретаря ЦК ВКП(б) и секретаря МК и МГК ВКП(б) 13 декабря 1949 г. был избран Хрущёв³⁵, а 18 января 1950 г. состоялась VII сессия Моссовета 2-го созыва, на которой было принято решение освободить Попова от обязанностей председателя исполкома Московского городского Совета трудящихся. С 31 декабря 1949 г. Попов занял должность министра городского строительства СССР³⁶. Но в марте 1951 г. министерство было ликвидировано, а сам Попов переведен на должность министра сельскохозяйственного машиностроения СССР, где проработал до конца года³⁷. По всей видимости он не справился с возложенными на него обязанностями и в декабре 1951 г. был назначен директором завода № 24 им. Фрунзе в Куйбышеве³⁸. В этой должности бывшему министру пришлось проработать недолго, но весьма продуктивно. Как следует из его воспоминаний, за время его работы на заводе план был выполнен на 106%³⁹.

Вновь занять высокий и ответственный пост Попов смог только после смерти Сталина. В марте 1953 г. Хрущёв вызвал его в ЦК КПСС и назначил на пост полномочного посла СССР в Польше. Однако и здесь Попов допустил ряд ошибок. Однажды он получил письмо, которое написал советский офицер, служивший инструктором в польской армии, о беспорядках в их гарнизоне, пренебрежении командования службой, пьянстве польских офицеров, низкой дисциплине рядовых и т.п. Попов, перенаправил письмо в Москву министру обороны Булганину. Вскоре Попова вызвали в Москву. «Захожу в кабинет, — рассказывал Георгий Михайлович, — там Булганин, Хрущёв и Берут. Булганин достает письмо и зачитывает. Берут — мне: “А еще другом звался! Не мог мне письмо показать?” Хрущёв: “А твой друг Попов

хотел на польскую армию донести и нас с тобой поссорить”. С Берутом Попов больше не встречался».

На одном из приемов Хрущёв неслестно отзывался о работе Попова: «А у нас до хрена паршивых дипломатов. Самодуры и бездельники. Они позорят перед миром Советский Союз. В Польше посол Ирана собирал весь дипломатический корпус по поводу национального праздника, все пришли, а наш посол не пришел, не соизволил, посчитал ниже своего достоинства. Как вы думаете, поднимает это зазнайство наш престиж? (Выкрики: Кто там посол, кто такой?) А-а, один москвич. Так вот, — продолжал Хрущёв, — был прием в нашем посольстве в дни Октябрьских праздников, посол Ирана приехал, зарегистрировался и сказал нашему послу: “Я приехал, потому что очень уважаю вашу страну. А вас я не уважаю, поэтому немедленно уезжаю”. Так-то наши представители способствуют укреплению дружбы между народами»⁴⁰. На дипломатической работе Попов находился немногим больше года, и по решению ЦК КПСС вернулся на хозяйственную работу — директором авиационного завода № 452 во Владимире, на которой и оставался до выхода на пенсию в 1965 году⁴¹. Оставив работу, Георгий Михайлович прожил недолго. 14 января 1968 г. он скончался на 62-м году жизни⁴² и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Попов был достаточно интересной политической фигурой в истории Москвы 1940-х гг., хорошо проявившей себя в тяжелые военные годы, когда было необходимо своевременно и точно решать вопросы по обеспечению обороны, поставок фронту, организации тыловой работы. На этом этапе своей работы он показал себя наилучшим образом. Его заслуги были отмечены правительственными наградами. Но став первым секретарем МК и МГК ВКП(б), оказался самоуверенным руководителем. По всей видимости, его не любили подчиненные. Ошибки, допущенные в руководстве, привели к тому, что Попов лишился доверия Сталина, был отстранен от должности первого секретаря МК и МГК ЦК ВКП(б), секретаря ЦК ВКП(б), члена Оргбюро ЦК. Его карьера завершилась на хозяйственной работе — в должности директора завода. Трудно объяснить, чем он руководствовался, оформляя досрочный выход на пенсию, вероятнее всего, ему хотелось проводить больше времени с семьей и в размышлениях о пройденном пути, о допущенных ошибках.

Примечания

1. АЛЕЩЕНКО Н.М. Московский Совет в 1941—1945 гг. М. 1980; БУКОВ К. Все мы были солдатами. Московская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. М. 1972; ЕГО ЖЕ. Москва военная, 1941—1945: Мемуары и архивные документы. М. 1995; Большая Советская Энциклопедия. Т. 20. М. 1975, с. 359.
2. КРУЖКОВ Н.Н. Высотки сталинской Москвы. М. 2014; Москва послевоенная 1945—1947: Архивные документы и материалы. М. 2000; ОПЕНКИН Л.А. Оттепель: как это было (1953—1955 гг.). М. 1991.
3. ТАРАНОВ Е.В. Партийный губернатор Москвы Георгий Попов. М. 2004.
4. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы), ф. 8739, оп. 1, д. 54, л. 8.
5. ТАРАНОВ Е.В. Ук. соч., с. 112.
6. ЦГА Москвы, ф. 8739, оп. 1, д. 54, л. 8.

7. ТАРАНОВ Е.В. Ук. соч., с. 4.
8. «Антоновщина» — вооруженное крестьянское выступление в Тамбовской, Саратовской, Пензенской и Воронежской губерниях в 1920—1921 годах. Участники требовали отмены продразверстки, добивались права самостоятельно распоряжаться землей. Выступали против «красного террора» и комиссаров. Во главе стоял эсер А.С. Антонов, который сформировал партизанскую армию, включавшую до 20 полков. С большим трудом войска Красной армии смогли ликвидировать это массовое крестьянское выступление. См.: Словарь исторических терминов. СПб. 1998, с. 10.
9. Уездный комитет (партии, комсомола).
10. ЦГА Москвы, ф. 8739, оп. 1, д. 54, л. 10.
11. Там же.
12. Там же, л. 8.
13. Организация труда в стахановском движении. Сборник ЦИТ (ЦИТ НКТП СССР) М.-Л. 1936, с. 64—105.
14. ЦГА Москвы, ф. 8739, оп. 1, д. 54, л. 10.
15. Там же, л. 8, 10.
16. ТАРАНОВ Е.В. Ук. соч., с. 7.
17. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным в 1924—1953 гг. Справочник. М. 2008, с. 687.
18. ЛАЗАРЕВ Л. Взлет. М. 1978, с. 192—199.
19. ЦГА Москвы, ф. 8739, оп. 1, д. 54, л. 8, 10.
20. Там же, ф. П-3, оп. 66, д. 13, л. 2—3.
21. Там же, ф. 8739, оп. 1, д. 54, л. 9—10.
22. Там же, л. 9.
23. Там же.
24. Там же, л. 11.
25. Там же, л. 9.
26. Там же, л. 11.
27. Там же, л. 9.
28. ПОПОВ Г.М. Пятилетний план восстановления и развития городского хозяйства Москвы на 1946—1950 годы. М. 1946.
29. ЦГА Москвы, ф. 8739, оп. 1, д. 54, л. 11.
30. Там же, л. 9.
31. Там же, ф. П-4, оп. 45, д. 13, л. 47—60.
32. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945—1953. М. 2002, с. 319—320.
33. Там же, с. 321—322.
34. Там же, с. 322—325.
35. Там же, с. 78.
36. ЦГА Москвы, ф. 8739, оп. 1, д. 54, л. 9.
37. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945—1953, с. 593.
38. Там же.
39. ЦГА Москвы, ф. 8739, оп. 1, д. 54, л. 9.
40. ТАРАНОВ Е.В. Ук. соч., с. 99—101.
41. ЦГА Москвы, ф. 8739, оп. 1, д. 54, л. 9.
42. ТАРАНОВ Е.В. Ук. соч., с. 101.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

УДК 930.85

С.С. Прокофьев, Д.Д. Шостакович и В.М. Молотов

(по поводу одного письма 1950 г.)

В.В. Перхин

Аннотация. Публикуется неизвестное письмо Д.Д. Шостаковича о С.С. Прокофьеве, характеризуются обстоятельства его появления, особенности этических позиций Шостаковича и В.М. Молотова, соотношение политического и этического в принятии решений государственным деятелем.

Ключевые слова: музыка, этика, политика, гуманизм, милосердие.

Abstract. Published unknown the letter D.D. Shostakovich, S.S. Prokofiev, characterized by the circumstances of his appearance, particularly ethical views of D. D. Shostakovich and V.M. Molotov, the ratio of political and ethical in decision-making statesman.

Key words: music, ethics, politics, humanism, mercy.

Об отношении власти большевиков к артистической интеллигенции опубликовано много документов¹. Но их корпус в государственных архивах еще далеко не исчерпан. Это подтверждает и письмо Д.Д. Шостаковича о С.С. Прокофьеве, публикуемое впервые.

В 1947 г. при поддержке Всесоюзного комитета по делам искусств композитор, вернувшийся из эмиграции в 1936 г., получил звание «Народный артист РСФСР»². В начале 1948 г. в постановлении ЦК ВКП(б) об опере В.И. Мурадели «Великая дружба» он был назван композитором, «придерживающимся формалистического, антинародного направления»³. В недавно опубликованном дневнике его жены М.А. Мендельсон-Прокофьевой подробно, день за днем описано состояние композитора после этого постановления. Очень часто там встречаются выражения «плохое самочувствие», «категорическое запрещение врачей»⁴. Однако несмотря на болезненное и тягостное состояние композитор продолжал работать — писал оперу «Повесть о настоящем человеке» о силе духа русского, советского человека в годы Великой Отечественной войны. Она создавалась по заказу Ленинградского театра оперы и балета им. С.М. Кирова. В конце года прошло ее концертное

Перхин Владимир Васильевич — доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: Perhin-vlad@yandex.ru.

Perkhin Vladimir V. — doctor of philology sciences, professor of the St. Petersburg State University. E-mail: Perhin-vlad@yandex.ru.

исполнение. Оно было плохо подготовлено. Композитор находился в зале и был поражен: «Певцы и оркестр выучили оперу еле-еле... Певцы читали по слогам...» (с. 371). В результате вместо «реабилитации» в глазах власти, желавшей, чтобы композитор писал мелодичную и «понятную» массам музыку, он опять услышал ропот недовольства и претензии. Одновременно от него требовали переделать оперу «Война и мир», написанную в годы войны. «Сережа, — записано в дневнике жены, — удивительно умеет брать себя в руки, но как непоправимо все это сказывается на его здоровье» (с. 393). 1949 г. начался с упреков в прессе о «крайней формалистичности» музыки в опере «Повесть о настоящем человеке» (с. 394). Из-за этого Прокофьеву не оплатили работу над этим сочинением; был выдан только аванс (с. 401). Наступало безденежье, композитор не мог расплатиться с долгами, которые он сделал для покупки дачи. Деньги были нужны и на помощь детям, которым он обеспечивал «регулярно деньги на питание, квартплату» (с. 401). Здесь надо напомнить, что дети у Прокофьева были от первого брака с певицей испанского происхождения Линой Ивановной Прокофьевой, с которой он расстался еще перед войной. 20 февраля 1948 г. ее арестовали, она оказалась в лагере⁵. Сыновья остались без матери. Прокофьев никому не говорил о своих переживаниях, но это жизненное испытание могло только усилить развитие гипертонической болезни.

Композитору нужна была кардинальная медицинская помощь. 16 февраля 1950 г. жена записала в дневник: «Сегодня решила позвонить Д.Д. Шостаковичу, зная его отзывчивость в подобных случаях. Через час после моего звонка Шостакович был у нас (впервые). Он обещал сделать все, что можно, понимая всю трудность нашего нынешнего положения. Он понял, что для Сережи крайне важно находиться в момент моей операции под наблюдением врачей, где в любую минуту ему может быть оказана срочная помощь; понял, что означает для меня сознание того, что Сережа поставлен в наилучшие условия; понял, что означает для нас обоих возможность видеть друг друга, находясь в одном помещении» (с. 422).

Может быть, как никто Шостакович понимал состояние Прокофьева и потому еще, что их имена стояли рядом в списке сочинителей «антинародной» музыки. К тому же он был депутатом и заботиться о ближних было для него привычным делом. Личное сочувствие горю Прокофьева и общественная обязанность совпали. Уже на следующий день появилось письмо на бланке «Депутат Верховного Совета РСФСР Шостакович Дмитрий Дмитриевич» (оно сохранилось в фонде В.М. Молотова в Российском государственном архиве социально-политической истории):

17 февраля 1950 г.

Заместителю Председателя Совета Министров СССР
Вячеславу Михайловичу Молотову

Многоуважаемый Вячеслав Михайлович!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой: окажите, пожалуйста, содействие в помещении выдающегося советского композитора Сергея Сергеевича Прокофьева и его жену Мирру Александровну (так в подлиннике. — *В.П.*), в Кремлевскую больницу. С.С. Прокофьев страдает гипертонией в повышенной форме, а у его жены образовалась киста и ей требуется серьезная операция. Здоровье С.С. Прокофьева вызывает тревогу. Профессора, наблюдавшие за его здоровьем, работают в лечсанупре (лечебно-санитарное управление. — *В.П.*) Кремля и таким образом, они смогут за ним наблюдать, если его и его супругу поместят в Кремлевскую больницу. С.С. Прокофьев не прикреплен к лечсанупру Кремля. Если можно это сделать, то надо его прикрепить. И, во

всяком случае сейчас, может быть в порядке исключения, положить его в больницу.

Очень прошу Вас помочь в этом деле.

Примите мои лучшие пожелания

Д. Шостакович

Москва 151, Можайское шоссе, 37/45, кв. 87. Тел. Г1-22-56.

Сообщаю адрес С. С. Прокофьева в Москве, Проезд Художественного театра, 6, кв. 47.

Тел. К1-97-68⁶.

Текст напечатан на машинке прописными буквами, подпись — автограф. В левом верхнем углу письма резолюция: «Разрешаю поместить Прокофьева и жену. В. Молотов. 17. II». День в день. 18 февраля жена записала в дневник: «Все произошло действительно с молниеносной быстротой. Оказывается, Шостакович написал В.М. Молотову. Нас вдвоем поместили в кремлевскую больницу... Сережа взял с собой портфель, в который вложил партитуру “Каменного цветка”» (с. 422).

Операцию жене сделали быстро и выписали из больницы, а Прокофьев оставался там до начала апреля. Потом лечение продолжалось в санатории. Полное выздоровление так и не наступило. Но милосердие Шостаковича продлило жизнь композитора на три года. Он сочинил много прекрасной музыки, в том числе балет «Сказ о каменном цветке», Седьмую симфонию и Симфонию-концерт для виолончели с оркестром. Премьера концерта состоялась в феврале 1952 года. Исполнял М.Л. Ростропович, оркестром руководил С.Т. Рихтер. Это произведение и сейчас рассказывает людям о трагических переживаниях художника давно ушедшей эпохи. А его исполнение при жизни композитора показывает, что искусство Прокофьева все же не удалось в полной мере вывести из художественного оборота. Правда о трагизме жизни доходила до современников вопреки всем попыткам борцов с «формализмом». А они, надо отметить, продолжали действовать: упомянутая брошюра была подписана в печать 12 сентября 1951 г. — к пятилетию первого из четырех постановлений. Ее тираж — 500 000 экземпляров. И в то же время, когда она продавалась во всех книжных магазинах, планировались концерты Прокофьева, продолжала звучать его музыка. Косвенно этому помог и Молотов, как бы оказавший покровительство художнику своим указанием об устройстве супругов в Кремлевскую больницу.

Чем руководствовался Молотов, мы можем только предполагать. Нельзя исключать, что и для него этот жест был в какой-то мере продиктован человеколюбием. Одно можно сказать точно: прежде всего он учитывал политическую целесообразность своих действий, как и все большевистские руководители. А она заключалась в том, что в 1949 г. Шостакович, командированный в США, укреплял авторитет Советского Союза и его руководителей. В этой роли «человеческого лица» большевистского режима он был нужен и в дальнейшем. Поэтому откликнуться на его просьбу считалось политически целесообразным в расчете на последующую «благодарность» Шостаковича. Подобное было и раньше. Например, в 1947 г., после переезда из Ленинграда на жительство в Москву, Шостаковичу выдали 60 000 руб. «на хозяйственное обзаведение»⁷.

Прокофьев никогда не получал от власти такой значительной финансовой поддержки, к тому же, подчеркнем, тайной, в отличие от гласных сумм Сталинских премий. Да и они после 1947 г. обходили его стороной. В то время как Шостакович продолжал их получать: в 1950 г. — за музыку к фильму «Падение Берлина», в 1952 — за 10 поэм для хора без сопровождения на слова русских революционных поэтов. В отличие от Прокофьева он более точно выбирал политически безупречное содержание для своих работ. Но когда в

1957 г. Молотов потерял политическое влияние, Шостакович способствовал тому, чтобы через несколько месяцев отменили постановление об «антинародной» музыке. Это был акт защиты чести и достоинства композиторов, их музыки, в том числе Прокофьева, а в конечном счете — акт милосердия.

Человеколюбие и сострадание — это этические ценности Прокофьева и Шостаковича, которым они были всегда верны. Молотов не придавал им высшего значения, можно сказать, он изъясил их из своего лексикона и только иногда проявлял движения, похожие на заботу о человеке, как в случае с откликом на письмо Шостаковича о страданиях Прокофьева.

Примечания

1. См.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б) — ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1917—1953 гг. М. 1999.
2. См.: Деятели русского искусства и М.Б. Храпченко, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств (апрель 1939 — январь 1948). Свод писем. М. 2007, с. 596—608.
3. После публикации в газетах оно переиздавалось в брошюрах. См.: О журналах «Звезда» и «Ленинград». О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению. О кинофильме «Большая жизнь». Об опере «Великая дружба» В. Мурадели. М. 1952, с. 26.
4. МЕНДЕЛЬСОН-ПРОКОФЬЕВА М.А. О Сергее Сергеевиче Прокофьеве. Воспоминания. Дневники (1938—1967). М. 2012, с. 415. Далее страницы этого издания указываются в тексте.
5. О ней см.: MORRISON S. The Love and Wars of Lina Prokofiev. London. 2013.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 82, оп. 2, ед. хр. 1464, л. 63—63об.
7. См.: Москва послевоенная. 1945—1947. Архивные документы и материалы. М. 2000, с. 681; Деятели русского искусства и М.Б. Храпченко..., с. 643.

Социальная структура России в период Петровских преобразований (на примере Кунгурского уезда первой трети XVIII в.)

Е.В. Бородина

Аннотация. Публикация посвящена вопросу влияния преобразований Петра Великого на развитие социальных структур России XVIII столетия. На основе анализа материалов переписей и описи судебных дел, разбиравшихся в Кунгурском уезде в первой трети XVIII в., автор приходит к выводу, что государственное структурирование общества оказывало воздействие на самоидентификацию населения страны, когда соотнесение себя с той или иной социальной группой становилось невыгодным.

Ключевые слова: Российская империя, социальная история, реформы Петра Великого, Урал, перепись, социальная структура.

Abstract. The work deals with the problem of influence of Peter the Great's reforms on the social structure of Russia in the 18th century. The analysis of different range of sources such as censuses and inventory of trials conducted in Kungur district at the first third of the 18th century made the author to come to the conclusion that state policy of social structuring had great impact on the self-identification of population as association with some social strata had become disadvantageous.

Key words: Russian Empire, social history, reforms of Peter the Great, Ural, census, social structure.

Первая четверть XVIII в. характеризуется как время проведения активных преобразований в России, которые охватывали все сферы жизни русского общества: политическое устройство, систему хозяйствования, культуру, социальные отношения. Бесспорно, все преобразования были тесно связаны друг с другом: реформы в одной области с той или иной степенью влияли на изменения в другой. Тем не менее, следует подчеркнуть, что все преобразования в наибольшей степени отразились на конфигурации общественного устройства зарождающейся империи, оказав на нее как прямое, так и косвенное воздействие.

В частности, реформы системы государственного аппарата предопределили изменения в системе служилых чинов и заложили новые основы функциони-

Бородина Елена Васильевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; доцент Уральского федерального университета. Екатеринбург. E-mail: sosnovi-bor@yandex.ru.

Borodina Elena V. — candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute of History and Archaeology, Ural brunch of RAS; associate professor of the Ural Federal University. Ekaterinburg. E-mail: sosnovi-bor@yandex.ru.

рования бюрократии. Военная реформа привела к формированию новых социальных групп — солдат и отставных солдат. Политика, направленная на создание промышленности, укрепляла положение категории мастеровых людей и формировала группы посессионных крестьян, всецело принадлежавших заводам. Реформа налогообложения предполагала изменение социальной структуры общества, разделив все категории населения на тех, кто платит подати, и освобожденных от этой обязанности¹.

Несмотря на многочисленные трансформации государственных и общественных структур, они не могли измениться в одночасье. На сегодняшний день в историографии утвердилось мнение о том, что процессы, вызванные преобразованием социальной среды, происходили медленно, нововведения не всегда находили общественное одобрение, что время от времени выливалось в открытое сопротивление начинаниям петровской поры.

Целью данной работы является желание проследить, каким образом происходило изменение социальной структуры общества в условиях преобразований Петра I на примере одного из уездов России. Основное внимание будет сосредоточено на характеристике социальной организации такой административно-территориальной единицы Урало-Сибирского региона, как Кунгурский уезд. Хронологические рамки исследования охватывают первую треть XVIII в., что связано с необходимостью проследить динамику социальных трансформаций на протяжении всего времени проведения реформ первого российского императора, которая была обусловлена, во-первых, началом рекрутских наборов и городской реформой рубежа XVII—XVIII вв., во-вторых, активными административными и социальными реформами конца 1710-х — первой половины 1720-х годов.

Основой для проведения исследования послужили документы, отложившиеся в результате деятельности административно-судебных структур Кунгура, существовавших в первой трети XVIII века. Среди них — данные переписей, а также материалы, связанные с деятельностью региональных административных учреждений, облеченных судебными полномочиями.

При характеристике общественной структуры следует разложить его на относительно однородные социальные группы. С одной стороны, организация и состав этих сословных групп определяются государством, стремящимся упорядочить социальную организацию с целью удобства управления. С другой стороны, общество формируется стихийно, расслоение в нем происходит в зависимости от иных факторов. В соответствии с позицией Б.Н. Миронова, социальное положение индивида можно определить, используя несколько критериев. Среди них — самоидентификация и перекрестная идентификация². Несмотря на то, что данные критерии Миронов применял для выделения классов, мы можем их использовать и для определения сословных групп, представители которых, находясь в условиях социальной реконфигурации, не могли быстро расстаться с прежними ментальными и психическими установками. Наше внимание было сфокусировано на характеристике идентификации и самоидентификации населения уезда. На наш взгляд, процессы идентификации позволяют определить степень принятия населением уезда преобразований первой четверти XVIII в. и определить скорость усвоения новых общественных образцов.

Кунгур — административный центр Кунгурского уезда — был основан еще в середине XVII века. Несмотря на это, как отмечают многие историки и краеведы, в течение XVII в. город ничем не выделялся. Его активное развитие пришлось на начало XVIII столетия. Интенсификация жизни Кунгура и его округа началась во многом благодаря экономическим реформам Петра Великого. Произошло становление кожевенного производства и горнодобывающей промышленности. Создание и развитие обоих видов производства, а также

статус города — административно-территориального центра — не могли не оказать влияния на социальную конфигурацию общества.

Постепенный и последовательный рост населения был зафиксирован в ходе государственного налогового учета, в ходе которого под контроль властных структур попадали все новые социальные группы ³.

По переписным книгам 1679 г. в Кунгуре и его окрестностях было зарегистрировано 68 дворов посадских людей, в которых проживало 203 чел., 22 двора бобылей (44 чел.), 73 двора стрельцов (88 чел.) и 3 пушкарских двора (5 чел.). Кроме того, в книгах было зафиксировано 22 двора «нищетских» (52 чел.), 1 двор ссыльного (1 чел.), 1 двор «запленного мастера» и 1 двор отставного стрельца (3 чел.). В ряде случаев во дворах указанных социальных категорий также проживали подсоседники и захребетники. Отдельно были учтены и жившие у церкви Благовещения пресвятой Богородицы поп, дьякон, дьячок, пономарь, трапезник, вдовья попадья и просвирница ⁴.

По данным выписки из книги 1702 г., приведенной В.Н. Шишонко ⁵, в уезде было зарегистрировано 113 посадских и 1116 крестьянских дворов. Кроме того, учету подверглось 368 дворов татар, черемис и остяков ⁶.

По «Табели Сибирской губернии ис переписных книг 1710 году дворовому числу и людям» на начало 1710-х гг. в Кунгурском уезде проживало 28 700 человек (в число переписанных не вошли представители духовного сословия и церковного клира — «монахи, попы и дьяки»). Среди дворов местных жителей Кунгура и его окрестностей были обозначены домовладения разнообразных социальных категорий. Среди них можно найти дворовладения служилых людей (5 дворов дворян и детей боярских, 44 солдатских и драгунских двора, 34 казачьих двора, 20 пушкарских дворов, 8 дворов отставных служилых людей), посадских (103 двора) и крестьян (3004 двора государевых пашенных и оброчных крестьян, 8 дворов архиерейских и монастырских крестьян), государственных бобылей и захребетников (83 двора), мастеровых людей (1 двор). Кроме того, в «Табели» выделены «нищецкие дворы» (25), в которых проживало 1108 человек мужского и женского пола ⁷.

Данные переписи легли в основу административного деления в ходе второй областной реформы конца 1710-х — начала 1720-х гг., по которой Кунгурский уезд вошел в состав Сибирской губернии ⁸. По всей видимости, административно-территориальные границы уезда были пересмотрены, так как данные о числе дворов в указе (3302) отличаются от суммарного количества дворов, представленного в Табели (3335).

По подсчетам М. Клочкова, численность податного населения в Сибирской губернии увеличилась на 47,9% ⁹. Данная тенденция была обусловлена как миграционными процессами, так и естественным приростом населения и указанием в переписи 1710-х гг. сведений о количестве как мужского, так и женского населения. Кроме того, в число переписанных постепенно включались новые социальные группы. В частности, были зарегистрированы дворяне и дети боярские, а также солдаты, драгуны и мастеровые. В отличие от переписи 1702 г., в сводной ведомости в качестве отдельной социальной группы не было выделено нерусское население уезда. Несмотря на это, следует отметить, что его учет в Сибирской губернии велся, о чем говорят переписные книги татарских деревень уездов ¹⁰.

Дальнейшие контрольно-учетные мероприятия также последовательно охватывали разные сословные группы. В соответствии с указами конца 1719 — начала 1720-х гг., в переписные книги попали жители Кунгура разных сословий: крестьяне, посадские и «разночинцы». Не вдаваясь в тщательный анализ достоверности представленных в переписях данных об общей численности населения страны на рубеже XVII—XVIII вв., уже произведенный на высоком

уровне такими историками, как М. Клочков, Я.Е. Водарский и др.¹¹, обратим внимание лишь на сословные группы, которые были выделены в ходе этих государственных мероприятий.

Материалы, отложившиеся во время переписей и последующих ревизий, предоставляют ценные сведения об изменениях в структуре как городского, так и сельского населения, позволяя выделить новые социальные группы и определить основные тенденции развития уезда. В частности, представленная в источниках информация позволяет наблюдать процесс превращения Кунгура в крупный торгово-ремесленный центр. Об этом свидетельствует не только увеличение численности посадских людей, но и ряд других признаков. В переписной книге 1719 г. помимо пахотных крестьян, живущих среди посадских Кунгура (50 дворов), были отмечены посадские люди, которые не владели пашней, занимаясь исключительно торгом, промыслом и «работой» (37 дворов).

Последняя социальная группа имела достаточно высокий уровень благосостояния, о чем свидетельствуют данные о дворах этих кунгурцев. В отличие от описаний владений представителей других социальных категорий, называемых в описи «дворишками» и «избенками», при характеристике указанных дворовладений почти не используются уменьшительные суффиксы: в 36 случаях из 37 они называются дворами. В описи владений кунгурских пахотных крестьян используются разные наименования: «дворы», «дворишки», «избенки», что говорит о достаточно высокой степени имущественного расслоения среди крестьян при посадке. В итоговой сводке переписной книги дворы этих посадских названы первостатейными.

Наряду с уже указанными социальными группами в переписную книгу за 1719 г. вошли также «города Кунгура жители, которые пашни не имеют и никаких промыслов, кормятца работою» (213 дворов) и бобыли, жившие в посадке (22 двора). Подавляющее большинство их дворов не являлось крепкими хозяйствами, что нашло отражение в описаниях. Среди кунгурцев, не имевших пахоты и работавших по найму, нашлось лишь 14 сильных дворохозяев, среди бобылей — 1.

Таким образом, городская среда Кунгура характеризовалась имущественным расслоением. Данные переписной книги 1719 г. отличает использование старой схемы учета населения (по дворохозяевам) при одновременном выделении более или менее однородных социальных групп. Несмотря на это, итоговая ведомость о количестве кунгурских жителей представлена с использованием группировки по возрасту. Следует обратить внимание на то, что число бобыльских дворов в городе не изменилось по сравнению с данными переписи 1679 г., тогда как количество дворов посадских и их общая численность возросли более чем в два раза. Переписчики не посчитали необходимым выделить группу «нищие», используя другой метод группировки — по роду занятий, указывая на низкий уровень благосостояния того или иного двора с помощью соответствующей терминологии¹².

Данное обстоятельство было также обусловлено требованиями законодательства. Указ от 22 января 1719 г. предписывал «брать во всех губерниях сказки... о двороцовых и прочих государевых, патриарших, архиерейских, монастырских, церковных, помещиковых и вотчинниковых селах и деревнях, також однодворцам, татарам и ясачным, (кроме завоеванных городов и астраханских и уфимских татар и башкирцов и сибирских ясачных иноземцев, о которых будет особое определение впредь) без всякой утайки, не зирая ни на какия старья и новья о дворовом числе и поголовных переписки, но учиня самим переписки правдивья, сколько где в которой волости, в селе или в деревне крестьян, бобылей, задворных и деловых людей (которые имеют свою пашню) по именам их мужеска пола, всех, не обходя от старого до самого последнего

младенца, с летами их»¹³. Как видно из указа, первоначальным требованием властей было описать состав податного населения в сельской местности, а «о расположении посадских людей указ учинен будет впредь»¹⁴.

Местная администрация Кунгура, проявив инициативу, предвосхитила требования реформаторов. Канцеляристы создали свою систему и классификацию учета населения города, не имея четких указаний о том, каким образом следовало оформить формуляры документов переписи¹⁵. Возможно, данное начинание было вызвано появлением указа от 17 апреля 1719 г., который предписывал отсылать переписи «всякого чина людей» к бригадиру Зотову до конца года¹⁶. Правда, в перепись попало всего 905 душ мужского пола

Распоряжение о переписи горожан было артикулировано лишь 16 февраля 1721 г.¹⁷ — через месяц после издания Регламента Главному магистрату. В приложениях к данному нормативному правовому акту впервые появились формуляры «к описанию жителей в городах и оных художеств» и «Генеральной росписи всем в городах Российского государства жителям в 1721 году»¹⁸. Жителей городов предполагалось расписать по следующим группам: «коронные, городовые, церковные, школьные служители», «монастырские служители и обыватели», «временные обыватели шляхетных и ученых», «торговые люди», «художники», «фабриканты и ремесленники», «извозчики крестьянские, работные и иные подлые люди», «шинкари», «старые и немощные люди», «гуляки» и «домашние люди».

Сопоставление классификационных сеток переписной книги Кунгура 1719 г. и формуляра генеральной росписи, содержащейся в Генеральном регламенте, показывает серьезные различия между ними. В первую очередь, следует отметить наличие категории пашенных крестьян и бобылей в структуре города. Классификация посадских была произведена очень условно. Появление формуляра и Кунгурской ратуши (1721 г.) не смогло коренным образом изменить ситуацию с учетом и систематизацией населения. Деление городского сообщества на группы могло быть передано только приблизительно, так как в некоторых случаях сфера занятий кунгурцев не всегда поддавалась четкому определению в соответствии с выделенными государством группами.

Новый виток контрольно-учетных мероприятий позволил, с одной стороны, расширить число податных, с другой, — уточнить структуру населения Кунгура за счет включения новых социальных групп. Согласно переписной книге 1721 г., дополнявшей данные 1719 г., в Кунгуре были учтены также разночинцы. В их число попали представители региональной администрации, канцеляристы, «заплечных дел» мастер, служилые люди по прибору (пушкари и стрельцы) и солдаты, как отставные, так и на действительной службе.

Обратимся к анализу каждой из перечисленных социальных категорий. Как и все прочие социальные группы, представители администрации разного уровня были учтены вместе с иными лицами мужского пола, составлявшими их семью или жившими в их дворах. В отличие от предыдущей переписной книги данные о состоятельности дворохозяйства в новой переписной книге не приводятся, но принцип записи по дворам продолжает действовать. Запись начинается с указания главы семейства (имени должностного лица или канцеляриста), после чего перечисляются дети, братья, отцы, а также работники и иные лица, находившиеся в услужении. Среди работников мы можем встретить как русских, так и «инородцев», как лично свободных, так и крепостных («новокрещенные из черемис», «работной крепостной башкирской породы»).

Отдельной фиксации подверглись данные о солдатских детях, не указывавшихся ранее в документах. Как можно заметить по переписи, многие солдаты проживали в Кунгуре самостоятельными дворохозяйствами, а не в гарнизоне. Они оказались зарегистрированы во главе групп, состоявших из их сыно-

вей, братьев и отцов. В ряде случаев напротив имени и возраста указывались данные о состоянии здоровья детей, требовавшиеся, по всей видимости, для оценки потенциала возможных солдат регулярной российской армии. Действительно, в переписной книге встречаются солдаты во втором поколении: «Ефим Данилов сын Розорвин 19 лет, у него отец, отставной солдат за старостию, Данило Васильев сын 48 лет, у него дети: Федор 13, Лука 7 год». Можно увидеть также и другие родственные отношения между солдатами и солдатскими детьми: «Захар Ларионов сын Суятин (в подписи Суетин) 27 лет, у него дети: Степан 7, Максим 6 лет, да у него ж племянники родные солдатские дети: Дий Корнилов сын Белозеров 13 лет, у него братья: Аврам 11, Никон 6 лет».

В переписных книгах была сделана попытка разграничения группы отставных солдат, пушкарей и стрельцов и тех, кто находился на службе. Перепись 1721 г. объединила всех отставных в одну группу, вне зависимости от того, являлись ли они служилыми по прибору или входили в состав регулярной армии. Источник показывает, что среди служилых по прибору в Кунгуре сохранилась лишь категория пушкарей, в том числе пушкарей, состоявших у «горных дел». К началу 1720-х гг. солдаты превращались в стабильную социальную группу, которая была занята не только на службе в гарнизоне, но и искала отпусковых и беглых, исполняла другие поручения. Отставные солдаты были заняты на разнообразных работах как в самом Кунгуре, так и вне города¹⁹.

Из сказанного выше видно, что в переписные книги попала значительная часть населения, не подлежащего податному обложению. Вторая перепись увеличила численность населения Кунгура до 1221 душ мужского пола. Ревизия 1722—1723 гг., проводившаяся под руководством подполковника, князя Солнцева-Засекина, увеличила количество жителей города до 1450 душ м.п., проживавших в 489 дворах. Классификация, использованная переписчиками, была проще той, что предлагалась Регламентом Главному магистрату в 1721 году. Все население было поделено на «города Кунгура посадских людей», «нищих, которые живут в богадельне», «нищих-ж» и «явльшееся». Кроме того, были учтены те посадские, которые не жили в городе на постоянной основе, а обрелись в работах на железоделательных и соляных заводах в Невьянске, Соли Камской и на Уктуссе²⁰.

Изучение социальных классификаций, использовавшихся в переписных книгах, показывает, что у местных администраторов Кунгура, осуществлявших учет населения в первой четверти XVIII в., возникали сложности с установлением четких критериев для выделения социальных категорий проживавших в городе и примыкавших к нему деревнях. Что же представляет собой социальная структура, реконструируемая по дошедшей до нас статистике обращений в судебные-административные органы Кунгура первой трети XVIII века?

Анализ данных описи дел судебно-административных учреждений уезда²¹ показывает, что в течение всего времени их существования наиболее активно, часто в качестве истцов и ответчиков, в судебных канцеляриях проходили крестьяне (от 18 до 76% в разные годы на промежутке с 1707 по 1728 год.). Второе и третье места (в среднем около 10%) делили между собой посадские и представители нерусских народностей (татар, черемис, башкир, вотяков и др.). Во многих случаях при упоминании представителей этих социальных групп называется не их статус — показатель принадлежности к сословию, а должность/принадлежность к государственному учреждению или этническая составляющая. Данное обстоятельство говорит о некоторой дисперсности данных социальных общностей, где большее значение имела позиция во власти или этническое происхождение.

Все остальные категории населения встречаются среди участников судебных процессов гораздо реже (от 1 до 5%). Среди них — представители админи-

страции (должностные лица и канцеляристы), служилые люди по прибору (стрельцы, пушкари и казаки), солдаты и рекруты, иностранные специалисты и военнопленные Северной войны, купцы гостинной сотни, работники и крепостные, бобыли, монахи, церковнослужители и др.

Следует отметить, что в процентном соотношении количество истцов и ответчиков, представляющих указанные выше социальные группы, распределено по годам очень неравномерно. Более или менее стабильно участвовали в судебных разбирательствах представители администрации или канцеляристы и солдаты. Чаще всего подьячие и должностные лица местного аппарата управления выступали в суде в качестве истцов, жалуясь на обвинения в насилии, брани и невозвращении долгов. Солдаты, как отставные, так и на действительной службе, также как минимум раз в год становились истцами или ответчиками.

Эти данные говорят о том, что солдаты становились устойчивой социальной группой, которая начинала принимать активное участие в жизни города. Так как данная группа была сравнительно мала, наибольшее количество дел с их участием касалось конфликтов-бесчестий. Солдатам и их родным (в первую очередь — солдатским вдовам) еще требовалось влиться в новом статусе в городское сообщество, плохо понимавшее их положение, не имевшее специальных сословных обозначений.

В отличие от солдат участие в процессах служилых по прибору менее стабильно. В частности, если в первое пятнадцатилетие стрельцы время от времени фигурируют в качестве истцов или ответчиков, то впоследствии упоминание данного социального статуса исчезает из судебно-следственных документов. По всей видимости, отсутствие пожалований в стрельцы привело к прекращению идентификации кого-либо из кунгурцев с этим социальным статусом. Эту тенденцию подтверждают и переписные книги 1721 г., где статус отставного стрельца был зафиксирован при описании статуса только одного человека.

Несмотря на то, что переписи Кунгура фиксируют значительный процент пушкарей даже на начало 1720-х гг., в судебно-следственных документах они почти не фигурируют. Данное обстоятельство может быть, с одной стороны, связано с занятостью пушкарей по службе, а, с другой, — с постепенным объединением представителей этой социальной группы с крестьянством и посадскими. Так как часть истцов и ответчиков в описи дел, поступавших в судебно-административные органы города, называла себя кунгурцами, можно предположить, что среди них могли быть и пушкари, которые идентифицировали себя с местом жительства, а не с положением в социальной иерархии. Пушкари постепенно вытеснялись солдатами регулярной армии, которые были более мобильны и легко перебрасывались с одного места службы на другое.

Категория «гулящие люди» вообще исчезла со страниц судебно-следственных документов, не являясь активным субъектом процесса. По-видимому, открывать такой статус становилось опасным. Государство активно стремилось контролировать перемещения населения страны, включив всех в число податных сословий. Такая группа, как «нищие», не раз упоминавшаяся в переписных книгах разных лет, в судебном делопроизводстве вообще отсутствует. Бобыли, по описям составлявшие небольшой процент населения, также не активны в иницировании судебных процессов. Можно согласиться с мнением ряда исследователей, что они постепенно включались в состав крестьянства и посадского сословия. Купцы предстают в качестве инициаторов судебного разбирательства с должниками не чаще одного раза в год. По всей видимости, их было немного, в связи с чем они редко упоминаются в процессуальном делопроизводстве.

Итак, к концу царствования Петра Великого можно увидеть процесс постепенного укрупнения социальных групп, составлявших общество Кунгурского уезда. Данная тенденция отражала как устремления государства, так и инте-

ресы самого общества. Таким образом, само определение статусов истцов и ответчиков в судебно-следственных документах является показательным, так как позволяет увидеть наиболее многочисленные и активные в социальном отношении группы. Приведенные данные доказывают, что под влиянием преобразований в стране появлялись новые, большие по численности, социальные группы, тогда как множество мелких общественных образований постепенно исчезало. Несмотря на это, в социальной структуре кунгурского общества еще долгое время сохранялись остатки прошлого в лице людей, причислявших себя к «старым» сословиям.

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 14-18-10873.

1. АНИСИМОВ Е.В. Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России 1719—1728 гг. Л. 1982, с. 139.
2. МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб. 2000, с. 76.
3. КЛОЧКОВ М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т.1. СПб. 1911, с. 19; АНИСИМОВ Е.В. Ук. соч., с. 40.
4. Кунгур. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М. 1886, с. 1—5.
5. Датировка составления переписи впоследствии была уточнена до 1704 г. См.: ЧАГИН Г.Н. Этническая ситуация в Сылвенско-Иренском бассейне в XVII—XVIII веках (к проблеме формирования этнической карты Урала) — Вестник Пермского университета. Вып. 2 (22), 2013, с. 5.
6. Там же, с. 6.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 248, оп. 1, кн. 17, л. 50, склейка. Благодарю Д.А. Редина за предоставленные копии источника.
8. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗ РИ). Т. 5. СПб. 1830, с. 708.
9. КЛОЧКОВ М. Ук. соч., с. 78.
10. См., например: Переписная книга 1710 года подгородных татарских деревень Тобольского уезда переписи тобольского дворянина Степана Никитича Фефилова: <http://genealogia.ru/archives/1690>.
11. КЛОЧКОВ М. Ук. соч.; ВОДАРСКИЙ Я.Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М. 1977, с. 18—58; КАБУЗАН В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М. 1990, с. 11—13.
12. Кунгур — Переписная книга 1719 года: <http://zz-project.ru/perepisi-kungura/612-kungur-perepishnaya-kniga-1719-goda>.
13. ПСЗ РИ, т. 5, с. 620.
14. Там же, с. 621.
15. КЛОЧКОВ М. Ук. соч., с. 117; АНИСИМОВ Е.В. Ук. соч., с. 64 и др.
16. ПСЗ РИ, т. 5, с. 693—694.
17. АНИСИМОВ Е.В. Ук. соч., с. 189.
18. ПСЗ РИ, т. 6, с. 306—309.
19. Кунгур — Переписная книга 1721 г.: <http://zz-project.ru/perepisi-kungura/613-kungur-perepishnaya-kniga-1721-goda>.
20. Книга окладная города Кунгура 1722—1723 года: <http://zz-project.ru/perepisi-kungura/614-kniga-okladnaya-goroda-kungura-1722-3-goda>.
21. РГАДА, ф. 518, оп. 1, д. 21, л. 1—24; ф. 1015, оп. 1.

Кондуйские древности

Н.Н. Крадин, Н.П. Крадин

Аннотация: Кондуйский дворец — всемирно известный археологический памятник периода Монгольской империи. Однако мало кто знает, что строительные материалы дворца были использованы при возведении православной церкви Богородицы в селе Кондуй в начале XIX века. Авторы публикации дают описание церкви в связи с изучением дворца монгольского времени.

Ключевые слова: монголы, Кондуй, православная архитектура.

Abstract: Kondui Palace is the world-famous archaeological site of the period of Mongolian Empire. However, few people know that the ruins of the palace have been used in the construction of the Orthodox Virgin Church in the Kundui village in the early XIX century. Authors describe in this work the Church construction in relation of the Mongolian palace studies.

Key words: mongols, Kondui, orthodox architecture.

Среди памятников истории и культуры Забайкалья особое место занимает так называемый Кондуйский городок. Несмотря на то, что это название уже закрепилось как в научной литературе, так и в сознании местных жителей, это, конечно, не городок и даже не поселение, а отдельно стоящий дворцовый комплекс с различными вспомогательными постройками. Этот археологический памятник имеет федеральное значение¹. Он достаточно хорошо и подробно исследован археологами, и сведения о нем есть в специальной литературе². Однако в настоящей работе речь пойдет не только о данном уникальном археологическом памятнике, но и о Кондуйской церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы и Святых Мучеников Кирика и Улиты начала XIX в., которая известна гораздо меньше.

Дворец и церковь расположены недалеко друг от друга. Церковь находится в селе Кондуй Борзинского района Забайкальского края, основанном в 1773 г. в качестве пограничного казачьего поста. Кондуйский городок расположен в 7,3

Крадин Николай Николаевич — член-корреспондент РАН. E-mail: kradin@mail.ru;
Крадин Николай Петрович — профессор Тихоокеанского государственного университета. E-mail: n_kradin@mail.ru.

Kradin Nikolay N. — corresponding member of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kradin@mail.ru;
Kradin Nikolay P. — professor of Pacific State University. E-mail: n_kradin@mail.ru.

км к югу от с. Кондуй. Однако их разделяет более чем четыре столетия. И, тем не менее, они тесно связаны друг с другом. Дело в том, что при возведении церкви в качестве строительных материалов были использованы руины Кондуйского городка.

В построенной в 1806 г. Кондуйской церкви по всему ее периметру в стены были вставлены 64 изваяния, но поставлены они были не как во дворце — горизонтально, а вертикально, причем, тыльной стороной наружу. Таким образом, морды драконов оказались вмонтированными в толщу стен, но, как ни странно, рельеф затылков драконов стал чем-то напоминать человекоподобные фигурки. В результате многократных побелок стен церкви четкость рельефных очертаний постепенно исчезала, а сходство с фигурками становилось все отчетливее.

Это недоразумение было снято после археологических раскопок, которые проводились в 1957—1958 гг. под руководством С.В. Киселёва. Был исследован главный кондуйский холм и составлен подробный план остатков дворцового комплекса. Особую ценность в этом плане представляет средняя часть комплекса, где выявлены и зафиксированы сохранившиеся на своих прежних местах гранитные основания колонн. К сожалению, несколько десятков таких же оснований с южной и северной сторон дворца были вывезены для строительства кондуйской Богородицкой церкви, на ремонт Цугольского дацана и строительные нужды кондуйских жителей. Однако, несмотря на столь существенные утраты, раскопки помогли выяснить конфигурацию всего комплекса и его дворца. Это удалось сделать благодаря сохранившимся подпорным стенкам, располагавшимся по периметру двух террас, на которых и располагались павильоны дворца³.

Следует отметить, что еще в 1798 г., задолго до постройки церкви, остатки дворцового комплекса обследовал П.К. Фролов, сын знаменитого русского изобретателя К.Д. Фролова. Изучая Забайкалье, он побывал на развалинах Кондуйского дворца, тщательно их зафиксировал на двух чертежах, выполненных в карандаше с отмывкой. Материалы эти хранятся в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге⁴.

Что же представлял собой Кондуйский городок и его главный композиционный центр — дворцовый ансамбль? Здание дворца располагалось на двухметровой глиняной платформе в форме креста. К платформе, имевшей кирпичный пол, вели пять кирпичных пандусов — по два с востока и запада и главный вход с юга. С северной стороны пандуса не имелось. Подобная планиграфическая структура сочетает в себе принципы организации пространства китайских (и опосредованно чжурчжэньских) зодчих и традиции монголоязычных кочевников (выход из юрты на юг, северная сторона — *хоймор* — самая почетная, запретная).

Сохранившиеся на месте основы колонн и их следы дают основание предположить, как были устроены колоннады трех павильонов. По сохранившимся остаткам, зафиксированным раскопками, были также определены пандусы, ведущие на нижнюю и верхнюю террасы дворца. Не возникает особых проблем и по вопросу размещения гранитных драконовидных изваяний по контуру террасы. Вот, что писал Киселёв: «Террасы Кондуйского дворца украшала покрытая красным лаком деревянная балюстрада, столбики которой были укреплены в квадратных пазах специальных гранитных плит. Кроме того, по нижней террасе, выступая личинами наружу, были вставлены гранитные изваяния, изображающие морды драконов, кабановидных и с рогами лани»⁵. Подобные аналоги имеются, например, в сохранившихся до настоящего времени дворцах в Китае. Так, в Пекинском дворце устроены три террасы, и там изваяния вставлены не только по контуру нижней, а по всем трем террасам.

Надо сказать, что крестообразная форма не являлась уникальной для того времени. Она была характерна, например, для средневекового городища Сягушань — 2, которое находится на территории КНР. Внутри здания были расположены 37 каменных баз, которые являлись фундаментами деревянных колон. Здание, видимо, состояло из нескольких частей — аванзала, проходных коридоров, зала для приемов, жилых покоев или вспомогательных помещений. Сверху дворец был покрыт зеленой поливной черепицей, украшен изображениями драконов. На стенах дворца также имелись изображения животных и фантастических существ.

Дворец был окружен системой зданий (павильонов), вписанных в правильный прямоугольник. Справа и слева двор обрамляли павильоны, поставленные параллельно основной оси. К юго-западу и юго-востоку было расположено по два здания, а на севере — три. Кроме того, рядом с дворцом были еще какие-то строения, которые нарушали строгую симметрию архитектора. Возможно, их соорудили позднее основной части дворцового комплекса. На юге находились главные ворота. Ворота, дворец и расположенный по центру один из северных павильонов располагались по оси север — юг. Никаких других сооружений к югу от дворца не возводилось. Подобная организация пространства по сути полностью копировала принципы расстановки юрт монгольской ставки.

Планировка дворцового комплекса была построена по принципу глубинно-пространственной композиции, с четко выраженной осью симметрии. С северной стороны дворцовый ансамбль обрамлялся тремя павильонами, поставленными в линию перпендикулярно главной оси. Далее, замыкая ось, на расстоянии около 100 м располагался небольшой жилой комплекс, состоявший из нескольких построек, также имеющий в своей основе симметричное построение. Несколько подобных комплексов в виде курганов и холмов сохранились с восточной стороны от дворцового ансамбля. Возможно, это были жилища представителей монгольской элиты или лиц, обеспечивавших потребности обитателей дворца. Примерно в километре к востоку и далее в 3 км к востоку от дворца располагались выявленные по результатам геофизических исследований остатки черепичных печей. Сохранившиеся на своих местах базы колонн и выявленные раскопками контуры платформы, в центре которой размещался дворец, позволяют с определенной долей достоверности воспроизвести его структуру и сделать реконструкцию объемно-пространственной композиции ⁶.

В 2015 г. под руководством Н.Н. Крадина были начаты раскопки одного из северных зданий, от которого осталась только платформа прямоугольной формы размером 30х20 м и высотой 0,7 м. В ходе раскопок была вскрыта северная половина здания. Хорошо сохранились остатки кирпичных стен, кирпичный пол, часть каменных баз, служивших основаниями колон. В 2016 г. исследования данного здания были продолжены.

О строительстве Кондуйской церкви мало что известно. Из архивных данных следует, что в октябре 1804 г. епископ Иркутский и Нерчинский Вениамин отправил в Святейший Синод свой рапорт с изложением вопроса о необходимости строительства каменной церкви в Кондуйском селении. Описывая во всех подробностях суть просьбы, Вениамин сообщал в своем послании: «Нерчинское духовное правление при доношении представило ко мне вступившее во оное Нерчинского и Заводского заказов разных селений и разного звания от жителей за рукоприкладством согласие, в котором представляли: что находясь они от своих приходских церквей в дальнем расстоянии, во исправлении духовных треб претерпевают нужду, а потому намерены они в признанном ими способном месте в селении Кондое вновь построить во имя Рождества Пресвя-

той Богородицы с приделом святых Мучеников Кирика и Улиты каменную церковь ...» Обращаясь к церковным властям, жители многих селений Нерчинского округа, как отмечает Вениамин, жаловались на отсутствие храма: «...селения от приходских церквей расстоянием состоят дальние в двухстах верстах, а другие не ближе ста верст, и за таким дальним расстоянием нередко случается больные помирают неподобившимися должного христианского напущения, а младенцы без крещения, а притом многие кочующие между означенными селениями тунгусы соглашаются ко крещению, но за отдаленностью церквей и священников остаются без крещения. Что нетерпимо понудило их к сооружению церкви в середине всех в селении Кондое, а хотя оное селение ныне еще немногочисленно, но всеми угодами яко то хлебопашеством, покосами, лесами и водой выгодно, и от всех селений к проезду удобно, почему многие туда переселяться желают; а особливо когда церковь сооружаться будет в скорости умножится жителями, на которое сооружение на первый случай добродушно обнадёживают в прикладе деньгами до трех тысяч рублей, а к тому и всем надобным усердно спомоществовать будут, а потребные материалы имеются в близости»⁷.

Епископ Вениамин в своем рапорте честно признался, что решение о строительстве в Кондое новой церкви он принял самостоятельно. При этом вопрос об отводе земли поселенцам для размещения кладбища и о содержании будущих при церкви священнослужителей он с Иркутским губернским правлением не согласовывал, полагая, «что в тамошнем месте земли имеется довольно число и пустолежащей». Понимая, что любое согласование лишь отнимет время, он «от того сношения удержался»⁸.

Рассмотрев рапорт епископа Вениамина, Святейший Синод 22 декабря 1804 г. специальным указом разрешил строительство в селении Кондое каменной Рождественской церкви, и в 1806 г. она была возведена. Заготовка строительных материалов и строительство храма осуществлялось силами прихожан. Местный казачий урядник Николай Эпов, исследуя развалины Кондуйского городища, обнаружил под толстым слоем наноса большое количество кирпичей, камней, украшений и различных керамических изделий. Он обратился в Нерчинское духовное правление с просьбой разрешить использовать остатки древнего дворца в качестве строительного материала для новой церкви. Такое разрешение вскоре последовало, и санные обозы потянулись за село, к развалинам дворца монгольского хана⁹.

Для церкви было выбрано самое видное место — на пригорке, в центре села. Композиционная структура плана церкви — строго осевая: апсида, помещение храма, трапезная, колокольня. Симметрия оси нарушена смещением трапезной в южную сторону и пристройкой к ней придела со своей апсидой. Внутри храма пространство придела объединено с трапезной и перекрыто одним цилиндрическим сводом, расположенным перпендикулярно оси церкви (запад — восток). Четверик храма имеет в плане квадратное основание с размерами (по внутренним стенам) 4,6х4,7 м. Внутреннее пространство этой части церкви, возвышаясь, переходит в восьмерик, перекрытый восьмилотковым сомкнутым сводом. Стены внутри храма гладкие, декора и следов иконостаса не сохранилось. Толщина стен, сложенных из камней, взятых из развалин Кондуйского городка, достигает одного метра. Снаружи плоскости стен расчленены пилястрами, соответствующими членениям внутреннего пространства церкви.

Как уже отмечалось, кроме строительного материала (кирпич, камни), из развалин городка для строительства Рождественской церкви были использованы и декоративные элементы, в частности, драконовидные изваяния, а также основания колонн дворца. Они в основном использовались на фасадах храма:

на северном фасаде их 19, на восточном — 13, на южном — 18 и на западном — 14 элементов. В размещении прочитывается определенная система. Все они поставлены в два ряда. Нижний — на цоколе, а верхний — в средней части плоскости стен, в специальных нишах. Всего в нижнем, надцокольном ряду имеется 34 элемента, а в верхнем — на четыре меньше.

Интересно то, что нижний пояс проходит по всему периметру церкви, охватывая и придел. Элементы верхнего пояса размещены полукольным: начинаясь от алтарной части южного придела, они проходят через весь придел, переходят на оставшуюся часть южного фасада, затем на западный, а на северном проходят только лишь по стене трапезной. На всей алтарной части церкви, таким образом, верхний пояс отсутствует. Нет его и на северном фасаде храмового объема. Гранитные блоки, являвшиеся базами колонн дворца, установлены в цокольной части. Выдаваясь окружностями наружу, они фиксируют углы объемов церкви и основания пилястр. Всего несколько блоков вставлены в цоколь как бы случайно, безотносительно углов и пилястр.

К сожалению, не сохранилась главка, венчавшая двухъярусный цилиндрический барабан над куполом. Разрушена и колокольня, следы которой выступают над коньком двухскатной крыши на границе входного портика и трапезной. Что касается портика, состоящего из четырех колонн прямоугольного сечения, то он, видимо, пристроен позднее храма. На это указывает его несколько иная стилистика и, самое главное, — материал. Он полностью выложен из кирпича. Это даже и не портик, а притвор, имеющий три арочных проема на западную и по одному проему — на северную и южную стороны. Опоры соединены друг с другом лучковыми арками, подчеркнутыми тройными валиками. Над ними сделан упрощенный фриз с карнизным поясом. Треугольной формы фронтон зашит досками.

Исследуя кондуйские древности, А.К. Кузнецов отметил, что дома казаков и каменная церковь «довольно неуклюжей архитектуры» расположены на красивом возвышенном месте ¹⁰. В чем же проявляется эта «неуклюжесть архитектуры» храма? Исследователя, видимо, шокировала грубость кладки, неровность стен, отсутствие пропорций в объемах и членениях, приземистость церкви. Все это, безусловно, присутствует. В то же время контраст низкого пространства входной части и трапезной с высоким, светлым пространством храмового объема можно рассматривать и как интересный композиционный прием. Однако главная ценность и оригинальность Рождественской церкви состоит в том, что для ее строительства в качестве материала были использованы остатки средневекового дворца монгольского хана. Сохранившиеся в стенах церкви декоративные элементы дворца представляют сегодня большую научную и художественную ценность.

Используя чуждые русской средневековой культуре фрагменты, строители церкви, по-видимому, и не задумывались над мыслью — как это будет выглядеть? А может быть, именно понимая эту чуждость, они замуровали лики драконов в толщу стены, превратив изваяния из декоративных элементов просто в строительный материал, показывая скорее фактурность тыльной стороны блоков, но никак не пластику лицевой. И лишь случайное совпадение рисунка этой стороны с человекоподобными фигурками породило их новую трактовку.

Примечания

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

1. Постановление Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 года.
2. ПАРШИН В. Поездка в Забайкальский край. М. 1844, ч. 1; ПАВЛУЦКИЙ А. Краткое описание так называемых чудских древностей, имеющихсЯ вблизи Кличкинского серебро-свинцового рудника, с указанием нахождения их и в других местах Нерчинского горного округа. Записки Сибирского отдела РГО. Кн. IX—X. 1867, отд. 11; КУЗНЕЦОВ А.К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Владивосток. 1925; КИСЕЛЁВ С.В. Древние города Забайкалья. — Советская археология. 1958, № 4; Древнемонгольские города. М. 1965.
3. КИСЕЛЁВ С.В. Дворец в Кондуде. В кн.: Древнемонгольские города, с. 323—369.
4. УМАНСКИЙ А. О судьбе собраний П.К. Фролова. — Алтай. 1960, № 1, с. 114—117.
5. КИСЕЛЁВ С.В. Древние города Забайкалья, с. 115.
6. МИНЕРТ Л.К. Древнейшие памятники монгольского монументального зодчества. В кн.: Древние культуры Монголии. Новосибирск. 1985; ЕГО ЖЕ. Монгольское градостроительство XIII—XIV веков. В кн.: Центральная Азия: соседние территории в средние века. Новосибирск. 1990; ТКАЧЁВ В.Н. История монгольской архитектуры. М. 2009.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 796, оп. 85, 1804 г., д. 818.
8. Там же.
9. КУЗНЕЦОВ А.К. Ук. соч., с. 14, 22.
10. Там же, с. 14.

Джаро-Белоканы во внешней политике Османской империи в XVIII — начале XIX в.

З.А. Халаев

Аннотация. Исследование взаимоотношений Османской империи и политических образований Южного Кавказа в XVIII столетии имеет важное конкретно-историческое значение. Этот период подготовил почву для событий XIX века. В работе рассматриваются вопросы, связанные с политикой Османской империи на Южном Кавказе, в частности в Джаро-Белокане, в XVIII — начале XIX в., ее задачи, направленные на ослабление позиций России на Южном Кавказе. Приводя новые археографические письма из Закатальского краеведческого музея, автор приходит к выводу, что усиление позиций России как на Северо-Восточном, так и на Южном Кавказе, не отвечало внешнеполитическим целям османского правительства и поддерживавших его западноевропейских держав.

Ключевые слова: Джаро-Белоканы, Грузия, Османская империя, царское правительство, Дагестан.

Abstract. Investigation of the relationship of the Ottoman Empire and the Political Education of the South Caucasus in the XVIII century, is of great historical significance of the concrete. This period set the stage for the events of XIX century. The article deals with issues related to the policy of the Ottoman Empire in the South Caucasus, in particular the Jharo-Belokan, in XVIII — beginning of XIX century. Its objectives aimed at weakening Russia's positions in the South Caucasus. Citing new archeographic letters from Zagatala regional museum, the author concludes that the strengthening of Russia's position as the North-East Caucasus and the South Caucasus are not consistent with the foreign policy objectives of the Ottoman government and its supporting Western European powers.

Key words: Jharo-Belokan, Georgia, the Ottoman Empire, the imperial government, Dagestan.

Кавказ во все времена являлся стратегически важным регионом, к военному, политическому и экономическому присутствию в котором стремились мировые державы — шахский Иран, султанская Турция и царская Россия. В начале XIX в. расстановка сил на Кавказе вполне определилась. Активный выход России на международную арену поставил вопрос о судьбе Кавказского перешейка в круг важнейших проблем мировой политики того времени. В результате нескольких войн с Османской империей и шахским Ираном Российская

Халаев Захид Алиевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского Научного Центра РАН. E-mail: za120778@mail.ru.

Halaev Zahid A. — candidate of historical sciences, researcher at the Institute of history, archaeology and ethnography. Dagestan Scientific Centre RAS. E-mail: za120778@mail.ru.

империя взяла Северный Кавказ под свой протекторат. Однако правящие верхушки османского правительства и Персии рассчитывали на реванш. Поэтому в начале XIX в. Кавказский регион вновь оказался втянутым в орбиту сложных международных отношений. В этой связи стоит отметить, что внешняя политика Российской империи преследовала важную цель — расширение своих границ в направлении Черноморско-Каспийского бассейна, в котором пересеклись интересы всех прежних игроков на кавказской сцене.

Целью данной работы является стремление определить место и роль Джаро-Белоканских обществ во внешней политике Османской империи во второй половине XVIII — начале XIX в. в условиях противостояния трех великих держав — Турции, Ирана, России. При оценке внешнеполитической ориентации Джаро-Белоканских обществ в рассматриваемый период следует исходить из конкретной исторической обстановки. Стратегически выгодное положение Джаро-Белокана, находившегося на стыке Кахетии, Дагестана и Шекинского ханства, привлекало к нему пристальное внимание.

В дореволюционной историографии можно найти сведения о взаимоотношениях Джаро-Белокана и Османской империи. Так А. Посербский, в частности, отмечал: «Сие джарцы позаботились выхлопотать себе у турецкого правительства грамоту на полное и неоспоримое владение занятою ими частью Алазанской долины, в которой сказано за заслуги, оказанные джарцами турецкому султану, земли, лежащие в границах реки Къапу, главного хребта гор кавказских, реки Каратубал, по правой стороне Алазани, отдаются в владение джарским и тальским правителям»¹.

Другой автор дореволюционного периода, Ф.А. Плотто, описывая отношения Османской империи с закавказскими ханствами, отмечал желание османских правителей и их наместников распространить мусульманскую религию среди населения Джаро-Белокана, Кахетии и соседнего Шекинского ханства: «Во время владычества в Грузии турок джарцы подпали тоже под верховную их власть, как и вся Кахетия, подчинились турецкому паше Сари-Мустафе, который всегда занимался распространением в крае мусульманства. У него был миссионер — ученый Малла Муртаза-Али, который, поселился в Джарах, женился, завелся хозяйством, образовал тухум Чапар-Али»².

Утверждения Плотто вызывают сомнения. Во-первых, еще в середине XVII в. в Восточном Закавказье, предгорьях самого Джара существовали крупные мусульманские религиозные центры. Одним из них была школа, основанная в XVII в. Малла-Мухаммадом ал-Голоди. Эти мусульманские религиозные центры давали толчок внедрению исламской культуры в регионе. Благодаря школе Мухамада ал-Голоди, в Джаро-Белоканах, Шеки, на Северо-Восточном Кавказе появилась плеяда богословов. Во-вторых, еще в 60-х гг. XVII в. иранский ставленник Кахетии Биджан хан установил мусульманские законы (шариат), что вызвало недовольство у кахетинской знати. Следует отметить еще один момент: уже в начале XVIII в. религиозная верхушка Джаро-Белокана не только управляла обществами, но и участвовала в регулировании внешней политики. Так, верховный кади Джарского общества Малла Муртаза-Али, о котором писал Плотто, в первой трети XVIII в. являлся предводителем антииранского восстания. Хотя Надир шах находился в то время далеко от Джаро-Белокана, но, получив весть о новых восстаниях, распорядился немедленно отправить карательные отряды для их подавления. Сведения об отношениях Джаро-Белоканских обществ с османами содержатся и у других исследователей досоветского периода. Так Д. Зубарев отмечал: «...османы, владея Грузиею, хотели было закрыть проход горцев, и джарцев привести в послушание, но джарские общества по побуждению Сурхая Казии-кумухского совершили поход против османских войск»³.

В местных исторических хрониках XVIII в. также содержатся сведения о взаимоотношениях Джаро-Белокана с османами. В первую очередь отметим, что подобные источники выявляют важные исторические факты и проливают свет на многие проблемы истории данной местности. Так, например, важные сведения содержатся в хронике Малла Мухаммада ал-Джари «Джарская салнаме», в которой сообщается о сражении между османами и джарцами. Согласно хронике, «в начале месяца скорпиона джарцы и их союзники осаждали крепость Джиних, но на помощь крепости явился Тахмураз с тремя тысячами грузин и тремястами османов. Подойдя к крепости утром с южной стороны, они вступили в бой, но с Божьей помощью грузины и османы были обращены в бегство»⁴. Имеющиеся сведения показывают, что джаро-белоканцы, как и другие закавказские народы, вели борьбу с иноземцами. Сведения «Джарской хроники» не вызывают сомнений, поскольку такого рода сообщения содержат и другие источники. В исследованиях И. Гербера, например, говорится о сражении отряда османских войск в Джарах⁵.

Известный советский исследователь И.П. Петрушевский в монографии, посвященной Джаро-Белокану, отмечал, что «Турция и Персия стремились заручиться союзом с Джаром»⁶. В этот период Турция, считавшая себя покровителем стран, населенных мусульманами суннитского толка, была вынуждена уступить первенство в регионе шахскому Ирану.

Важное место в создании полной картины событий тех лет занимают документы из Закавказского краеведческого музея (Республика Азербайджан), обнаруженное нами во время сбора полевого материала. Отметим, что в 30-х гг. XVIII в. наместник Османского султана Сулейман паша отправлял на имя закавказских правителей письма, в которых призывал к совместной борьбе против других государств, в частности против России. В Книге поступлений Закавказского музея (КПЗМ) за номером 6055 хранится документ — письмо от правителя Чилидира Сулейман паши на имя Джаро-Белоканских обществ, написанное еще в первой трети XVIII века. Вот полный перевод этого документа: «Приветствуем совершенным приветом Ваших святейших ученых, старшин, от которых надежда и взаимопомощь для исламской уммы. Хвала Аллаху и Его приветствие пророку, семейству, сподвижникам... мир и приветствие от наместника (визира) Великого и мудрого советника правителя Ахиха Сулейман паши нашим братьям мусульманам и Джарскому обществу и ставим Вас в известность, что человек, который прибыл к нам, не остановился долго... и поспешил к вам. Как он прибудет к вам, спросите его о положении предводителя, и он расскажет вам подробно, и как наш предводитель предупреждал Вас раньше. Когда Вы узнаете наше состояние, наша надежда на Вас братья “по вере и природе”, и чтобы Вы остереглись и были готовы. Поэтому необходима Ваша помощь для нас и исламской общины. Да будет мир тому, кто в истинном пути»⁷.

Из данного сообщения видно, что Османская дипломатия была обеспокоена планами грузинского царя Ираклия II, еще начиная с 30-х гг. XVIII в., и призывала закавказских правителей к объединению и совместным действиям против политики царской России, которая еще в первой четверти XVIII в. присоединила к себе ряд Прикаспийских областей и часть Северного Кавказа. Во второй половине XVIII столетия внешняя политика царской администрации проходила под знаком борьбы с султанской Турцией и шахской Персией за обладание Закавказьем. Во время русско-турецкой войны императрица отправила в Грузию русскую армию. В 1783 г. по результатам Георгиевского договора Грузия перешла под протекторат России и стала претендовать на территории закавказских ханств: Беязитского, Шекинского, Гянджинского, Нахчиванского, и других⁸. С этого момента начался период завоеваний Россией

Джаро Белоканских обществ, Закавказья и Дагестана. Но и отдельные ханства на Кавказе в указанное время боролись друг с другом. Главной причиной феодальных усобиц, происходивших в XVIII в. на Восточном Кавказе, было стремление каждой из соперничающих сторон, одолев своего противника, занять господствующее положение в регионе.

Из всего сказанного следует, что без глубокого анализа кавказской политики соперничавших держав — России, Ирана и Османской империи — невозможно составить целостное представление об историческом прошлом горских народов, славных традициях их освободительной борьбы против иноземных завоевателей. Экономические условия развития России, отрезанной от морских коммуникаций, требовали выхода к Балтике, Чёрному и Каспийскому морям, что встречало сопротивление со стороны не только ее северных и южных соседей (Швеция, Османская империя, Иран), но и стоявших за ними Англии и Франции, опасавшихся роста российского могущества. Хотя стратегические планы европейских государств на Востоке определились окончательно только к концу XVIII в., их противодействие усилению влияния царской России на Кавказе началось еще со времен Каспийского похода Петра I и особенно возросло в период Русско-турецкой войны 1735—1739 гг., завоевательных походов Надир-шаха (1741—1745), а также накануне и во время Русско-турецкой войны 1768—1774 годов. Борьба Российской империи с внешними угрозами, как для любого государства, являлась вопросом сохранения своей независимости и существования государства. Интересы российского государства на Кавказе не ограничивались только обеспечением безопасности торговых путей, хотя и это было немаловажно. Царская администрация стремилась обеспечить защиту своих границ от постоянных опустошающих набегов южных соседей, столетиями остававшихся постоянной угрозой для приграничных регионов.

Примечания

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-31-01217 «Взаимодействии Джаро-Белоканских вольных обществ и администрации Российской империи на Кавказе в 1783—1860 годах: проблемы и итоги».

1. ПОСЕРБСКИЙ А. Очерк Закатальского округа. В кн.: Кавказский календарь на 1866 год. Тифлис. 1865, с. 23.
2. ПЛОТТО А.Ф. Природа и люди Закатальского округа. В кн.: Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. Тифлис. 1869, с. 8.
3. ЗУБАРЕВ Д. Поездка в Кахетию, Гушетию, Пшавию, Хевсурию, Джаро-Белоканскую область. В кн.: Русский вестник. СПб. 1841, с. 38.
4. Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку. 1931, с. 23.
5. ГАДЖИЕВ В.Г. Сочинение Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся», как исторический источник по истории народов Кавказа. М. 1979, с. 47.
6. ПЕТРУШЕВСКИЙ И.П. Ук. соч., 29.
7. Из коллекции музея г. Закаталы, док. № 6055. Автор выражает благодарность помощнику имама центральной мечети г. Махачкала А.М. Эфендиеву за предоставленный перевод данного документа.
8. АБДУЛАЕВ Г.А. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку. 1965, с. 169.

Партийно-политическое образование в Азербайджанской ССР в 20-х — 30-х гг. XX в.

И. Нифталиев

Аннотация. С формированием политической, экономической и социальной системы советского общества на всех уровнях управления были востребованы грамотные партийные кадры. Партийно-политическое образование в Азербайджанской ССР в 20-х — начале 30-х гг. XX в. представляло собой систему требований, которые наряду со стратегическим курсом развития государства, позволяли готовить будущие руководящие кадры на основе общих социально-политических норм и традиций советского общества. Сложившаяся довольно стройная система партийно-политического образования по подготовке управленческих кадров сыграла важную роль в формировании мощного кадрового потенциала в Азербайджанской ССР.

Ключевые слова: партийное образование, кадры, университет, партийная школа.

Abstract: With the formation of the political, economic and social system of the Soviet society at all levels of government were called educated cadres. Party-political education in the Azerbaijan SSR in 20th in the early 30th of XX century was a system of requirements, which, along with the strategic direction of the state, allows you to prepare future managerial personnel on the basis of general socio-political norms and traditions of Soviet society. The current system is quite slim party-political education management training played an important role in the formation of a strong human resource capacity in the Azerbaijan SSR.

Key words: party education, cadres, University, party school.

В советский период в азербайджанской историографии, в отличие от российской, тема партийно-политического образования не привлекала большого внимания. Трудности в ее разработке в значительной степени обуславливались спецификой данных учебных заведений, которые, в отличие от гражданских, не носили публичного характера, а также недоступностью многих источников, касавшихся данной темы. В ряду специальных исследований, посвященных данной проблеме, можно выделить работы М.А. Гусейнова¹ и С. Гандилова², в которых были введены в научный оборот ранее неизвестные источники, а также обобщен большой фактический материал. В то же время, в них не было уделено достаточного внимания учебному процессу в совпартшколах. Исклю-

Нифталиев Ильгар — доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник Института истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджанской Республики. E-mail: ilg4352@yandex.ru.

Niftaliyev Ilgar — doctor of philosophy in history, leading researcher at the Institute of History named after A.A. Bakikhanov of the Azerbaijan National Academy of Sciences. E-mail: ilg4352@yandex.ru.

чением можно считать работу И. Умудова ³, написанную после восстановления независимости Азербайджана и поэтому свободную от различных догм. В то же время, данная работа охватывает лишь начало 20-х гг. XX в., то есть период становления системы политических учебных заведений в республике.

Стремительный рост численности рядов партии, начавшийся с момента советизации Азербайджана, поставил ЦК АКП(б) перед необходимостью организации массового политического просвещения в собственных рядах. Преобладание в составе партийной организации рабочих и крестьян, состоявших в партии преимущественно с 1920 г., слабо знакомых с большевистскими идеями и не склонных к соблюдению внутривнутрипартийной дисциплины, сделало партийное просвещение одной из центральных задач руководства республики.

В советской системе подготовки партийных управленческих кадров основное место занимали различного рода партийные школы, коммунистические вузы (комвузы), курсы повышения квалификации и др. Важной задачей, стоявшей перед данными учебными заведениями, было воспитание идеологически выдержанных руководителей, способных проводить генеральную линию партии. Работники, окончившие данные учреждения, вне зависимости от занимаемой должности и отрасли народного хозяйства, становились потенциальными руководителями, включались в резерв кадров управления.

Первые школы по подготовке кадров для партийной и советской работы стали создаваться после прихода большевиков к власти в октябре 1917 года. В 1919 г. в Москве начал функционировать Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) им. Я.М. Свердлова. Наиболее полно задачи, стоявшие перед университетом, были раскрыты в речи И.В. Сталина, произнесенной им 18 мая 1925 г. перед студентами КУТВ. Сталин говорил о двух линиях в работе вуза: «Одна линия — имеющая своей целью создать кадры, могущие обслужить нужды советских республик Востока, и другая линия — имеющая своей целью создать кадры, могущие обслужить революционные потребности трудящихся масс колониальных и зависимых стран Востока» ⁴. 19 сентября 1920 г. на заседании Оргбюро ЦК Азербайджанской Коммунистической партии впервые было принято решение о посылке 50 учеников в это учебное заведение. При этом для Баку было выделено 15 мест, а уездам — по 2 места каждому. Согласно правилам приема в КУТВ от 20 июля 1920 г., организации, делегировавшие своих студентов, брали на себя дорожные расходы, были обязаны весь период обучения снабжать студентов одеждой и обувью, а также заботиться об их питании, регулярно отправляя им продовольствие по почте на более или менее продолжительный срок ⁵. Всего за 15 лет своего существования КУТВ (1921—1936 гг.) подготовил для республик Закавказья 222 специалиста. Из титульных наций трех республик за это время здесь обучалось 102 армянина, 33 грузина и 27 тюрков ⁶. В Азербайджане подобные вузы стали создаваться с начала 1930-х годов. По мере расширения сети гражданских учебных заведений, готовящих специалистов по различным отраслям народного хозяйства из среды рабочих и крестьян, увеличивалось число дипломированных членов партии. Поэтому со второй половины 1930-х гг. система коммунистических университетов была постепенно свернута.

Однако опыт работы этих учебных заведений стал основой для создания в 1920-е гг. системы партийных учебных заведений при обкомах и ЦК компартий союзных республик. 2 июля 1920 г. Азербайджанская Компартия приняла постановление об открытии курсов для подготовки партийных кадров среди

мусульман. Из всех уездных комитетов на курсы было привлечено 60 чел., в том числе из Баку — 5, Карабахского и Зангезурского уездов — 12⁷. Решением ЦК АКП(б) от 23 сентября 1920 г. в Баку и уездах республики были созданы партийные школы⁸.

Однако первые партшколы организовывались без учета реальных условий, с разной продолжительностью сроков обучения. По сути, это были курсы с ускоренной подготовкой работников. Подобно положению диктовало настоятельную необходимость упорядочения и централизации дела строительства совпартшкол. С этой целью в августе 1921 г. при агитационно-пропагандистском отделе ЦК АКП(б) была создана секция совпартшкол. Вопрос о необходимости создания данных образовательных заведений нашел отражение в резолюции III съезда АКП(б) (11—18 февраля 1921 г.), где ЦК поручалось в срочном порядке открыть высшую Тюркскую партийно-советскую школу и принять меры к созданию такой же школы при БК на русском языке⁹. В соответствии с данной резолюцией, 30 ноября 1921 г. ЦК АКП(б) принял постановление об учреждении в Баку Центральной тюркской партийно-советской школы. Директором был назначен Владимир Баскаков, а заведующим учебной частью — Мамед заде. Было решено объявить набор курсантов численностью 150 человек. Из них уездным организациям было отведено 60 мест: Бакинской — 30, Иранской компартии — 5, ЦК Азербайджанского Коммунистического Союза Молодежи — 30, Азербайджанскому Союзу Профессиональных Союзов — 25 мест¹⁰.

Школа состояла из двух курсов: подготовительного и основного. Подготовительный курс готовил работников для районов¹¹, а основной курс — руководящих работников для уездов. Срок учебы на подготовительном курсе был три месяца, а на основном — шесть. Чтение лекций в партшколе считалось важнейшей партийной обязанностью. Для этих целей было решено мобилизовать видных партийных деятелей республики: С. Агамалы оглы, Т. Гусейнова, М. Измайлова, С. М. Эфендиева, Д. Буният заде, Э. Ханбудагова, А.Г. Караева, П. Касимова, Р. Ахундова, М.Д. Гусейнова, Б. Талыблы, Г. Джабиева¹². В 1921 г. при Бакинском Комитете АКП(б) была организована Высшая партийная школа им. С. Шаумяна¹³. В 1922—1923 уч. г. в Центральной тюркской партийной школе обучалось 200 чел., а в Высшей советской партийной школе при БК им. Шаумяна — 150 человек. Численность преподавателей тюркской партийной школы составляла 45, а Высшей совпартшколы — 35 человек¹⁴. Важное место отводилось вопросу обучения женщин. Для этого при женотделе ЦК АКП(б) начала функционировать инструкторская школа, преобразованная позднее в совпартшколу. Согласно 3-му пункту проекта резолюции Президиума ЦК АКП(б), утвержденного 5 августа 1925 г., перед БК АКП(б) была поставлена задача выделить для женщин в партшколе им. С. Шаумяна не менее 20% мест (имея в виду, что эта партшкола являлась единственной совпартшколой в Азербайджане, где занятия велись на русском языке)¹⁵.

Первый выпуск курсантов в 1922 г. позволил приступить к плановой подготовке кадров в уездах. В 1922 г. в Гяндже, Ленкорани, Губе, Шуше, Ханкенди открылись одноступенчатые советские партийные школы. В 1922—1923 уч. г. в Азербайджане действовали 6 таких школ, охватывавших 550 слушателей¹⁶. В 1923 г. советско-партийная школа открылась в Нухе (ныне Шеки). Увеличилось число слушателей в остальных уездных советско-партийных школах, достигнув в 1923 г. 600 человек¹⁷.

С выпуском совпартшколами I ступени значительного количества курсантов появилась возможность перейти к организации совпартшкол II ступени.

Они появились при Центральной и Бакинской городской партшколе. Дальнейшее развитие этой структуры происходило по пути оптимизации, преодоления распыленности огромных по тем временам сил и средств.

На заседании школьного совета Центральной тюркской совпартшколы 29 июня 1924 г. было принято решение произвести сокращение курсантов с таким расчетом, чтобы их общее число не превышало 150 чел., а число курсантов совпартшкол каждого уезда выросло до 75 чел. за счет окончивших школы политграмоты. Было признано необходимым открыть совпартшколу в Нахчыване на 75 человек¹⁸.

Одной из важных проблем являлся вопрос финансирования. Основная тяжесть была возложена на советские учреждения, откуда отбирались кандидаты в курсанты. Руководство данных учреждений было кровно заинтересовано в увеличении в своих рядах числа курсантов, поскольку это считалось престижным. Окончить партийную школу означало иметь потенциальную возможность не только дальнейшего продвижения в карьере, но и попадания в номенклатуру избранных со всеми вытекающими отсюда привилегиями. Численность приема курсантов зависела от размера средств, которые в состоянии были выделить советские учреждения. Это приводило к тому, что каждый год общая численность курсантов в совпартшколах менялась. Например, на 1924—1925 гг. их общее число в Азербайджанской ССР составило 595 человек¹⁹.

В 1923—1924 уч. г. Центральная тюркская советско-партийная школа была реорганизована. Кроме имеющейся в школе партийной и советской ступени была создана комсомольская, а находившиеся при школе женские клубы были преобразованы в одноступенчатые школы. На заседание Президиум ЦК АКП(б) 24 августа 1927 г. был заслушан доклад руководителя Центральной партийной школы Баскакова об итогах партпросвещения. В докладе было отмечено, что в 1926—1927 уч. г. в республике имелось 204 партийные школы, где обучалось 5357 человек. Среди курсантов школ 34,4% были членами партии. Впервые за годы советской власти партийной учебой были охвачены проживавшие в республике немцы, бывшие колонисты. Особые успехи были достигнуты в работе деревенской сети партпросвещения. Среди основных препятствий на пути расширения сети партпросвещения отмечалась малограмотность широкой массы членов партии и комсомольцев²⁰.

В целом, в 1927 г. в 470 кружках и школах сети партийного просвещения Азербайджана обучалось свыше 11 тыс. чел., а 758 получили образование в совпартшколах²¹.

Основным критерием при комплектовании контингента слушателей совпартшкол был классовый подход и партийная принадлежность. Рабочие составляли большинство курсантов. Учитывался также национальный фактор. Были представлены все основные национальные меньшинства республики. Особое значение имело привлечение женщин-азербайджанок, доля которых в общей массе слушателей совпартшкол росла.

Важным фактором, определявшим качество обучения, была фигура преподавателя. В первые годы деятельности партшкол приходилось преодолевать значительные трудности в деле подбора педагогических кадров. Привлекались руководящие работники, а также беспартийная интеллигенция. При совпартшколах организовывались лекторские группы, курсы переподготовки. По мере роста численности гражданских учебных заведений эта проблема постепенно нашла свое решение.

Обучение слушателей складывалось из общеобразовательной, теоретической и специальной подготовки, что способствовало формированию политичес-

ких работников, обладающих широким кругозором и профессиональными знаниями. Курсанты изучали русский язык, родной язык, математику, естествознание, страноведение, историю развития общественных формаций, историю ВКП (б), политэкономия, советское и партийное строительство. Учебные программы адаптировались к условиям республики, диктовавшим изучение национального вопроса, женского движения, пропаганды атеизма. Большое место отводилось общеобразовательным предметам. Их доля по сравнению с общественными дисциплинами на протяжении первой половины 1920-х гг. возрас- тала: будущие управленцы нуждались в получении элементарных знаний.

Для обеспечения совпартшкол необходимой литературой были осуществ- лены перевод и издание на азербайджанском языке политической литературы, соответствующих учебников и учебных пособий. Уже к концу 1922—1923 уч. г. в библиотеках совпартшкол Азербайджана одна треть всех книг была на азербайджанском языке. Главной задачей учебной и воспитательной работы в политических учебных заведениях была выработка у будущих политических кадров строго классового подхода к анализу явлений общественной жизни. Слушатели совпартшкол систематически апробировали свои знания вне школ, участвуя в деятельности различных кружков и организовывая различные идеологические мероприятия.

В работе совпартшкол имелись и отрицательные моменты. Сверху спус- кались нереальные планы, не учитывавшие местных условий и возможностей, что приводило к большому отсеву слушателей. Те курсанты, которым удалось окончить школу, вряд ли могли считаться хорошими специалистами ввиду того, что курс обучения был краткосрочным, а в учебных программах преоб- ладали обществоведческие дисциплины. Особенно это было характерно для совпартшкол пониженного уровня. С другой стороны, многие курсанты от- кровенно считали, что лишь одно формальное пребывание в школе гаранти- рует им получение впоследствии высокой руководящей должности. Трудно- сти с преподавательскими кадрами и материально-финансовым обеспечением также отрицательно сказывались на работе совпартшкол. И, наконец, в со- впартшколах формировались только определенные категории специалистов. Большинство слушателей нуждалось в получении дополнительного образова- ния, чтобы эффективно выполнять управленческие функции в партийно- советских органах.

В принятом на заседании Бюро ЦК и БК АКП(б) 21 апреля 1932 г. постановлении были утверждены контрольные цифры о состоянии парт- просвещения в республике ²². Отмечалось, что после Баку самой широкой сетью партийного образования были охвачены Гянджа, Автономная Об- ласть Нагорного Карабаха и Нахчыванская ССР. В Гяндже сеть партийно- го образования включала 215 школ различного уровня, в которых обуча- лось 4500 чел., в АОНК в 188 школах обучалось 3800 чел., в Нахчыванской ССР в 138 школах — 3000 человек. В целом, по районам Азербайджана, кроме Баку, учебой было охвачено 44 075 человек. В Баку в 1889 г. в партийных школах различного уровня обучалось 34 750 человек. Таким обра- зом, всего партийным просвещением в республике занималось 78 825 человек ²³. Однако, несмотря на все мероприятия, в Азербайджанской ССР, по состоянию на 1 января 1937 г., 82% секретарей парткомов не имели партийно-полити- ческого образования. Для преодоления данного недостатка в 1937 г. были организованы 6-месячные курсы, куда направлялись секретари первичных партийных организаций, а затем их заместители и наиболее способные чле- ны первичных организаций ²⁴.

На заседании Бюро ЦК АКП(б) 21 августа 1930 г., в связи с неудовлетворительным ходом вербовки в партию, было принято решение открыть в Баку при Закавказском отделении Института Красной профессуры вечерний Азербайджанский Коммунистический Университет для теоретической подготовки и переподготовки партработников. Ректором Вечернего отделения АзКомвуза был утвержден Степанов²⁵ (позже его сменит Воронов, а в 1932 г. Виноградов²⁶). На заседании Бюро ЦК АКП (б) 11 октября 1931 г. было принято постановление организовать с января 1932 г. педагогическое отделение, готовящее высшие руководящие кадры для работы в органах народного образования и принять на это отделение 60 чел., имевших достаточный общественный опыт работы в районах²⁷.

1 октября 1932 г. Азербайджанский Коммунистический Университет был преобразован в Азербайджанскую Высшую Коммунистическую сельскохозяйственную школу (АВКСХШ) с двумя отделениями: двухгодичным для подготовки работников МТС, совхозов, колхозов и трехгодичным — для формирования руководящих работников районных партийных и советских организаций. Основной уклон в работе вуза делался в сторону подготовки специалистов в области хлопководства и животноводства²⁸. Первым ректором вуза был назначен Виноградов, а с 5 июля 1933 г. им стал Степанов²⁹. Данный вуз продолжал свою деятельность до 1939 года.

Постановлением Бюро ЦК АКП(б) от 11 апреля 1932 г. было утверждено решение о создании Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) на базе Института подготовки кадров Красной Профессуры и Азербайджанского государственного научно-исследовательского института, как высшего партийного учебного заведения. Набор осуществлялся специальной мандатной комиссией, в состав которой обычно входили заведующие отделом культуры и пропаганды ленинизма ЦК и БК, ректор, заведующий заочным отделением и члены парткома ИМЛ. При рассмотрении выдвигаемых кандидатов учитывался ряд моментов: имелась ли со стороны кандидата когда-либо контрреволюционная клевета в адрес партии, выразившаяся, например, в похвале троцкизма, наличие выговоров, связанных со злоупотреблением своим служебным положением, халатным отношением к обязанностям, членство в прошлом в составе различных буржуазных партий и т.д. Для поступления в ИМЛ требовалась общая подготовка не ниже средней школы, а по социально-экономическим дисциплинам — не ниже совпартшколы. Для поступающих на основное отделение ИМЛ устанавливался партстаж: для рабочих и колхозников — не менее 3-х лет, а для служащих — 5 лет. Кроме этого, требовался практический стаж партийной, комсомольской и профсоюзной работы — 3 г., а для поступающих на подготовительное отделение — 2 года. Возраст поступающих в ИМЛ должен был быть для основного отделения — не старше 35 лет, а для подготовительного — не старше 32 лет.

Необходимо было представить мандатной комиссии длинный список документов: решение районного комитета АКП(б) о командировании в ИМЛ, краткую автобиографию, справку, свидетельствующую о правильном социальном положении и партстаже, подробную характеристику от парткома, заверенную в райкоме или обкоме АКП(б), заключение медкомиссии, документ об образовании, печатные и рукописные работы (если имелись). Вся эта документация вначале рассматривалась дирекцией, а затем направлялась в мандатную комиссию АКП(б), которая, в случае положительного решения, допускала кандидата к экзаменам по следующим предметам: математика, тюркский язык, русский язык, история ВКП(б) и ленинизма, диалектический и истори-

ческий материализм, политэкономия и экономическая политика³⁰. В институте были созданы экономическое, аграрное, историко-партийное и подготовительное отделения. На 1932 г. был определен лимит приема в 50 человек³¹. Основными дисциплинами преподавания были политическая экономия, теория и история советского хозяйства, диалектический и исторический материализм, всеобщая история, история народов СССР, история ВКП(б), история Коминтерна. Лекции проводились с привлечением специалистов по соответствующим областям знания из Москвы и Ленинграда³². Окончившие ИМЛ приравнивались к выпускникам Института Красной Профессуры. Первым директором ИМЛ был назначен И.П. Токин³³. В 1935 г. он был снят с должности как не справившийся со своими обязанностями. Новым директором стал Д. Рагимов³⁴.

13 декабря 1934 г. было принято решение организовать при ИМЛ Марксистско-ленинский университет для научных работников системы Бакздравотдела, Наркомздрава, Наркомпроса и инженерно-технических сил Азнефти. Университет должен был выполнять функции заочного отделения ИМЛ.

Таким образом, по мере формирования политической, экономической и социальной систем советского общества на всех уровнях управления были востребованы грамотные партийные кадры, способные решать назревшие проблемы социально-экономического, политического и культурного развития страны. В значительной степени эта проблема решалась прохождением будущих руководящих кадров через систему партийно-политического образования различного уровня. Это позволяло готовить специальные группы работников, которые могли в случае необходимости занять руководящие должности. Пришедшие к власти подготовленные кадры имели идеологическое единomyслие, политическую нетерпимость и максимализм. В итоге «пролетарского выдвигения» и подготовки кадров в совпартшколах и коммунистических вузах выросла целая плеяда управленцев и партийных чиновников — выходцев из низов. Абсолютное большинство из них позже попали на руководящую партийную или советскую работу, причем достаточно высокого уровня. Этим была достигнута главная цель — кадровую политику во всех без исключения отраслях осуществляла правящая партия.

Примечания

1. ГУСЕЙНОВ М.А. Деятельность КП Азербайджана по подготовке, расстановке и воспитанию руководящих партийных кадров (1971—1975). Баку. 1986.
2. ГАНДИЛОВ С.Т. Идеологическое и организационное укрепление КП Азербайджана в годы социалистического строительства (1920—1932). Дисс. докт. ист. наук. Баку. 1967.
3. УМУДОВ И.М. Создание и деятельность политических учебных заведений в Азербайджане в начале 20-х годов. Автор. дисс. канд. ист. наук. Баку. 1992.
4. СТАЛИН И.В. О политических задачах университета народов Востока: речь на собрании студентов КУТВ 18 мая 1925 г. — Правда. 22.V.1925.
5. Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики (АПДУДПАР), ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 13.
6. ВКП (б) и Национальный вопрос. 1933—1945. М. 2009, с. 200—201.
7. ИБРАГИМОВА С. Кузница партийных кадров. — Диалог. 1990, № 1, с. 7—9.
8. Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана. Баку. 1963, с. 339.
9. Коммунистическая партия Азербайджана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. Баку. 1986, с. 57.
10. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 2, д. 14, л. 234.

11. Научный архив Института истории НАНА, ф. 1, оп. 9, д. 4750, л. 2.
12. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 2, д. 14, л. 234.
13. Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана, с. 368.
14. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 3, д. 10, л. 74.
15. Там же, оп. 74, д. 144, л. 108.
16. Архив Института истории НАНА, ф. 1, оп. 9, д. 4750, л. 6.
17. Там же.
18. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 74, д. 137, л. 156.
19. Там же, д. 138, л. 21.
20. Там же, д. 235, л. 203—207.
21. Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана, с. 426.
22. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 74, д. 319, л. 244.
23. Там же, л. 241—242.
24. БАГИРОВ М.Д. Отчет ЦК КП(б) Азербайджана. Баку. 1937, с. 51.
25. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 74, д. 301, л. 180.
26. Там же, д. 316, л. 263.
27. Там же, д. 313, л. 103.
28. Там же, д. 325, л. 273—274.
29. Там же, д. 332, л. 262.
30. Там же, оп. 18, д. 22, л. 269—270.
31. Там же, оп. 74, д. 319, л. 7.
32. Там же, оп. 17, д. 43, л. 28—29.
33. Там же, оп. 74, д. 333, л. 3.
34. Там же, оп. 18, д. 6, л. 283.

Концепция консервативной стабилизации в российском обществе в XIX—XX вв.

А.А. Васильев

Аннотация. Публикация посвящена анализу концепции консервативной стабилизации в отечественной общественной мысли. Автор показывает предпосылки и идеологическое осмысление курса консервативной стабилизации в Российской империи. В работе отражаются его сильные и слабые стороны и предлагается учесть положительный опыт консервативного курса в условиях современной России.

Ключевые слова: консерватизм, стабильность, охранительство, право, империя, традиция.

Abstract. This work analyzes the concept of the national conservative stabilization of conservative thought. The author shows his background and ideological understanding in the Russian Empire. The work reflects the strengths and weaknesses of the conservative stabilization and proposed to take into account the positive experience of the conservative course in Russia.

Key words: conservatism, stability, conservatism, right, the empire of tradition.

Одной из основных заслуг отечественной консервативной государственно-правовой идеологии можно признать разработку и практическую реализацию концепции «консервативной стабилизации». Зачатки концепции просматриваются еще в идеологии «консервативной партии» начала XIX в., когда усилиями А.С. Шишкова, Н.М. Карамзина, Ф.В. Ростопчина и др. национальное сознание было подготовлено к борьбе с наполеоновской Францией, и прекращены намечавшиеся императором Александром I либеральные преобразования, направленные на создание представительного учреждения и проведение в жизнь принципа разделения властей. Как отмечает А.Ю. Минаков: «Политическая роль русского консерватизма первой четверти XIX в. заключается в том, что он способствовал блокированию попыток коренных преобразований, предпринятых верховной властью: введение конституции, освобождение крестьян и реформирование религиозной сферы. Одновременно консервативно-националистическая идеология и настроения объективно стали необходимым условием для победы в Отечественной войне 1812 г. и преодолении галломании части дворянского общества»¹. В юридическом плане консервативная стабилизация выразилась в противодействии введению конституции по западному образцу, ограничению царской власти и заимствованию источников европейского права, прежде всего, положений Кодекса Наполеона.

Васильев Антон Александрович — кандидат юридических наук, доцент Алтайского государственного университета. Барнаул. E-mail: anton_vasiliev@mail.ru.

Vasiliev Anton A. — candidate of juridical sciences, associate professor at the Altay State University. Barnaul. E-mail: anton_vasiliev@mail.ru.

Тем не менее, либерализм Александра I так и не был преодолен вплоть до 1825 года. Собственно консервативная стабилизация стала частью государственной идеологии только после коронации Николая I. Причем, значительную роль в охранительном курсе правительства сыграли не только консервативные убеждения императора, но и угроза революционных организаций в лице декабристов. По существу борьба с опасной для стабильной жизни идеологией революционных и либеральных течений и стала одной из самых главных основ идеи «консервативной стабилизации». При этом правление Николая I нельзя назвать реакционным, поскольку государство в условиях стабилизации общественно-политической ситуации само стремилось к проведению назревших преобразований. Ведущая роль в этом деле придавалась закону. Именно Николай I завершал формирование строго легальных оснований для царской власти и деятельности правительственных учреждений. Закон в мировоззрении императора рассматривался как средство стабилизации общества, прочное основание порядка, дисциплины и организованной общественной жизни.

В исторической литературе царствование Николая I все чаще получает позитивную оценку в противоположность ранее распространенному мнению о нем, как о реакционном. Так, С.В. Кодан видит в политике Николая I использование охранительных средств управления в целях стабилизации политического состояния общества, стремление удержать общество от дезорганизации и революционных потрясений. Исследователь отмечает: «В отличие от обязательного и имманентно присущего для идеологии консерватизма сохранения устоев социально-политической системы в стране, само охранительство как политическая ориентация и охранительная политика верховной власти, как деятельность по сохранению сложившихся социально-политических устоев страны нашло выражение в подавлении оппозиции на организационном и индивидуальном уровнях, стремлении обеспечить изоляцию общества и перекрыть каналы проникновения взглядов и идей, чуждых официальной идеологии правления, в использовании цензуры и официальной печати в обеспечении соответствующей направленности общественного мнения и легитимации в сознании подданных личности и политики верховного правителя — оссийского императора. Охранительство становится политическим и управленческим средством реализации консервативно-охранительного политического курса правления и позволяет говорить о его консервативно-охранительной направленности².

Окончательно теория «консервативной стабилизации» оформилась под влиянием национально-патриотических взглядов самого царя, консервативной бюрократии и ряда мыслителей: К.П. Победоносцева, М.Н. Каткова, В.П. Мецкерского, К.Н. Леонтьева, и др. В практическом плане идеология «консервативной стабилизации» позволила устранить в 1880—1890-е гг. проблему революционного террора и провести ряд реформ, смягчивших последствия кризиса времен модернизации России. В итоге, в этот период страну миновала дезорганизация и сползание в неуправляемую революцию. Продуманная, прагматичная и национально ориентированная политика этого периода обеспечила стабильное и преемственное развитие страны.

В последнее время в исторической и юридической литературе все чаще звучат суждения о необходимости переосмысления политики Александра III как реакционной и губительной. Так называемые «контрреформы» предлагается воспринимать не как откат в дореформенное время, а как охранительные средства стабилизации политической ситуации и устранения отрицательных последствий великих реформ. Так, в работах Н.Ф. Гриценко, Б.Н. Миронова, А.Н. Боханова и Н.И. Биюшкиной утверждается, что политика Александра III и его консервативного окружения не отменяла реформы Александра II, а устраняла кризисные последствия их введения. Земская и городская реформа создали противоречия между государством и местным самоуправлением и внутри самого самоуправления. Суд присяжных показал опасность участия в судебном процессе малограмотных и внушаемых со стороны адвокатов крестьян. Явно опережали время идеи ограничения императорской власти и введения парламента, поскольку не соответствовали идеалам народа. Поэтому, по существу в этот период происходило приспособ-

собление реформ к реалиям жизни и снижение политической нестабильности после кризиса в аграрной и социально-политической сферах.

Нельзя не видеть тех причин, которые фактически требовали от Александра III исключительных мер. Как отмечает Биюшкина: «Император Александр III принял правление дестабилизированным государством, которое было ввергнуто в пучину терроризма. Законодательные меры исключительного характера, проводимые российским правительством, привели к положительным результатам вопреки негативным прогнозам либеральной общественности. Процесс восстановления законности и правопорядка, происходивший в исторически короткий срок в Российском государстве, заслуживает пристального внимания и глубокого всестороннего изучения»³.

В любом случае мотивация власти и консерваторов сводилась к стремлению удержать под контролем управляемость общества, не допустить дезорганизации. Миронов подметил, что «торможение реформаторского процесса в либеральном направлении, наступавшее в 1825—1855 гг. или в 1880—1890-е гг., вызывалось объективной опасностью потерять контроль со стороны верховной власти над ситуацией в стране. Это особенно наглядно видно в контрреформах 1880—1890-х гг., которые, как правило, рассматриваются исключительно как стремление верховной власти отменить или, по крайней мере, сузить либеральное значение великих реформ. Между тем, в них имелся и второй аспект — более органичное и рациональное по своей сути приспособление новых учреждений и институтов, созданных реформами, к традиционным институтам, к потребностям всего общества, а не только его малочисленной образованной части»⁴.

В общих чертах сущность концепции «консервативной стабилизации» можно обрисовать следующим образом:

— необходимость консервативной стабилизации возникает в условиях нарастания дезорганизации управления и общественной жизни, в самые острые пики кризиса политического развития, когда волна либеральных реформ, модернизации или угроза социалистической революции, а то и анархического бунта ставят вопрос о самом существовании российской цивилизации;

— можно даже видеть «волновое» действие консервативной стабилизации после периода либерализации жизни. Консерватизм сменяет либерализм, после волны реформ и дестабилизации накатывает волна консервации, стабилизации жизни, устранения или смягчения причин кризиса в системе управления обществом. По словам Миронова, «если бы получившая распространение в последнее время схема реформы-контрреформы, которую было бы правильно назвать концепцией маятника, была состоятельна, то Россия «бежала» бы на месте. Между тем, как мы видели, российское общество непрерывно развивалось, в том числе и в царствования, которые принято называть консервативными: в эпоху дворцовых переворотов, при Николае I и Александре III, не говоря уже о Николае II. В так называемые консервативные царствования, следовавшие после радикальных, системных петровских и великих реформ, произошедшие изменения как бы переваривались, усваивались, происходила скрытая подготовка к следующему циклу социальных изменений. Это была необходимая пауза перед новым движением»⁵.

— идея «консервативной стабилизации» направлена не на возврат к прошлым политико-правовым формам и институтам, а на нейтрализацию факторов деструктивного порядка для цивилизации, экономики, государственности и права;

— концепция «консервативной стабилизации» основывается на идеи постепенного, эволюционного, а не скачкообразного и революционного развития, но при этом и не отвергает реформы, но только те, которые вытекают из практических потребностей, а не доктринерских теорий. Применительно к курсу «консервативной стабилизации» Александра III Боханов верно отметил: «На самом деле никакой консервации “негатива” при Александре Александровиче не наблюдалось. Смысл и направление политики были совсем иными: неустанно, но лишь постепенно, шаг за шагом, без резких кренов и рывков преодолевать отсталость и несуразности. Внутренний (как и внешний) курс России этого периода можно с полным правом обозначить как

“спокойную политику”. Никакого “анабиоза” социальной, экономической, культурной жизни в империи не наблюдалось»⁶.

— консервативная стабилизация зиждется на непреложном постулате «развития за счет собственных национальных государственно-правовых и культурных традиций» без оглядки на европейский политико-правовой опыт;

— в юридической плоскости «консервативная стабилизация» проявляется во введении в соответствующем объеме экстраординарных средств правового регулирования, которые меняют общий, нормальный порядок правового регулирования, свойственный мирному развитию ситуации.

По существу центральным пунктом «консервативной стабилизации» выступает идея «сильного» государства и неизбежности самодержавия. На сильную и централизованную власть возлагается ведущая роль в противостоянии деструктивным силам, организации правопорядка и экономическом развитии страны. Именно государство в России традиционно выступало как модернизирующей, так и консервирующей силой. Заметно, что смена модернизации (либерализации) на консерватизм последовательно прослеживается в царствование Александра I (либеральные проекты М.М. Сперанского), Николая I (противодействие революционным течениям, концепция «официальной народности» С.С. Уварова), Александра II (отмена крепостного права, судебная, городская и земская реформы, подготовка проекта созыва Земского Собор) и Александра III (охранительный курс противостояния терроризму и революционным организациям, централизация власти, обеспечение правопорядка и законности).

Позитивное значение «консервативной стабилизации» имеет фактическое подтверждение. Так, исследования Миронова показывают, что при Николае I, Александре III, Николае II непрерывно возрастало благосостояние населения Российской империи (на основе данных об увеличении роста подданных и соответственно улучшении питания). Имеющиеся сведения о преступности также подтверждают общую закономерность. Рост преступности наблюдался при Александре I, а потому заметен спад при Николае I. Снова преступность росла, в особенности политическая, при Александре II и шла на убыль при Александре III. Биюшкина на основе изучения деятельности правительства Александра III по выявлению и пресечению революционной деятельности пришла к доказательным выводам о том, что в этот период революционная угроза была полностью нейтрализована. Как не относиться к данному факту, но тем самым власть доказывала свою эффективность и способность обеспечить правопорядок, защиту государства и общества от актов террора. Более того, суровые меры против терроризма и при Александре III и при Николае II могут быть объяснены с точки зрения самозащиты общества и государства. Таким образом, очевидно наличие уже упомянутых волн в развитии государства, эффекта маятника или качелей от модернизации к стабилизации, от либерализма к консерватизму. В противном случае Россия либо вовсе не развивалась бы, либо регулярно впадала в другую крайность — анархию, дезорганизацию, аномию. Взвешенное сочетание реформ и стабильного развития прокладывало дорогу гармоничному и эволюционному развитию России — без скачков, революций и закоснелой реакции; консервации отживших порядков и отрицательных сторон жизни.

Даже в критических работах, посвященных правительственному курсу на рубеже XIX—XX вв., признается действенность и временами неизбежность репрессивных мер государства в снижении революционной активности. Так, Будницкий хотя в целом и негативно оценивает опыт борьбы самодержавия с терроризмом (поскольку «смотрит с улицы в окна охранки»), имея ввиду провокации, жесткость репрессий, учреждение военно-полевых судов, тем не менее указывает на то, что террор в последней трети XIX в. не находил понимания и поддержки в среде интеллигенции и крестьянстве, а противодействие ему в годы царствования Александра III оказалось результативным, поскольку организация народо-вольцев была полностью разгромлена и обезврежена⁷. Более ясно отношение общества

к террору выразил П.А. Зайончковский: «Напротив, широкие круги интеллигенции, и в первую очередь молодежь, разочаровались не только в народолюбчестве, но и в народничестве вообще. Акт убийства царя вызвал общественную реакцию, противоположную той, которую ожидали народолюбцы»⁸.

Напротив, критические оценки в адрес политической юстиции России, данные К.П. Краковским (милитаризация судов, передача политических дел от обычных судов с участием присяжных в ведение административных органов, сужение прав подсудимых, зависимость судов от администрации, военно-полевые суды, «извращенность» правосознания судей, которые превратились из «верных праву в конформистов, и пр.) не сопровождаются анализом причин такой политики правительства, масштаба угроз для власти со стороны террора и революционных сил, а также результативности деятельности правительства⁹. Принимая во внимание ряд верных суждений исследователя, следует все-таки отметить, что фактически тем самым автор допускает использование ординарных средств борьбы с революционными силами¹⁰. Однако, по нашему мнению, в данном случае необходимо исходить из теории исключительного положения, когда для преодоления кризиса и угрожающей обстановки необходимо отступить от нормальных, «либеральных» средств регулирования. Исключительность ситуации, а таковая, очевидно, имела место в форме угрозы покушения на самого царя и дестабилизации ситуации, требовала и адекватных, экстраординарных средств управления. Более того, именно в этот период и вплоть до 1917 г. в России были введены и практически не отменялись соответствующие правовые режимы: усиленной охраны, чрезвычайного положения и т.д.

Представляется, что ближе к истине позиция Биюшкиной, которая в революционных обществах и терроре видит непосредственную причину охранительных и исключительных мер правового регулирования: «Все эти революционные общества ставили перед собой цель свержения существующего в России строя, захвата власти путем государственного переворота, используя террористические методы. Постоянная угроза покушений на жизнь императора и других государственных деятелей привела к необходимости введения чрезвычайных законодательных мер со стороны императорской власти»¹¹.

Наиболее крупный на сегодняшний день исследователь охранительного курса Александра III Биюшкина, определяя причины перехода власти к исключительным мерам борьбы с революционным террором, приходит к выводу, что «сложившиеся в Российском государстве на рубеже 70—80-х гг. XIX в. общественно-политические отношения характеризовались крайней нестабильностью и несли в себе угрозу сложившейся форме государства, режиму законности и правопорядка, и этим объясняется необходимость, обоснованность и целесообразность принятия правовых мер исключительного характера в охранительных целях»¹².

Более того, как справедливо подчеркивает тот же автор, не убийство царя было поворотным пунктом правительственного курса. По сути дела, охранительность политики началась еще в 1870-х гг. после роста социальной напряженности, покушений на царя и усиления террористической угрозы. Целый ряд мероприятий еще Александра II уже может быть назван охранительными: ограничение стачек, борьба с революционными движениями, расширение прав полиции и пр. Охранительность правительства напрашивалась исходя из новых угроз: 10 покушений на царя, восстание в Польше, выступление в Одессе, убийство около 3500 чиновников разных уровней. От власти требовалось показать свою силу в борьбе с новыми вызовами. Отказ от введения представительного учреждения в Российской империи нужно видеть не просто в консерватизме Александра III и его сподвижников, а в том, что учреждение такого органа было неадекватно сложившейся ситуации, когда требовалось восстановление порядка, дисциплины и наказание виновных. Совершенно верно заметил В.А. Томсинов, говоря о роли К.П. Победоносцева в противодействии попыткам введения конституционной монархии в России: «Ему удалось убедить Александра III выступить решительно в защиту самодержавия и

против каких-либо попыток ограничения верховной государственной власти. При этом Константин Петрович подчеркивал, что выступает против привлечения представителей общества к участию в законосовещательной деятельности не потому, что является противником каких-либо перемен в государственном строе, но оттого, что ясно сознает несвоевременность их в сложившейся в России политической обстановке. Победоносцев внушал своему венценосному ученику, что не о новых учреждениях необходимо думать в условиях социальной нестабильности, но о восстановлении государственного порядка, утверждении законности, об успокоении взволнованного общественного сознания»¹³.

Следует признать, что в период царствования Николая II в целом консервативные средства управления обществом оказались недостаточными и не смогли предотвратить кризис сознания и гибель самодержавного государства. Курс правительства последнего царя отличался непоследовательностью, трансформацией от консервативной тактики к либерализации жизни. Так, до 1905 г. заметна приверженность курсу Александра III, но при этом назревшие проблемы (аграрный кризис, проникновение капитализма в крестьянскую среду, бюрократизм власти и др.) не получали разрешения при участии государственной власти, как ранее. Зачастую консервативная стабилизация сводилась к элементарной реакции и консервации, а не к разумному сочетанию консерватизма и модернизирующей роли государства.

После 1905 г. и перехода к дуалистической монархии правительство казалось бы пошло по пути либерализации. К сожалению, с большей частью проблем, требовавших решения, власть не смогла эффективно справиться: борьба с терроризмом (только чиновников погибло около 17 тыс. чел.), аграрный вопрос, который был решен лишь отчасти и то с катастрофическими последствиями П.А. Столыпиным. Главное же, самодержавие не выдержало идеологического противостояния и не смогло сохранить самодержавные архетипы в национальном менталитете. Как верно отмечает Миронов, фактически царская власть пала жертвой пиар-технологий, когда интеллигенция смогла убедить общественное мнение в необходимости ликвидации монархии и завысила уровень притязаний общества. Хотя, все-таки отрицать курс консервативной стабилизации в правление Николая II невозможно. По крайней мере, уровень благосостояния в этот период повышался, рабочий класс получил серьезную защиту со стороны власти. В целом армия показала свою способность противостоять врагу в первой мировой войне, тем более что на весну 1917 г. царь готовил наступление на западном фронте. Во многом, провал политики монарха можно видеть именно в потере меры в консервативной политике и неопределенности действий власти. По существу, царское правительство потеряло контроль над общественным мнением и не смогло повлиять на его радикализацию. Известно, что Л.А. Тихомиров с сочувствием встретил революцию и отречение царя, разочаровавшись в правительственном курсе. Примечательно, что Биюшкина отрицает охранительность курса Николая II.

Вероятно, можно предположить, что выбранная Александром III стратегия позволила фактически отсрочить революцию. Правильное и национально взвешенное продолжение такого курса стабилизации и нейтрализации негативных факторов вкупе со своевременными реформами позволило бы царской власти избежать катастрофы 1917 года. Самодержавию не удалось сохранить авторитет и остаться центральным институтом модернизации российского общества. Не случайно, что в консервативных и придворных кругах того времени были распространены идеи установления диктатуры, которая позволила бы прекратить смуту, беспорядки, справиться с терроризмом и провести необходимые консервативные преобразования. Чаще всего среди претендентов называли Столыпина, но его убийство и личные амбиции царя помешали этим планам стать реальностью. Пожалуй, наиболее ярким проектом введения диктатуры была фантастическая утопия неославянофила С.Ф. Шарапова, который описал все те преимущества, которые получит Россия при назначении царем национально мыслящего диктатора.

На наш взгляд, одной из причин крушения самодержавия стала разобщенность, дезорганизованность и падение авторитета правых, консервативных сил. Самодержавие потеряло серьезную опору в бюрократии и консервативной части общества. В отсутствие сколько-нибудь сильной и мощной организации сторонников и единомышленников царская власть фактически осталась один на один с либералами и революционерами.

В концепции «консервативной стабилизации» серьезное значение имеет апелляция к старине, древней традиции. Во-первых, для консерватизма наличное бытие как итог преемственного развития государства и права выглядит предпочтительнее абстрактных и утопичных проектов будущего устройства. Консерватизм не желает рисковать утратой имеющегося ради приобретения чего-то нового, но при этом опасного с точки зрения своей реалистичности и негативного влияния на прошлое и настоящее.

Во-вторых, в традиции консерватизм видит мощный фактор стабильности и регулирования поведения в обществе. Ю.В. Сорокина отмечает: «Традиции обладают внеличностными качествами и они более предсказуемы, чем индивиды, работающие в учреждениях»¹⁴. Опора на традицию гарантирует эволюционное, без рывков и скачков, развитие. Поэтому становится понятным стремление консерваторов использовать механизмы разрешения конфликтов, опирающиеся на традиционные представления о праве, законе, суде и справедливости.

Консервативная правовая концепция, признавая стабилизирующее и охранительное значение юридического регулятора, скептически относилась к идеализации регулятивных возможностей права в обеспечении социального порядка и организованности. Консерватизм предрекает опасность перехода общественной жизни к устройству на основе господства закона и критикует правовой идеализм как переоценку реальных возможностей правового регулирования.

Попытка подмены неформальных регуляторов (религии, нравственности, традиций) на диктат закона воспринимается в консервативной традиции как отрицание традиционных опор российского правосознания и потому нередко ведет к отрицанию ценности права. Р.В. Насыров весьма точно передал своеобразие российской правовой культуры в следующих словах: «Своеобразие российской правовой культуры не в наличии некоего уникального симбиоза закона, справедливости и нравственности, а в том, что в отличие от современной западноевропейской правовой культуры с ее значительной юридикацией общественной жизни, в России сфера проявления позитивного права не может быть столь тотальной и определяющей не только форму, но и содержание общественных отношений. Проявления позитивного права должны соответствовать менталитету и условиям существования российского общества. Но это не означает, что сама суть российского позитивного права как формального регулятора должна быть уникальной»¹⁵.

С идеей господства закона было бы трудно спорить, если бы мировой опыт показал эффективность закона и достижение на основе юридических средств общественного идеала. Однако на деле оказывается, что преклонение перед мощью закона не оправдывается его действительной ролью и значением в современных условиях, как в мире, так и в России. Преклонение человека перед одним только государством и его законом уничтожает человеческое достоинство, лишает его свободы духа.

Такой культ права вне религиозных идеалов порождает две крайности – человекобога и как следствие хаос, вызванный борьбой друг с другом человекобогов, или тоталитарный строй, в котором люди подобно машинам исполняют бесчисленные нормативные требования, поскольку не способны к свободному, творческому поведению вследствие отсутствия в них человеческих, нравственных качеств.

Так, создатель концепции народной монархии И.Л. Солоневич полагал: «Мы ставим — и всегда ставили — внутренние нравственные принципы выше мертвой буквы формального закона. Само собой разумеется, что при нынешнем уровне нравственного развития человечества

никакое общество не может обойтись без судьи, обвинителя, тюремщика и палача... Но, по дороге от палача к братству мы все-таки прошли гораздо большее расстояние, чем Западная Европа»¹⁶.

Приобщение к европейской идее господства закона он считал поворотом назад, отмечая, что низкий авторитет закона в России означает не анархизм и хаос, а действие более мощных регуляторов — требований религии, нравственности и традиций: «Наше отношение к писанным юридическим нормам отдает, так сказать, релятивизмом, теорией относительности, постольку-поскольку. Возможность построения империи при пониженном уважении к закону объясняется прежде всего тем, что взамен писанных норм у нас имеются неписанные, основанные на чувстве духовного такта. Такт же есть вещь, не укладываемая ни в какие юридические формулировки. И вот почему иностранные наблюдатели становятся в тупик перед «бесформенностью» русского склада характера»¹⁷.

Дореформенная Россия в целом демонстрировала высокий социальный порядок и низкий уровень преступности, обусловленный не столько эффективностью закона и полиции, сколько высоким уровнем нравственного развития и господством традиционных ценностей жизни, а также характером политики верховной власти, усиливающей или ослабевающей социальный контроль. Историк Миронов пишет: «Абсолютное число зафиксированных преступлений с 1803—1808 гг. по 1911—1913 гг. возросло почти в 12 раз, но с учетом роста населения — в 2,9 раза. В течение изучаемого времени уровень преступности изменялся: до отмены крепостного права он имел тенденцию к снижению, а после эмансипации — к повышению. Индекс преступности в 1851—1860 гг. составлял 95% от уровня начала XIX в., а в 1911—1913 — 305% от уровня 1851—1860 гг. В пореформенный период преступность непрерывно возрастала, с одной остановкой в 1890-х гг. Ни до, ни после эмансипации преступность не изменялась линейно. Она возрастала в либеральное царствование Александра I, уменьшалась при консервативном правлении Николая I, затем вновь, но на этот раз весьма значительно — в 2,7 раза, возросла в реформаторскую эпоху Александра II, затем уменьшилась при консервативном царствовании Александра III и вновь выросла на 55% при противоречивом и неустойчивом правительственном курсе Николая II... Как являют различные показатели преступности, чем жестче был император, чем консервативнее было царствование, чем тверже проводилась соответствующая внутренняя политика, тем ниже была преступность...»¹⁸

Таким образом, консервативная правовая идеология сформулировала следующие предложения.

Во-первых, консерваторы отдавали первенство религиозно-нравственным регуляторам поведения, подчеркивая слабость и ограниченность закона в жизни общества. Поступок человека определяется его совестью, верой, а не требованиями закона, которые рассчитаны лишь на тех порочных людей, которые не совершают зла из-за страха перед наказанием. Охранители по сути дела сформулировали закон, согласно которому потеря религиозных основ человеком приводит к его нравственному беззаконию, возрастанию юридических начал, не обеспечивающих как прежде совестливого поведения людей. Выступая за сохранение и возрождение традиционных христианских основ жизни, консерваторы указывали на слабость законов в удержании преступников от зла и его перевоспитании¹⁹. По их мнению, вопросы осуждения за зло, исправления преступника необходимо передавать в руки соборной церкви — самой общины верующих, что позволит преступнику почувствовать муки совести, раскаяться и снова войти за свои добрые дела в церковь, получив благодать Бога.

Во-вторых, консерваторы предлагали альтернативы формализованному государственному правосудию — суд общины, суд совести, Божий суд, способные, по их мнению, нравственно перевоспитать оступившего человека и предотвратить новые проявления греха, зла и преступления.

В-третьих, традиционалисты стояли на позиции духовного воспитания личности как основы правовой культуры и опоры правопослушного поведения личности, а также усиления правового воспитания государственных служащих, юридических кадров как средства превенции их нравственного вырождения.

Очевидно, что опыт и теоретический потенциал, накопленный при реализации политики «консервативной стабилизации» может быть использован и в современной России, когда нестабильная модернизация и кризисные процессы во всех сферах жизни вновь требуют взвешенной и национально ориентированной политики в интересах сохранения российской цивилизации. Безусловно, нельзя не видеть и другую крайность, которую обнаруживает охранительство — стремление к консервации существующих порядков и отказ от назревших политических решений. Такой подход, в основном связанный с узкими интересами бюрократии в сохранении власти и порядков в своих интересах, ведет к губительным последствиям для государства — утрате доверия, дерегуляции и потере власти. Необходима «золотая середина» — умеренный и прагматичный консерватизм, а не радикализм или «охранительство» власти как таковой.

Примечания

1. МИНАКОВ А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX в. Воронеж. 2011, с. 463.
2. КОДАН С.В. Юридическая политика Российского государства в 1800—1850-е гг.: деятели, идеи, институты. Екатеринбург. 2005, с. 81.
3. БИЮШКИНА Н.И. Политико-правовое развитие Российского государства в условиях охранительного внутривластного курса (1870—1890-е гг.). М. 2015, с. 4.
4. МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России периода империи. Т. 2. СПб. 1999, с. 227.
5. Там же, с. 229.
6. БОХАНОВ А.Н. Император Александр III. М. 2009, с. 425.
7. БУДНИЦКИЙ О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX вв.). М. 2000, с. 59.
8. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов) М. 1970, с. 8—9.
9. КРАКОВСКИЙ К.П. «Щегловитовская юстиция» в России (Министерство юстиции позднеимператорского периода по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М. 2014.
10. ЕГО ЖЕ. Политическая юстиция в России во второй половине XIX — начале XX в.: историко-правовое исследование. Автореферат дисс. докт. юр. наук. М. 2013, с. 19—23.
11. БИЮШКИНА Н.И. Ук. соч., с. 65.
12. ЕЕ ЖЕ. Политико-правовое развитие Российского государства в условиях охранительного внутривластного курса (1870—1890-е гг.). Дисс. докт. юр. наук. Н. Новгород. 2012, с. 86.
13. ТОМСИНОВ В.А. Конституционный вопрос в России в 60-х — начале 80-х годов XIX в. М. 2013, с. 196.
14. СОРОКИНА Ю.В. Государство и право в культурно-философском аспекте. М. 2012, с. 7.
15. НАСЫРОВ Р.В. Человек как самоценность. М. 2011, с. 157—158.
16. СОЛОНЕВИЧ И.Л. Народная монархия. М. 2005, с. 252.
17. Там же, с. 254.
18. МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб. 1999, с. 84—85.
19. ИВАННИКОВ И.А. Традиции: историко-правовой аспект. — История государства и права. 2013, № 19, с. 48—52.

В.П. БУЛДАКОВ, Т.Г. ЛЕОНТЬЕВА. *Война, породившая революцию*. М. Новый хронограф. 2015. 720 с.

Книга известного российского историка, специалиста в области изучения русской революции начала XX в. В.П. Булдакова и исследователя истории православного духовенства в России Т.Г. Леонтьевой посвящена истории первой мировой войны и революции 1917 года.

Тема первой мировой войны стала особенно популярной в последние годы, что непосредственно связано с недавним столетним юбилеем ее начала. Традиционно в нашей стране эта война считалась забытой, поскольку революционные события 1917 г. и Гражданская война отодвинули ее в общественном сознании на второй план. Официальная советская историография рассматривала мировую империалистическую войну исключительно как событие, предварившее революцию.

В 1990-е гг. интерес к изучению собственно мирового конфликта 1914—1918 гг. стал возрождаться. Появились многочисленные публикации на эту тему. При этом все активнее стала распространяться точка зрения, что Россия оказалась в числе стран, потерпевших поражение абсолютно незаслуженно, что она бесславно вышла из войны накануне победы в результате случайности или действий заговорщиков. Это отмечено авторами рецензируемой монографии, которые не соглашались с данной постановкой вопроса и пытаются развенчать подобный миф. С этой целью они подробно изучают состояние экономики, взаимоотношений между различными социальными слоями, конфессиями, центром и окраинами, но в наибольшей степени — психологическое состояние российского, да и в целом европейского общества накануне и во время войны. Более того, все прочие сюжеты (экономика, социальные, национальные, религиозные вопросы) разбираются не сами по себе, а через восприятие их представителями различных слоев российского общества.

Соответственно поставленной задаче — изучить психологические основы перераста-

ния войны в революцию, поскольку именно в человеческой психологии, в психологии масс, по мнению авторов, и заключается основа исторического движения — подобран и круг источников, на которые опирается данное исследование. Авторами привлечен солидный корпус свидетельств, как архивных, так и опубликованных, включая современные событиям периодическую печать, а также многочисленная научная отечественная и зарубежная литература. Впрочем, упор делается на источники личного происхождения: воспоминания, дневники и, главным образом, письма, поскольку именно в них содержатся живые эмоции, передающие умонастроения людей в конкретный момент рассматриваемой исторической эпохи. Конечно, здесь сразу надо отметить, что использование личной переписки в качестве основного источника составляет «за бортом» значительные массы неграмотного населения Российской империи, так что их эмоциональное состояние возможно реконструировать только косвенно, с помощью других свидетельств. Используется в монографии и современная событиям публицистика и даже беллетристика, поскольку роль интеллектуалов, пишущей братии, в нагнетании массового психоза, вылившегося в начале XX в. в мировую войну, представляется авторам достаточно важной.

В структурном плане работа разделена на 2 части, одна из которых посвящена событиям первой мировой войны до начала 1917 г. и назреванию революционных событий, а другая — непосредственно революции 1917 г. и выходу России из войны. Части, в свою очередь, поделены на главы, выделенные по проблемно-хронологическому принципу и посвященные либо более дробным временным отрезкам в рамках рассматриваемого периода, либо отдельным проблемам исследуемой темы (восприятие врагов и друзей, экономические сложности, религиозные настроения и т.д.).

В качестве основных факторов, повлиявших на развязывание войны, авторами выде-

ляются бурный рост населения (с середины XIX в.) и развитие технологий, в том числе информационных, что, с одной стороны, увеличило долю молодежи и, соответственно, агрессивность народных масс, а, с другой, — способствовало развитию «иллюзорности» массового сознания». «Мир стал в наибольшей степени руководствоваться не наукой, а эмоциями, не разумом, а чувствами, не расчетом, а инстинктом» (с. 17). При этом, Россия, в которой разрыв между элитарной и народной культурами был весьма велик, отреагировала на этот процесс особенно болезненно. В результате, начавшаяся в Европе «большая война» стала серьезнейшей проверкой для всего имперского механизма, которой он не выдержал. Первоначальная эйфория, вследствие поражений и неоправдавшихся надежд на быструю победу, сменилась тяжелым психологическим состоянием, что, в свою очередь, обернулось всплеском архаики, нашедшим свое воплощение в революции.

Книга, безусловно, представляется весьма интересной как для профессиональных историков, так и для всех интересующихся историей России XX в. в целом. Она не только содержит критические замечания в адрес ряда современных отечественных историков и политологов, занимающихся указанными вопросами, но и проводит определенные параллели с современностью, поскольку проблемы, связанные с международным соперничеством, формированием образов «другого», манипуляциями массовым сознанием остаются актуальными, равно как и проблема восприятия российским обществом самого себя и своей истории. С авторами можно спорить, не соглашаться в целом или в частности, но сама предпринятая ими попытка историко-антропологического анализа событий, определивших развитие нашей страны на протяжении последующего столетия, является достойной пристального внимания.

Г. Е. ГИГОЛАЕВ

R.F. FOSTER. *Vivid Faces: The Revolutionary Generation in Ireland 1890—1923*. London. Allen Lane. 2014. 464 pp.

Р.Ф. ФОСТЕР. *Живые лица: революционное поколение в Ирландии, 1890—1923*. Лондон. Аллен Лэйн. 2014. 464 с.

В этом году в Ирландии широко отмечают столетие Пасхального восстания — вооруженного выступления за независимость в Дублине в Пасхальную неделю 24—29 апреля 1916 года. В отличие от многих подобных юбилеев, преддверие столетия Пасхального восстания ознаменовалось введением в научный оборот нового важного комплекса источников. В 1947 г. тогдашний министр обороны Ирландии Оскар Трэйнор (1886—1963), участник данного восстания и войны за независимость Ирландии 1919—1921 гг., основал Бюро военной истории (Bureau of Military History, BMH), просуществовавшее до 1957 года. Его целью стал сбор материалов по движению за независимость — от формирования военизированной организации «Ир-

ландские добровольцы» (Irish Volunteers) 25 ноября 1913 г. до завершения войны за независимость 11 июля 1921 года. При этом явно намеренно была забыта гражданская война 1922—1923 гг., в которой бывшие союзники в борьбе за независимость раскололись по вопросу о признании Англо-ирландского договора от 6 декабря 1921 г., согласно которому Ирландия становилась доминионом, а графства Северной Ирландии получали право остаться в составе Великобритании. В итоге деятельности Бюро было собрано 1773 письменных свидетельства участников и очевидцев событий, 334 документальные папки, 42 подборки фотографий, сделано 13 аудиозаписей. Только в 2003 г. эти материалы были рассекречены, причем, как выяснилось, ис-

торики и не подозревали, насколько велик их объем. Наряду с документальной коллекцией Бюро по военным пенсиям (280 тыс. личных дел, собранных с 1934 г.), архив Бюро военной истории составляет ценнейший источник по истории движения за независимость Ирландии («ирландской революции») 1913—1923 гг. и хранится в находящемся в ведении Министерства обороны Военном архиве, причем с недавнего времени все эти фонды доступны в оцифрованном виде.

Благодаря этим источникам, в новых исследованиях ярче звучит голос рядовых участников Пасхального восстания и войны за независимость, а значит — можно с большей убедительностью постараться ответить на вопрос о причинах радикализации той критической массы ирландцев, которые, потерпев поражение в 1916 г., получили большинство на парламентских выборах в конце 1918 г., провозгласили независимость 21 января 1919 г. и в 1922 г. добились ее признания бывшей метрополией.

Люди, готовившие Пасхальное восстание, получили свой первый жизненный опыт, когда ключевые проблемы, стоявшие перед Ирландией, начали успешно решаться. Это происходило потому, что британские власти понимали необходимость улучшения положения нищей провинции, а опустошенная голодом и эмиграцией католическая Ирландия больше не представляла той возможной угрозы Британской империи, тем более, что ее главным соперником была бы уже не католическая Франция, как в XVIII столетии, а Германия, да и всеевропейское противостояние католиков и протестантов стало историей. В прошлом остался страшный рукотворный «картофельный» голод 1845—1848 гг., вызванный наследием антикатолического законодательства XVI—XVII вв., которое лишило ирландцев земли, превратив их либо в батраков, либо в выращивающих картофель для пропитания мелких арендаторов (экспорт мяса из Ирландии продолжался и в разгар голода). Беспорядки «земельной войны» 1879—1882 гг. вызвали к жизни земельные законы 1881—1909 гг., и в итоге к началу первой мировой войны более 316 тыс. ирландцев выкупили в

рассрочку на льготных условиях около 11,5 млн акров земли — более половины всей территории острова, радикально сократив долю крупного землевладения. Согласно закону 1906 г., началось быстрое строительство социального жилья для батраков, в котором поселились примерно четверть миллиона человек, ранее ютившихся в самых жутких лагунгах. Близилась к концу долгая борьба за самоуправление — гомруль: в 1912 г. либеральный премьер-министр Герберт Асквит направил соответствующий билль в Палату общин, которой удалось трижды преодолеть сопротивление Палаты лордов и добиться подписания билля королем 18 сентября 1914 года. Наконец, с 1 января 1871 г. Ирландия перестала платить церковную десятину в пользу епископальной церкви Ирландии (то есть протестантской церкви завоевателей-англичан). Дискриминация католиков окончательно завершилась.

Не случайно, Пасхальное восстание породило споры среди европейских социал-демократов да и либералов: если оно уже не могло носить социальный характер, а было исключительно национальным («национально-освободительным», «национально-буржуазным»), то должны ли его поддерживать левые силы? Почему ирландцы воевали за отделение от метрополии ровно тогда, когда, казалось, «ирландский вопрос» уходил в прошлое?

Рецензируемая книга профессора истории Ирландии в Оксфордском университете, выпускника дублинского Тринити-колледжа Р.Ф. Фостера основана на чрезвычайно престижных Фордовских лекциях, прочитанных в Оксфорде в 2011—2012 уч. году. Автор ставит задачу нарисовать коллективный портрет «революционного поколения» — организаторов и рядовых участников Пасхального восстания и последовавшей Войны за независимость. Историкам важно подчеркнуть, что речь идет не об отдельных активистах-энтузиастах, а о действительно критической массе все более и более радикально настроенных борцов с метрополией. На страницах книги упоминаются и цитируются сотни человек, и в ее чтении помогает приложение — био-

графии 116 деятелей национального движения (р. 393—433).

Шесть глав книги посвящены формированию мятежного поколения, которому было суждено изменить судьбу страны, а две — собственно Пасхальному восстанию и событиям вплоть до завершения расколовшей вчерашних соратников гражданской войны 1922—1923 годов. Заключительная глава повествует о том, как борцы за независимость вспоминали бурные события молодости, как строилась коллективная память об обретении независимости. Уже из композиции книги ясно, что именно Пасхальное восстание служит ключевой точкой рассказа — без него, видимо, не было бы и победы партии Шинн Фейн на выборах 1918 г., и последовавшего успешного вооруженного противостояния с метрополией. Исследование представляет собой не описание событий борьбы за независимость Ирландии, а очень плотно сплетенный, полный цитат, в значительной степени архивных, рассказ о взглядах на эти события, об их обсуждениях участниками и современниками.

Первая глава «Отцы и дети» описывает растущее разочарование нового поколения ирландских активистов в умеренных взглядах большинства ирландских политиков, боровшихся за социальный прогресс и самоуправление в составе империи, — взглядах, воплощенных в деятельности Ирландской парламентской партии, которую с 1900 г. возглавил Джон Редмонд (1856—1918).

Во второй главе автор описывает образование и воспитание будущих организаторов восстания. Ирландский закон об образовании 1878 г. (Intermediate Education Act), предусматривавший стипендии для одаренных детей, резко расширил доступ бедняков (то есть в основном ирландцев-католиков) к образованию, улучшил финансовые возможности католических школ, запрещенных в Ирландии вплоть до 1782 года. Один из лидеров (номинальный глава) Пасхального восстания Патрик Пирс (1879—1916) сам открыл школу, получившую имя в честь св. Энды. Чрезвычайную популярность по всей стране обрели мероприятия основанной будущим первым президентом

Ирландии (1938—1945) Дугласом Хайдом (1860—1949) Гэльской лиги (Gaelic League), а также Гэльской атлетической ассоциации (GAA). Так создавался широкий круг единомышленников, причем не только в Дублине, но и в других городах страны, в первую очередь, в Корке.

Помимо литературы и периодики национального возрождения (в 1900—1922 гг. в Ирландии выходили 332 газеты), историк уделяет внимание театру, посвятив ему отдельную главу. Если прославленный Театр Аббатства (1904) Уильяма Йейтса и Августы Грегори был сознательно аполитичным, то многочисленные не столь художественно выдающиеся антрепризы отстаивали идеалы «национального освобождения».

Вооружению повстанцев посвящена шестая глава. Сначала начали готовиться к бою унионисты, создавшие в январе 1913 г. Ольстерские добровольческие силы (Ulster Volunteer Force) с целью не допустить претворения в жизнь положений гомруля. В ответ возникла организация «Ирландских добровольцев», причем к этому времени уже возродилось почти угасшее тайное Ирландское республиканское братство (Irish Republican Brotherhood). Появилась сравнительно небольшая социалистическая Ирландская гражданская армия (Irish Citizen Army). Активисты, чей радикализм еще накануне не выходил за границы громких призывов на страницах журналов и в лекциях, стремительно принимали военные методы борьбы. Поразительно — и на это обстоятельство обращает внимание сам автор — и то, что британские власти вплоть до первой мировой войны никак не ограничивали свободу слова в беспокойной провинции, и то, как безучастно смотрели они на ее стремительную милитаризацию.

Среди руководителей и рядовых деятелей ирландского национального движения были выходцы из всех слоев ирландского общества. Мы встречаем и представителей богатых, привилегированных семей, таких как братья и сестры Планкетты, чей отец Джордж Нобл Планкетт был богатым строителем и директором Национального музея Ирландии, а в

независимой Ирландии возглавил Министерство иностранных дел, как Мюриель Мак-Суайни (1892—1982, в девичестве Мерфи, из династии знаменитых пивоваров), как дочь англо-ирландского аристократа и популярного исследователя Констанс Гор-Бут (1868—1927, в замужестве Маркевич, ее супруг, подольский помещик Казимир Дунин-Маркевич учился в Париже живописи); выходцев из растущего городского среднего класса и из городских низов, как, к примеру, сын строительного подрядчика, юрист Патрик Пирс или учитель математики Эмон Де Валеру (1882—1975), которому приходилось преподавать одновременно в двенадцати школах, колледжах и университете (р. 38, 341п). Были и уроженцы деревень близ Корка Майкл Коллинз (1890—1922) и Патрик О'Хегарти (1879—1955), работавшие на почте в Лондоне; сын офицера Роджер Кейсмент (1864—1916), сделавший блестящую и благородную (защищал местное население) карьеру в колониях, наконец, — дети ирландских рабочих Эдинбурга и Манчестера Джеймс Конноли (1868—1916) и Джеймс Ларкин (1876—1947). Далеко не все активисты были ирландцами-католиками, многие происходили из смешанных протестантско-католических или просто протестантских семей, наконец, из смешанных англо-ирландских семей, в том числе из Ольстера, как протестанты Булмер Хобсон (1883—1969) и Элис Миллиган (1865—1953).

Разумеется, часто дух борьбы за независимость объединял многих представителей одной семьи, как, например, четырех сестер и брата Райанов, которые выросли на ферме, средней по меркам США, но зажиточной по ирландским. Из 12 детей 9 получили высшее образование. Пятеро братьев и сестер Планкеттов вовлекли в свою деятельность и родителей, используя свое дублинское поместье и как своего рода коммуну, и как тренировочный лагерь, и даже как фабрику боеприпасов уже накануне Пасхального восстания.

Идея борьбы за независимость объединяла и романтических националистов, таких

как Пирс и Мак-Суини, и настоящих марксистов Конноли и Ларкина. Мечты о новой Ирландии включали и суффражизм, и даже увлечение вегетарианством, а отношение к религии менялось от глубокого католицизма до антиклерикализма и даже атеизма. В четвертой главе книги описаны личные отношения в среде «революционного поколения», которые подчас напоминали жизнь артистической богемы европейских мегаполисов начала XX столетия.

Монография дает коллективный портрет не сотен, а многих тысяч ирландцев, объединенных стремлением избавиться от власти метрополии. В разных главах книги автор умело сравнивает ирландских борцов за независимость с русскими революционерами, цитируя, в частности, Александра Герцена, Михаила Бакунина и Василия Гроссмана. Все это психологически точно, но, на мой взгляд, уместнее было бы сопоставление с деятелями других национальных движений («возрождений») XIX—XX вв., часто удивительно друг на друг похожих. Сам автор подчеркивает, что борьбу за независимость в начале XX в. питали не экономические бедствия Ирландии и не политическая дискриминация (все это оставалось в прошлом), а историческая память, наследие, идеи национальной жертвенности и католицизма.

Радикализм революционеров быстро ушел в прошлое. После победы движения за независимость Ирландии «Зеленый остров» (правда, без шести графств Ольстера) стал очень спокойной, небогатой, провинциальной, консервативной страной, источником власти в которой, согласно конституции 1937 г., провозглашалась Пресвятая Троица. Фостер цитирует бывших революционеров, часто разочарованных независимой Ирландией, то из-за ее консерватизма, то из-за оставленного британцам Ольстера, то из-за недостаточного внимания государства к тем из них, кто не был включен в пантеон национальных героев (р. 299—325).

Можно ли называть борьбу за независимость революционными методами революцией, если в конечном итоге независимая страна

стала мировоззренчески принципиально консервативной? Или же речь в конечном итоге идет о движении за национальное самоопределение в империи, которое завершилось, в том числе, и трагическим разделением острова (первый визит премьер-министра Ирландии в Ольстер стал возможен только в 1965 г.)? На эти, безусловно, важ-

ные вопросы Фостер в своей книге ответов не дает.

А.А. ИСЭРОВ

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-30087).

ДЖ.Д. СМИЛ. *«Российские» гражданские войны, 1916—1926. Десять лет, которые потрясли мир.* Лондон. Хурст и Компания. 2015. 423 с.

J.D. SMELE. *The «Russian» civil wars, 1916—1926. Ten years that shook the world.* London. Hurst & Company. 2015. 423 p.

Столетие первой мировой войны и тесно связанных с ней событий, которые потрясли мир и Россию, в том числе, оказали глубокое воздействие на весь ход последующей всемирной и российской истории, обусловили реализацию многих научных проектов и публикацию серии новых книг в нашей стране и за рубежом.

Имя английского историка из Лондонского университета Джонатана Смил хорошо известно исследователям Гражданской войны в России. Его новая книга представляет собой попытку современного переосмысления комплекса сложнейших проблем Российской гражданской войны в контексте мировой истории, начиная с первой мировой войны и кончая становлением новой системы международных отношений в 20-е гг. XX века.

В самом названии рецензируемой монографии воплотился популярный в современной мировой историографии концепт о множественности войн (гражданских) в Российской гражданской войне. Смил называет имена историков, которые писали о Гражданской войне в России именно во множественном числе — «российские гражданские войны». Это В. Бровкин, Р. Узйд, Д. Стоун и, заметим, что перечень этих имен можно продолжить.

Автор книги пытается обосновать новую периодизацию эпохи российских гражданских войн, которая охватывала, по его мнению, период с 1916 по 1926 г, что он связывает с событиями, происходившими в Средней Азии. Уже во введении Смил подчеркивает всемирное значение изучаемой темы. То, что традиционно именуется Российской гражданской войной, по утверждению автора, было неизмеримо шире. Она распространилась за границы находившейся в коллапсе и менявшей свои размеры империи, охватывавшей шестую часть земного шара. Она вовлекла в свой процесс не только 160 млн жителей этой обширной и многонациональной страны, но и миллионы граждан соседних государств, в которые распространялись конфликты, а также противоборствующие силы комбатантов Антанты и Центральных держав из Европы и из-за ее пределов (включая колониальные формирования Британской и Французской империй и армий США, Японии и Китая). Прорастая из глубины глобального конфликта, подчеркивает Смил, так называемая «Российская гражданская война» была конденсатом мировой войны (с. 3). Она, по мнению автора, являлась сложным переплетением войн и конфликтов в распадавшейся империи, охватывая не только (а часто и не столько) русских, но также не-

русское население бывшей Российской империи и жителей государств, соседствовавших с ней, — от Финляндии, Польши, Румынии через Турцию, Иран, Афганистан — до Китая, Монголии и Кореи (с. 7).

Во введении книги дается краткий обзор литературы по теме, а в дальнейшем Смил в примечаниях указывает или кратко характеризует наиболее значимые, по его мнению, исследования по первой мировой войне, российским революциям 1917 г. и наиболее важным проблемам Гражданской войны. Во вводной части монографии дан исторический экскурс в столетие российской истории, предшествовавшее 1917 г., содержится краткая характеристика процессов и событий, которые в итоге привели Россию к революциям и гражданской войне.

Основная часть рецензируемой книги состоит из шести глав, и в основе ее лежит проблемно-хронологический принцип. Первая глава охватывает период с 1916 по 1918 г. (точнее его первые месяцы) и названа «Начала «российских» гражданских войн». Отсчет их Смил ведет от крупного антирусского восстания в Средней Азии летом 1916 г., в котором видит прообраз басмачества. Характеризуются истоки и причины этого восстания в исторической ретроспективе, начиная со второй половины XIX в. до начала XX в., включая первую мировую войну. Смил подчеркивает, что, несмотря на жестокое подавление восстания, оно вновь вспыхнуло летом 1917 г., а в сентябре исполком Ташкентского Совета провозгласил советскую власть на месяц с лишним ранее прихода большевиков к власти в Петрограде.

В последующих разделах первой главы кратко освещаются процессы и события с марта по август 1917 г. и с августа 1917 по январь 1918. Последний период Смил называет «необъявленной гражданской войной», а неудачное корниловское выступление именует «прелюдией к гражданским войнам» (с. 25, 27).

Отталкиваясь от событий 1916 г. в Средней Азии, автор в дальнейшем вновь задается вопросом, когда же начались «российские» гражданские войны? Он не связывает их с летом 1918 г. и Чехословацким восста-

нием, что было характерно, по его мнению, для советских историков, но, анализируя суждения других исследователей, идет по ступеням более ранних событий: приход большевиков к власти в Петрограде, декреты II съезда Советов и их последствия, создание Добровольческой армии, роспуск Учредительного собрания и др.

Указывая, что главное внимание в книге уделяется изучению «российских» гражданских войн, прокатившихся по территории бывшей Российской империи, Смил, вместе с тем, отмечает, что конфликты и сражения охватывали и территории, ей ранее не принадлежавшие, — Чехословакию, Румынию, Турцию, Персию, Китайский Туркестан, Монголию и Маньчжурию, а также Финляндию и Польшу (с. 36).

Характеризуя содержание конфликтов и войн, Смил указывает на сражения русских, придерживавшихся различных политических взглядов (красные, белые, зеленые и др.) и нерусских — бывших подданных Российской империи — от украинцев, белорусов, прибалтов, поляков до грузин, армян, татар, казахов и башкир. Причем, самые жестокие войны происходили, по его мнению, между нерусскими меньшинствами бывшей империи: армяно-азербайджанская война, грузино-осетинский конфликт, польско-литовская и украинско-польская войны и др. Автор указывает и на раскол между казаками, а также евреями, на противостояние по религиозному принципу и между сторонниками религии, с одной стороны, и атеистами, с другой (с. 36—37).

Значительное внимание уделяет Смил роли иностранных континентов в «российских» гражданских войнах. Он указывает, что из 5 млн иностранцев, находившихся на российской земле к 1917 г., почти половину составляли военнопленные, которые были освобождены после Брестского мира и, оставаясь в России, делали свой выбор в разворачивавшемся противоборстве. Автор книги касается и роли интернационалистов в Красной армии.

Смил подчеркивает, что разгоравшаяся борьба была многоплановой и многоликой

и не сводилась только к противоборству красных и белых. Она состояла и из различных междоусобных конфликтов и войн внутри войн, за главными фронтами Гражданской войны, сформировавшимися в 1918—1919 гг., включая противоборства различного партийно-политического характера. Были войны, указывает автор книги, в которых русские воевали против русских и нерусских, республиканцы сражались с монархистами, христиане с мусульманами, города боролись с деревней, семья воевала с семьей, а брат с братом. Была и война человека с природой: из примерно 10,5 млн погибших, подавляющее большинство (возможно, 80%), по утверждению автора, умерли от голода, холода и болезней (особенно от эпидемий тифа и испанки), которые были спутниками социальной и экономической Гоморры гражданских войн (с. 40—41).

В специальном разделе первой главы Смил характеризует взаимосвязь Гражданской войны в России и первой мировой войны, подготовившей почву для нее.

Автор затрагивает и тему иностранной интервенции в России, которая, по его мнению, предшествовала Октябрю (имея в виду сильные позиции союзных миссий в стране в годы мировой войны) и окрашивала все послеоктябрьские события. Смил указывает, что интервенция (Антанты и Четверного союза) находила разные толкования у современников, противоборствующих в войне сторон и в последующей советской и западной литературе. Вопрос об «ориентации» (с Антантой или с Германским блоком) имел, по мнению Смил, принципиальное значение как для антисоветских и национальных сил, так и для советского лагеря, ибо вызвал раскол последнего, противоборство большевиков и левых эсеров, обвинявших своих противников в прогерманской ориентации. Белые также именовали действия большевиков прогерманскими, а свое поражение объясняли, уже находясь в эмиграции, предательством союзников (стран Антанты). Весь комплекс этих затрагиваемых автором вопросов, сложная диалектика гражданской войны и интервенции в Рос-

сии, является одной из сущностных проблем для понимания феномена Гражданской войны в России.

Вторая глава рецензируемой книги именуется «Триумфальный марш реакции» и охватывает период с 1918 по 1919 год. В ней рассматривается сложный комплекс событий в центре и на местах, в национальных районах бывшей империи, военные кампании, интервенции Германского блока и Антанты, перегруппировки партийно-политических сил и др.

Третья глава «Удары белых, ответы красных» охватывает 1919—1920 годы. Она начинается с тезиса, что главные белые лидеры — адмирал Колчак и генерал Деникин — разрабатывали в 1919 г. свои политические программы, которые, несмотря на привычное восприятие белых как «реакционеров», можно в широком смысле назвать либеральными (с. 105). В дальнейшем Смил пытается раскрыть противоречия Белого движения, выдвигая, в частности, тезис о необходимости маскировать свои замыслы в надежде привлечь на свою сторону крестьянство и национальные меньшинства (с. 107). В последующих разделах этой главы дается обзор основных военных кампаний того периода и их результатов.

Четвертая глава, названная «Сражения в пограничных землях», охватывает период 1920—1921 годов. Она состоит из трех разделов, в которых раскрываются, соответственно, события в Закавказье; украинско-польская, советско-польская, советско-белорусская и польско-литовская войны, а также войны с евреями, и, наконец, борьба на юге страны и за Крым.

Описывая борьбу в Закавказье, Смил отмечает, что этот регион перешел в итоге под советский контроль. Но большевикам не удалось реализовать далеко идущие планы, связанные с распространением своих идей на Восток (Персия, Афганистан, Турция), и противоборство завершилось компромиссами, достигнутыми Советской Россией с Анкарой, Тегераном и Берлином ради обеспечения безопасности страны. Во втором разделе гла-

вы рассматриваются драматические перипетии указанных войн и международных событий, закончившихся в итоге миром с Польшей и крахом планов продвижения коммунизма в Европу. Военная кампания Врангеля, поражение и эвакуация его войск характеризуются в заключительном разделе этой главы.

Пятая глава называется «На внутренних фронтах» и охватывает период с 1917 по 1923 год. Она состоит из десяти небольших разделов, где обзорно характеризуются политика военного коммунизма и нэп, крестьянские восстания, красный террор, дискуссия о профсоюзах, выступление (1921 г.) в Кронштадте, преследования меньшевиков и эсеров, борьба на антирелигиозном фронте и голод 1920—1921 годов.

Заключительная шестая глава книги названа «Окончания “российских” гражданских войн». Смил начинает ее с тезиса о том, что существуют разные даты их завершения: ноябрь 1920 г., март 1921 г., октябрь 1922 года. Но автор указывает, что борьба продолжалась и в дальнейшем. Белые партизаны вели борьбу в Якутии до, по крайней мере, июня 1923 года. С начала 1920-х гг. шла партизанская война в Грузии, достигшая пика весной 1924 года. Если же обратить взор на Каспий и Среднюю Азию, продолжает Смил, то датой окончания гражданских войн можно считать июнь 1926 года. Вместе с тем, он оговаривается, что борьба продолжалась и в дальнейшем, а нэп стал своего рода «крестьянским Брестом», за которым наступил период нового наступления на крестьянство в 1928—1933 годах.

Автор подробно останавливается на характеристике тех или иных значимых событий и окончании гражданских войн в России. Завершающая часть главы посвящается событиям в Средней Азии, ибо с ними Смил связывает не только финал «российских» гражданских войн, но и их начало. Восстание 1916 г. автор именует «открытием сцены “российских” гражданских войн», а сражения Красной армии с басмачами — их завершением. Во время этих последних сражений (после 1921 или 1922 гг.) погибло, по дан-

ым Смил, 574 тыс. красноармейцев и 50 тыс. восставших, в то время, как голод и болезни унесли жизни еще нескольких сотен тысяч человек (с. 235—236).

Автор выделяет и раскрывает три стадии противоборства и войн в Средней Азии. Финальная фаза повстанчества и «российских» гражданских войн началась, по его мнению, в 1923 г., когда лидеры басмачества, ранее бежавшие в Афганистан, начали совершать рейды через границу на советскую территорию и пытались придать борьбе международный характер, вовлекая в нее Афганистан и Персию. Этот период борьбы завершился 4 июня 1926 г. победой советской власти и ликвидацией Туркестанского фронта, что Смил считает окончательной датой завершения «российских» гражданских войн в этом регионе (с. 235—236).

В заключении книги, названном «Красные победы, красные поражения», автор ставит под сомнение победу большевиков в гражданских войнах или, по крайней мере, ее окончательный характер. Он имеет в виду не только состоявшийся распад СССР, но и происходивший уже в ходе рассматриваемого противоборства успех войн за независимость прибалтийских государств, поражение большевиков под Варшавой и крах их польской компании, а также замыслов захвата Германии, что обусловило бы иной путь развития европейского континента. Потерпели неудачу (за исключением Монголии) планы экспорта революции. Большевики вынуждены были пойти на уступки крестьянству и отказаться от политики военного коммунизма. Победа над крестьянством была достигнута, по мнению Смил, лишь после 1928 г., посредством насильственной коллективизации.

Завершая характеристику рецензируемой книги, можно сделать вывод, что появилось новое интересное исследование сложной эпохи российской, а, в известной степени, и мировой истории, в котором поставлены и с разной степенью полноты раскрыты многие важные проблемы. В монографии доказывается целесообразность и научная продуктивность изучения Гражданской вой-

ны в России как серии или комплекса гражданских войн.

Но, касаясь представленной в книге новой периодизации, думается, что нет достаточных оснований считать 1916 г. началом гражданских войн в России, а 1926 — годом их окончания и, тем более, принимать это как новую периодизацию Гражданской войны в России. Восстание лета 1916 г. в Средней Азии было ярким проявлением национального недовольства и свидетельством углублявшегося кризиса Российской империи, продемонстрировало ее слабость в одном из самых уязвимых мест — национальном вопросе. Но вряд ли это было началом эпохи гражданских войн в России, которую в

разных ее измерениях и содержании следует отнести все-таки к 1917—1918 годам.

Финал Российской гражданской войны как особого этапа отечественной истории логичнее связывать с началом 1920-х гг., а не с предлагаемым Смилом 1926 годом. Ликвидация Туркестанского фронта стала хотя и значимым, но все-таки периферийным событием российской истории. Но высказанное замечание не снижает ценность рецензируемой книги, которая будет, несомненно, полезна для специалистов и всех, кто интересуется этой эпохой истории.

В.И. ГОЛДИН

Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 2016 году

СТАТЬИ

Алексеева Е.В., Редин Д.А., Рей М.-П. — «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода		Хвостова К.В. — Слова и вещи в византийских аграрно-правовых отношениях XIII—XIV вв.	№ 4
Барыкина И.Е. — Проекты усовершенствования системы государственного управления Российской империи второй половины 1860-х гг.	№ 6	Юдин К.А. — От сталинской диктатуры к хрущёвской «модернизации»	№ 12
№ 6 ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ			
Карпачёв М.Д. — Воронежская деревня в начале XX в.: социальный облик в условиях перестройки аграрных отношений	№ 5	Башнин Н.В. — Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон	№ 5
Крестьянников Е.А. — Сценарии введения мирового суда в дореволюционной Сибири	№ 7	Ивонина Л.И. — Станислав Лещинский	№ 2
Мамаев А.В. — Особенности системы муниципальных финансов России накануне первой мировой войны	№ 9	Ивонина Ю.Е., Ходин А.А. — Фердинанд II Габсбург	№ 9
Папков С.А. — Выборы в Верховный Совет СССР 1937 года. Внедрение советских избирательных манипуляций	№ 7	Искендеров П.А. — Абдоль Фрашери	№ 12
Пузанов В.Д. — Русское государство и кочевники на юге Западной Сибири в первой половине XVII в.	№ 9	Ковалёв М.В., Мирзеханов В.С. — Давид Давидович Гримм	№ 1
Ростовщиков И.В. — Права личности в российских конституциях: история и современность	№ 9	Нестеренко А.Н. — Даниил Романович Галицкий	№ 6
Стыкалин А.С. — XX съезд КПСС и роспуск Коминформа	№ 2	Петелин Б.В. — Курт Биденкопф	№ 11
Фёдоров С.Е. — Что скрывалось под понятием «аристократия» в XVII в.	№ 11	Сироткина Е.В. — Граф Алоис Лекса фон Эренталь	№ 3
	№ 11	Соловьёв Ю.П. — Иван Михайлович Лебинцов	№ 10
	№ 3	Суслопарова Е.А. — Стэнли Болдуин	№ 4
	№ 8	Филимонова М.А. — Джон Джей	№ 7
	№ 3	Чиняков М.К. — Гийом-Мари-Анн Брон	№ 8
№ 3 ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА			
	№ 8	Задорожнюк Э.Г. — Неуслышанные споры: евразийцы о судьбах славянства	№ 7
	№ 10	Иштуин В.В. — Из истории идеи института президентства в России	№ 3
	№ 1	Майоров А.В. — Лондонский лицевой список Сказания о Мамаевом побоище	№ 5

Тетев А.И. — Проблема укрепления единства российской нации в условиях глобализации	№ 11	Краснов С.Ю. — Опека по обычному праву у донских казаков во второй половине XIX в.	№ 12
Турьинская Х.М. — Социально-политическая динамика на Занзибаре: истоки революции 1964 г.	№ 8	Малкин С.Г. — Армия и шотландская политика Великобритании в середине XVIII в.	№ 10
ПУБЛИКАЦИИ			
Дневники Н.Ф. Финдейзена и материалы «Русской музыкальной газеты» о первой мировой войне. Публикацию подготовила Космовская М.Л.	№ 3	Назаренко К.Б. — Административная система Русской Финляндии в 1760—1810-е гг.	№ 1
Ченакал В.Л. — Оптические инструменты Симона Плёссля в России в первой половине XIX века. Публикацию подготовила Лупанова Е.М.	№ 1	Никитин Н.И. — К вопросу о происхождении казачества	№ 8
ВОСПОМИНАНИЯ			
Солнцева Н.В. — Сабир	№ 2	Орлова И.А. — «Это было скорее потрясение, чем переворот...»	№ 9
СООБЩЕНИЯ			
Азикова Ю.М. — Статус Кабарды во взаимоотношениях с региональными державами в XVI—XVIII вв.	№ 5	Оськин М.В. — Продовольственное снабжение русской армии накануне и после Февральской революции 1917 г.	№ 12
Белов А.В. — 1812 г. в судьбе жителей провинциальных городов Центральной России	№ 6	Плех О.А. — Должностные преступления и наказания в первой половине XIX в.	№ 2
Бовыкин Д.Ю. — Эволюция политических взглядов Людовика XVIII в годы Французской революции	№ 6	Подгорнова Н.П. — Туареги	№ 3
Васина Т.А. — Реформы 1860-х гг. на оружейном и железодельном заводах Ижевска	№ 12	Познахирев В.В. — Управление контингентом прусских военнопленных в России в период Семилетней войны 1756—1763 гг.	№ 6
Воропанов В.А. — Системы правосудия в областях Северного Приуралья в XVI—XVII вв.	№ 12	Порошин Р.И. — П.А. Шувалов и П.П. Альбединский: карьера и политические взгляды друзей-сановников	№ 10
Гребенщикова Г.А. — Россия и Швеция в 1741—1743 гг.: странная война на море ...	№ 7	Прусская Е.А. — Восприятие древнеегипетской цивилизации участниками Восточной экспедиции Бонапарта 1798—1801 гг.	№ 8
Игнатченко И.В. — Внешняя политика Июльской монархии в преддверии революции 1848 г. во Франции	№ 11	Рогожина А.С. — С.Ю. Витте и продовольственный вопрос в России	№ 7
Каулин К.В. — Политика министра иностранных дел графа В.Н. Ламздорфа в отношении прессы в начале XX в.	№ 8	Романовский В.К. — Poleмика о национализме на страницах русской либеральной печати в 1916—1917 гг.	№ 5
Керимова М.М. — Русское присутствие в Словении в 1910-е — 1930-е гг.	№ 4	Рудник С.Н. — Крымские татары и всесословная воинская повинность	№ 9
Кондратьев С.В. — Антикварные мифологемы и границы королевской власти в Англии в первой половине XVII в.	№ 3	Сабанчиев Х.-М.А. — Секретный доклад Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС и судьбы репрессированных народов	№ 7
Копелев Д.Н. — Предыстория секретной экспедиции Петра I на Мадагаскар 1723—1724 гг.	№ 3	Сагимбаев А.В. — Колониальная идеология Лейбористской партии Великобритании в первой половине XX в.	№ 9
		Сидоренко М.А. — «Кухня» придворного балета во Франции в XVII в.	№ 4
		Трофимов Я.В. — Мировые суды в Области войска Донского во второй половине XIX в.	№ 11
		Ульянова Г.Н. — Верхние торговые ряды на Красной площади в Москве в XIX — начале XX в.	№ 1
		Федин А.В. — Борьба иезуитов с индейским алкоголизмом в Новой Франции в XVII в.	№ 2
		Фёдоров А.Н. — «Челябинское дело»: замена партийного руководства Челябинской области в 1949—1950 гг.	№ 6

Фельдман М.А. — Восприятие нэпа региональной элитой в конце 1923 г.	№ 12	Нестеренко А.Н. — Ложные нарративы биографии Александра Невского в отечественной историографии	№ 1
Холяев С.В. — Трансформация «Союза 17 октября» в сторону революции	№ 10	ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ	
Чемоданов И.В. — Итоги социально-экономического развития аграрного сектора Вятского региона к концу 1920-х гг.	№ 9	Бухерт В.Г. — Нина Теймуразовна Берия	№ 10
Шаповалов М.С. — Еврейский вопрос в британском парламенте в 1900—1917 гг.	№ 1	Иванов Г.С. — Жизнь и деятельность Г.М. Попова	№ 12
Шеков К.В. — Транспортно-промышленный колониальный комбинат Мурманской железной дороги в 1923—1934 гг.	№ 11	Избасарова Г.Б. — Шергазы Айшуаков — последний хан Младшего жуза казахов ...	№ 11
Шекшеев А.П. — Красный террор на Енисее в 1920—1922 гг.	№ 11	Киселёв М.А. — И.И. Шувалов и Манифест о вольности дворянства 1762 г.	№ 3
ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ		Кыдыралин У., Кыдыралина Ж.У. — Султан Мухамедгали Таукин	№ 4
Воробьева Т.А., Юнгблюд В.Т. — Афганистан в политике СССР и США в 1979 г. ...	№ 10	Объедков И.В. — Алексей Алексеевич Брусилов и его учеба в Пажеском корпусе в 1867—1872 гг.	№ 1
Гасымлы М. — Территориально-пограничные вопросы на Русско-турецкой конференции и в Московском договоре в 1921 г.	№ 12	Пономаренко Л.В., Ныгусие Кассеа В. Микаэль — Иван Филаретович Бабичев	№ 5
Гезалова Н.Р. — О посольстве генерала А.П. Ермолова в каджарском Иране	№ 5	Савельева Л.И. — Алексей Александрович Стахович	№ 7
Збоев А.В. — Позиции стран Антигитлеровской коалиции по вопросу о бомбардировках Болгарии в 1943—1944 гг.	№ 1	Селиванов И.Н. — Судьба «корейского Фёдора Раскольников» Ли Сан Чо	№ 4
Искендеров П.А. — Становление албанской государственности	№ 2	Супоницкая И.М. — Дело Розенбергов	№ 8
Искендеров П.А. — Развитие сербо-албанских отношений осенью 1913 г.	№ 4	Суховерхов В.В. — Б.И. Фейхоо-и-Монтенегро — предшественник испанского Просвещения	№ 9
Котов Б.С. — Попытки Германии вовлечь Швецию в Тройственный союз и общественное мнение России в 1912—1914 гг.	№ 8	Урсу Д.П. — Бенин: три жизни майора Кереку	№ 11
Курбацкий В.А. — Место Косово во внешней политике Албании	№ 6	ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ	
Осипов Е.А. — Развитие отношений между Францией и КНР в контексте разрядки (1964—1974)	№ 9	Абдусаламов М.-П.Б., Чекулаев Н.Д. — Кумыкские феодальные владельцы и российская военная администрация на Кавказе в 20-х — начале 30-х гг. XVIII в.	№ 11
Панин С.Б. — «Афганское направление» в российской политике перед первой мировой войной	№ 2	Алиев Ш.Г. — Из истории политического объединения Шекинского царства и Кажетинского княжества	№ 10
Романенко В.С. — Версальская система и СССР: политика на Ближнем Востоке в 1921—1927 гг.	№ 2	Ахмедов С.А. — Изображение оружия на каменных надгробиях XV—XVI вв. в Азербайджане как источник по военной истории	№ 6
Собко Е.М. — Российско-английские дипломатические отношения в период войны за австрийское наследство	№ 4	Балакин В.И. — Нацизм в Японской империи в 1868—1947 гг.	№ 11
Ходеев Ф.П. — Мир 1940 г. с Финляндией как стратегическая ошибка	№ 12	Баринаева Е.Б. — Влияние Центральной Азии и Южной Сибири на развитие материальной культуры Китая в древности	№ 9
ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ		Бахтияров Г.А. — Сотрудничество Азербайджана с тюркоязычными странами Средней Азии	№ 11
Долгов В.В. — Александр Невский в зеркале альтернативной истории	№ 11	Бахшалиев Ф. — Образование русских поселений в Азербайджане и их дальнейшая судьба	№ 1

- Бородина Е.В. — Социальная структура России в период Петровских преобразований (на примере Кунгурского уезда первой трети XVIII в.) № 12
- Варенцова Л.Ю. — Хлебный приказ в 1655—1679 гг. № 8
- Василевский В.П., Сушко А.В. — Суицид среди сотрудников советских спецслужб в 1920-е гг. (на примере Омского окружного отдела ОГПУ) № 6
- Гараев Э. — Второй Эриванский поход российских войск 1808 г. № 7
- Герасимов Д.А. — Роль германской угрозы в политике мурманских властей 1917—1918 гг. № 7
- Гордеев П.Н. — «Отгораживание» трупп бывших императорских театров в 1917 г. № 8
- Гордина Е.Д. — Проблема борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в 1946 г. № 9
- Гулиев Р.А. — Бакинские международные ярмарки в таможенных документах 1922—1929 гг. № 4
- Гуляев А.А. — Е.А. Щаденко и репрессии в Красной армии в 1937—1938 гг. № 10
- Дербин Е.Н., Тихонов В.В. — «Маленький человек» против «больших» историков в эпоху «позднего сталинизма» № 11
- Евдокимов Р.Н. — Смоленские казаки в 30—50-е гг. XVII в. № 9
- Еремеева А.Н. — Курортные проекты Кубанской области и Черноморской губернии военного времени (1914—1917 гг.) № 1
- Зотова А.В. — Советские банки в годы Великой Отечественной войны № 5
- Зяблицева С.В. — Эвакуация 1941—1942 гг. как фактор перемен в культурной жизни Западной Сибири № 2
- Исаков Х.В. — Из истории Великого шелкового пути № 6
- Карпов Е.А. — Межнациональные отношения в артиллерийских подготовительных училищах в 1946—1955 гг. № 5
- Кириллук Д.В. — Трещины плановой экономики на примере обеспечения теплом ямальских школ в 1958—1966 гг. № 8
- Крадин Н.Н., Крадин Н.П. — Кондуйские древности № 12
- Кретинин Г.В. — События 20 августа 1914 г. под Гумбинненом — бой или сражение? ... № 11
- Кучумов И.В., Мельник Э.В., Сахибгареева Л.Ф. — Пьер-Шарль Левек — французский исследователь истории и этнографии России № 10
- Лувсанцэрэнгин Д., Филин С.А. — Роль Советского Союза в создании системы здравоохранения Монголии № 11
- Матвеева Е.М. — Восприятие в России американской системы образования на рубеже XIX—XX вв. № 8
- Матиев Т.Х. — Взаимоотношения войск и гражданского населения в период Малгобекской оборонительной операции № 5
- Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л. — Кормиличный промысел в России в 1850—1917 гг. № 3
- Мосаки Н.З. — Межбиблиотечное сотрудничество и книгообмен в культурной политике СССР в Ираке в конце 50-х — 60-х гг. XX в. № 3
- Назаров В.Н. — Развитие железнодорожной системы западных областей Белоруссии и Украины в сентябре 1939 — июне 1941 г. № 4
- Наземцева Е.Н. — Политико-правовое положение русской эмиграции в Китае в период второй мировой войны № 2
- Некрасов А.М., Некрасова М.Б. — Турецкие купцы в России в XVI в. № 7
- Нифталиев И. — Партийно-политическое образование в Азербайджанской ССР в 20-х — 30-х гг. XX в. № 12
- Новосельцева Л.К. — Становление сербской научной интеллигенции во второй половине XIX в.: просопографический аспект № 7
- Омельяничук С.В. — Социально-экономический и правовой статус вдовы в Древней Руси № 4
- Первошичков Д.В. — Госпитали для иностранных военнопленных на территории Удмуртии в 1943—1949 гг. № 10
- Перхин В.В. — С.С. Прокофьев, Д.Д. Шостакович и В.М. Молотов (по поводу одного письма 1950 г.) № 12
- Халаев З.А. — Джаро-Белоканы во внешней политике Османской империи в XVIII — начале XIX в. № 12
- Халилов А.Х. — Внутренние противоречия и борьба в руководстве Азербайджанской ЧК в 1920—1922 гг. № 5

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- Андреев А.Н. — Русское дворянство и протестантская религиозная культура в XVIII в. № 8
- Герасимова В.А. — Между иудаизмом и православием в России в XVIII в. № 9
- Кустова Е.В. — Формирование монастырей в Пермском крае в XV—XVII вв. № 4

Машковцев А.А. — Баптисты и евангельские христиане Среднего Поволжья и Приуралья в годы первой мировой войны	№ 2	Арзаканян М.Ц. — Н.С. Скоробогатых. История Австралии. XX век	№ 6
Печалова Л.В. — Участие русской православной церкви в развитии кооперации в России во второй половине XIX в.	№ 11	Белоусов И.И. — Нацистская Германия против Советского Союза: планирование войны	№ 9
Серова О.В. — Отношения России со Святым Престолом в XIX в.	№ 1	Вагабова Э.Р. — С.И. Алиева. Взаимоотношения Азербайджана и народов Северного Кавказа (XIX — начало XX вв.)	№ 9
Терёшина О.В. — Украинская автокефальная православная церковь в 1942—1944 гг.	№ 5	Гаврилова С.М. — Т.В. Зонова. История внешней политики Италии	№ 5
Шевкун П.В. — Православная церковь в коммуникативных процессах конца XVIII — первой половины XIX в.	№ 6	Гаврилова О.А., Петров И.В., Пученков А.С. — П.Н. Базанов. Братство русской правды: самая загадочная организация русского Зарубежья; Его же. Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917—1939 гг.)	№ 8
ИСТОРИОГРАФИЯ		Гиголаев Г.Е. — В.П. Булдаков, Т.Г. Леонтьева. Война, породившая революцию	№ 12
Абышов В. — Отражение событий 1917—1920 гг. в Северном Азербайджане в современной российской историографии ...	№ 8	Голдин В.И. — Дж. Д. Смил. «Российские» гражданские войны, 1916—1926. Десять лет, которые потрясли мир	№ 12
Васильев А.А. — Концепция консервативной стабилизации в российском обществе в XIX—XX вв.	№ 12	Гребёнкин И.Н. — Болгарская армия в первой мировой войне (1915—1918)	№ 10
Ильин А.Ю. — Догоняющая урбанизация и городское хозяйство в истории России (размышления по поводу работ немецкого историка Т.М. Бона)	№ 5	Зуйков Р.С. — Всемирная история в 6 томах. ИВИ РАН. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока	№ 5
Искендерова М.С. — Политика России на Южном Кавказе в XVIII — начале XIX в. в трудах современного историка	№ 10	Иванов В.В. — Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война (1618—1648) в событиях и коллективной памяти Европы	№ 8
Крих С.Б. — Система советской историографии: основные акторы и силы влияния	№ 7	Исэров А.А. — Р.Ф. Фостер. Живые лица: революционное поколение в Ирландии, 1890—1923	№ 12
Летинова Э.М. — Северо-западные владения Азербайджана в русской историографии XIX — начала XX в.	№ 11	Кодин Е.В. — М. Дэвид-Фокс. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921—1941 годы	№ 4
Политов В.В. — Влияние монголо-татарского ига на Древнерусское государство в дореволюционной историографии	№ 2	Колганов А.И. — Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»	№ 3
Поляков В.А. — Трансформация российского транспорта в 1917—1920-х гг. (к историографии проблемы)	№ 3	Кононенко А.А. — Народничество и народнические партии в истории России в XX веке	№ 11
Торопкин С.А., Фоменков А.А. — История становления и эволюции пенсионного обеспечения в самодержавной России	№ 6	Корнилова О.В. — А. Баренберг. Город ГУЛАГа, моногород: принудительный труд и его наследие в Воркуте	№ 4
РЕЦЕНЗИИ		Кретинин С.В. — К. Вебер. Война преступников. Массовые расстрелы под Катынью	№ 5
Абрамова Н.Г. — Формирование территории Российского государства. XVI — начало XX в. (границы и геополитика)	№ 8	Круглов В.Н., Тихонов В.В. — А.В. Лукин, П.В. Лукин. Умом Россию понимать: Постсоветская политическая культура и отечественная история	№ 6
Акимов Ю.Г. — Л.И. Ивонина. Драма династии Стюартов	№ 6		

Кузнецов И.А. — С.А. Рогатко. История продовольствия России с древних времен до 1917 г. Историко-экономический взгляд на агропромышленное развитие Российской империи	№ 8	Митрофанов А.А. — Э. де Варескель. Фуше: молчание спрута	№ 1
Кунц Е.В. — А.М. Феофанов. Студенчество Московского университета XVIII — первой четверти XIX века; Студенты Московского университета второй половины XVIII — первой четверти XIX века: Библиографический словарь	№ 7	Нагорная О. — В.А. Ватлин. Советское эхо в Баварии. Историческая драма 1919 г. в шести главах, пяти картинах и двадцати документах	№ 1
Лаптева Л.П. — А. Баженова. Историки Императорского Варшавского университета: просвещение, наука, политика	№ 5	Раскин Д.И. — А.П. Ермолов. Кавказские письма. 1816—1860	№ 6
Любин В.П. — Ф.И. Новик. В ловушке холодной войны. Советская политика в отношении Германии, 1953—1958 гг.	№ 6	Соловьёв К.А. — Аксаковы: семейная энциклопедия	№ 11
Мауль В.Я. — Т.Л. Лабутина. Англичане в допетровской России; Британцы в России в XVIII веке	№ 2	Суховерхов В.В. — История Испании. От войны за испанское наследство до начала XXI века	№ 1
		Шумкин Г.Н. — В.В. Поликарпов. Русская военно-промышленная политика. 1914—1917. Государственные задачи и частные интересы	№ 7
		Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 2016 году	№ 12

Contents

Articles: **K.A. Yudin**. From the Stalin's dictatorship to Khrushchev's "modernization". Historical profiles: **P.A. Iskenderov**. Abdul Frashery. Contributions: **M.A. Feldman**. Perception of the NEP in the minds of regional elites in late 1923; **M.V. Os-kin**. The food supply of the Russian army on the eve of and after the February revolution; **S.Y. Krasnov**. Trustee of the customary law at the Don Cossacks in the second half of the XIX century; **T.A. Vasina**. Reforms of the 1860s at the Izhevsk arms and ironworks; **V.A. Voropanov**. Systems of justice in the areas of Northern Ural in the XVI—XVII centuries. Diplomacy in history: **F.P. Khodeev**. Peace Treaty of 1940 year with Finland as a strategic mistake; **M. Gasimli**. Territorial-border issues at the Russian-Turkish conference and in the Treaty of Moscow. History and fates: **G.S. Ivanov**. Life and activity of G.M. Popov. People. Events. Facts: **V.V. Perhin**. S.S. Prokofiev, D.D. Shostakovich and V.M. Molotov (about one letter, 1950); **E.V. Borodina**. Social structure of Russia in the era of Peter the Great's reforms (based on materials of Kungur district in the 1st third of the 18th century); **N.N. Kradin, N.P. Kradin**. Konduiski antiquity; **Z.A. Halaev**. Jar-Balakan in the foreign policy of the Ottoman Empire in the XVIII — early XIX century; **I. Niftallyev**. The party-political education in the Azerbaijan SSR in the 20s — 30s years of the twentieth century. Historiography: **A.A. Vasiliev**. Concept of the conservative stabilization in the Russian society in the XIX—XX century. *Reviews on books*: **V.P. Buldakov, T.G. Leontiev**. War, which engendered a revolution (by G.E. Gigolaev); **R.F. Foster**. Vivid Faces: The Revolutionary Generation in Ireland 1890—1923 (by A.A. Iserov); **J.D. Smele**. The "Russian" civil wars, 1916—1926. Ten years that shook the world. (by V.I. Goldin). **Index of articles published in 2016**.

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 12, 2016

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.11.2016. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1400. Заказ 2588-2016. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Редакция журнала «Вопросы истории»

Отпечатано АО «Красная Звезда».
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62
E-mail: kr_zvezda@mail.ru www.redstarph.ru

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**